

Азиз Несин

Король футбола

Перевод с турецкого В. Феоновой и С. Сверчевской под редакцией М. Малышева

Для мультязыкового проекта www.franklang.ru сканировал и проверил Илья Франк

ВЕЛИКОСВЕТСКОЕ СЕМЕЙСТВО ФЁРФОЙЕРВЕРКОВ

Каждый любитель спорта, не говоря уж о футбольных болельщиках, безусловно, знает, кто такая Севим Ферфейерверк. (Злые языки наградили ее прозвищем Грифон, — господа, до чего же несправедливы и завистливы люди!) Ну, а если вы не только увлечены спортом, но и принадлежите к высшему обществу, то, несомненно, знакомы и с Севим, и со всем семейством Ферфейерверков.

Вы еще не забыли, как на прошлогодних гонках яхтсменов Севим буквально свела всех с ума — и зрителей и спортсменов, — сделав неожиданное заявление:

— Я учреждаю гран-при для победителя!

На следующий день об этом «гран-при» писали не только в спортивных отчетах, но и в разделах великосветской хроники.

Гонку, как и следовало ожидать, выиграл Суат Негритос.

— Ну, — развязно сказал он Севим, — выкладывай свой гран-при...

Усыпавшие побережье болельщики готовы были держать пари, что наградой Суату станет поцелуй красавицы Севим. Их убогое воображение не шло дальше подобной банальности. Однако у девушки были на этот счет свои соображения. Она непринужденно расстегнула платье, решительным жестом, будто выдернув кольцо парашюта, сорвала с себя алый бюстгальтер, а затем церемонно, как верительную грамоту, вручила его ошалевшему победителю. Тот лишь секунду помедлил, потом сгреб в охапку девушку и в тот же миг

очутился вместе с ней на яхте. Почтеннейшая публика еще не пришла в себя, как на мачте победно взвился алый гран-при, и яхта ринулась на всех парусах в неоглядную даль Мраморного моря, подальше от любопытных глаз. Публика заворуженно глядела вслед удаляющейся яхте, увозившей грай-при, который розовой бабочкой порхал над морской синевой.

На следующий день все те же злые языки, дав себе волю, постарались вовсю; невинная выходка Севим, как снежный ком, обросла пикантными подробностями и докатилась до ушей самого Хасипа Ферфейерверка, отца Севим, главы благороднейшего семейства, весьма известного и уважаемого в высшем обществе человека.

Зависть никогда не скупится на захватывающие подробности. И никто так не умеет из мухи сделать слона, как очевидец. Именно очевидцы постарались уверить Хасипа Ферфейерверка, будто своими глазами видели болтающийся на мачте Негритосовой яхты... нет, не бюстгальтер его дорогой дочери, а самый что ни на есть интимный предмет туалета, о котором вслух даже не скажешь...

Папаша Севим, снисходительно относившийся ко всем поступкам дочери, не выдержал и взорвался:

— Позор!.. Да как она смела!.. Честь семьи — к чертям собачьим!..

И Хасип-бей (*Бей (бай), или бейэфенди, а также эфенди — господин, сударь; ханым, или ханымэфенди — госпожа, сударыня.*) задумался о необходимости первого серьезного предупреждения ветреной дочери, не дорожащей девичьей гордостью и честью семьи. Но, как часто это бывает в наших семьях, в конфликт вмешалась мама.

— Нет худа без добра, — сказала расчетливая Мехджуре-ханым. — В конце концов поступок дочери окажет добрую услугу и принесет только выгоду фирме семейства Ферфейерверков, торгующих дамским бельем. Ведь это же настоящая рекламная находка! Гран-при Севим, как, впрочем, и то самое, что ни на есть интимное, о чем вслух не говорят, было из последней партии, полученной фирмой из Америки.

— Пожалуй, дело мать говорит, — сдался глава семейства. — Любая реклама полезна. Однако, на всякий случай, решил навести справки о Суате Негритосе.

Что же касается победителя гонок, которому привалило такое счастье, то Суат Негритос, молодой человек лет сорока, атлетического сложения, как говорится, в самом соку, с изумрудными глазами и густой черной шевелюрой, был объектом чересчур откровенных вздыханий со стороны особ разного возраста — от семнадцати и до пятидесяти семи, Это было какое-то повальное увлечение, которого, казалось, ни одна женщина не могла избежать.

Круглый год этот красавчик гонял на своей яхте, и его кожа всегда лоснилась от здорового

морского загара, — потому-то и прозвали его Негритосом. Но странное дело, увлечение женщин Суатом длилось всегда недолго, страсть сменялась разочарованием, порой даже презрением и ненавистью. В чем же дело? Грубо говоря, виной всему был его нос, один из крупнейших в стране носов. Только витрина не соответствовала тому, что имелось в магазине. Наивные дамы впадали в самообман, ставя в прямую зависимость величину носа с действительными доблестями Суата.

Жертвой такого заблуждения стала и Севим Грифон. Ах, как ее гипнотизировал многообещающий нос Суата! И сколь глубоко было разочарование девушки, оставшейся один на один с Негритосом. Уж не поэтому ли она при всем честном народе щелкнула Суата по носу и кокетливо прощепетала:

— Обманщик ты, больше никто...

Так рухнула легенда о Суате Негритосе. А Севим, обманутая в своих надеждах, решила расстаться с морем и обосноваться на суше, целиком отдав себя футболу, любимой игре миллионов. Вернее, не столько футболу, сколько знаменитой футбольной команде ПыС — так называлась команда клуба «Пыль Столбом», — состоящая из одиннадцати, как на подбор, удалцов, готовых ради девушки на все, вплоть до победы в футбольном чемпионате страны. Такая уж была эта девушка Севим Грифон из высокочтимого и уважаемого в высшем обществе семейства Ферфейерверков.

Все лето Ферфейерверки проводили у моря, благо оно было под боком. Каждое воскресенье семейство отправлялось на пляж, двигаясь в неизменной последовательности: впереди папа, Хасип-бей, следом мама, Мехджуре-ханым, а затем уже дочь, прекрасная Севим. Но именно в это воскресенье в хвост благородному семейству пристроился молодой человек. Он шел следом столь упорно, что его присутствие вынужден был заметить даже глава семейства, хотя на такого рода житейские мелочи он обычно не обращал внимания: в самом деле, не хватало еще серьезному бизнесмену, торгующему американским дамским бельем, замечать многочисленных поклонников дочери.

— Севим, — окликнул молодой человек девушку, следовавшую в арьергарде, — этот старик твой предок?

— Угу! — дружески улыбнувшись, ответила девушка.

Когда семейство приблизилось к пляжу, Севим, слегка приотстав от родителей, вдруг остановилась и неторопливо сняла туфли. Это должно было, по мысли Севим, побудить шедшего сзади юношу к решительным действиям. Но тот, правда, попытался воззвать к голосу рассудка:

— Севим, лапочка моя, ведь сейчас сорок три градуса в тени!

— Угу! — обезоружила его улыбкой Севим, и оба тут же скрылись в пляжной кабине.

Хасип-бей — надо отдать должное его догадливости — все-таки забеспокоился, полагая, что неизвестный юноша поступил не совсем тактично.

— Кто этот молодой человек? — строго спросил он жену.

— Какой?

— «Какой, какой!»! Тот, что тащился за нами всю дорогу. Ты его знаешь?

— Кого?

— О, Аллах! Ну, того, который сейчас переодевается в кабине с нашей дочерью.

— Как?! Ты не знаешь центрального защитника из клуба ПыС? Это же знаменитый Ахмед!

Непроходимый Ахмед! Недаром его зовут Ахмед Стена!

Хасип-бей смущенно замолчал. Позорище какое! Не знать в лицо такую известную личность, почти национального героя!..

— А-а-а-а... Так, значит, это он? Как же, как же... Прекрасный стоппер, мощный удар и все такое... Ишь ты, а я подумал, что кто-то чужой увел нашу дочку.

— Ты готов вообразить себе бог знает что, — укоризненно заметила жена. — Что ты все следишь за ребенком, давишь на психику?..

— Если родители не будут следить и давить, то ребенка придавит кто-нибудь другой! — перебив ее, назидательно произнес Хасип-бей и многозначительно кивнул в сторону кабины.

Родители успели поплескаться в море и даже обсохнуть, разлегшись на песке, когда дверца кабины распахнулась и оттуда выпорхнула Севим, а следом за ней появился Ахмед.

— Полюбуйся, она только еще выходит из кабины, — возмущенно проговорил Хасип-бей. Мехджуре-ханым даже не пошевелилась.

— Когда хочет, тогда и выходит. Девочка уже совершеннолетняя. Оставь ее в покое.

Будучи женщиной рассудительной, Мехджуре-ханым имела свою точку зрения на то, как надлежит себя вести скромной девушке на выданье. Скромность тоже должна иметь свои границы. Девушке-невесте отнюдь не помешает широкий круг знакомых. Скорее даже наоборот. И если отец не понимает столь простой истины, то ему лучше помалкивать и не мешать дочери искать свое счастье.

Не желая ссориться с женой, хотя ссоры, видимо, все равно было не избежать, Хасип-бей отвернулся и заворчал себе под нос, однако достаточно громко, чтобы жена его услышала:

— Ничего себе скромная девушка... Широкий круг знакомств... Хм... Надо бы шире, да некуда... Девушка на выданье... Да про таких говорят: «Старая дева...»

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей и как-то успокоиться, Хасип-бей сел и

бессмысленным взором уставился на море. Его лысина после купания ярко блестела на солнце, впрочем, в другое время никакой лысины у него не наблюдалось — так

изобретательно он укладывал оставшуюся прядку волос.

Вид моря не прогнал тревожных мыслей. Никогда в жизни он не подумал бы плохо о своей дочери, если бы не ее фигура, которая в последнее время, если быть откровенным, стала приобретать зловещие очертания.

— И прекрасно! — в ответ на его опасения сказала невозмутимая Мехджуре-ханым, — с возрастом все становятся склонны к полноте.

— Прости меня, но у нашей Севим полнота какая-то односторонняя, — не очень уверенно возразил папа.

— Не смей меня. Человек не может справиться со своей полнотой, не всегда же ей быть гармоничной. Все зависит от конституции...

При слове «конституция» Хасип-бей осекся, ибо не желал переводить семейный разговор в плоскость внутривполитической дискуссии.

Мать очаровательной Севим была твердо убеждена, что беспокойства супруга лишены основания. Современный уровень медицины, справедливо полагала она, и просвещенность нынешних девушек исключают необходимость каждодневно напоминать детям о мерах элементарной предосторожности... Тем не менее, после разговора на пляже, Мехджуре-ханым на всякий случай повела дочь к известному врачу, с давних пор пользовавшему это великосветское семейство.

— О доктор! Ваша честь... наша честь... ее честь... честь семейства и даже фирмы...

Знаменитый доктор, через умелые руки которого прошла почти вся дамская часть здешнего побережья, деловито освидетельствовал состояние Севим и ответил, словно часовых дел мастер:

— Пустяки, исправим...

Надо заметить, что доктор был в курсе дел наследницы семейства Ферфейерверков. Ни людская молва, ни великосветская хроника не забывали о Севим Грифон. Всем было известно, что, мстя незадачливому яхтсмену Суату Негритосу за утраченные иллюзии, дочь Ферфейерверков завела дружбу с непобедимой футбольной командой клуба ПыС. Дружба не осталась бесследной. И грязное пятно могло, конечно, запятнать честь семейства и фирмы. Однако доктор был мастером своего дела и умело вывел пятно. Понятно, что за срочность и высокое качество всегда существует наценка. Так что известный пятновыводитель хорошо заработал — спасая честь. Светские люди не скупятся, а фирме ничего не осталось, как списать убытки.

Охочие до пошлых сенсаций газетчики не оставили без внимания эту операцию, ядовито назвав ее «пластической». Автор одной из гнусных статей богохульствовал: «Если бы подобные дела творились до Рождества Христова, то все бы говорили, что беззащитных

девушек соблазняет Дух Святой. Так возблагодарим небо, что мастера пластических операций не успели продемонстрировать своего умения в те далекие времена. В противном случае человечество никогда не обрело бы Иисуса Христа...»

К чести Ферфейерверков, семейство сохраняло завидное спокойствие на людях. И только дома Мехджуре-ханым давала волю своей ярости, читая газетный бред насчет пластической операции Севим. Что же касается главы семейства, то Хасип-бей умело скрывал свое негодование: стоя перед зеркалом, он тщательно маскировал лысину.

АХМЕД СТЕНА

Кто знает, отчего зависит спортивная форма футболиста? Иногда от причин, не имеющих никакого отношения к спорту.

Вот, например, знаменитый на всю страну, непроходимый центральный защитник команды ПыС Ахмед, по прозвищу «Стена», перед ответственным матчем частенько торговался с красоткой Севим.

— Значит, если проиграем, то нет?

— Значит, нет! — решительно говорила Севим.

— А если ничья?

— Тогда и я ничья.

— А если мы выиграем?

И тут Севим, скромно потупив очи, говорила: «Да!» После этого на футбольном поле не было игрока, равного Ахмеду. Он с одинаковым успехом осуществлял «персональную опеку» и держал «зону». Носился по полю, будто наскипидаренный. Рубил по ногам, хватал соперника за руки, за трусы, бил по мячу с такой силой, что тот улетал далеко на трибуны. Словом, Ахмед Стена всегда мог обеспечить победу своей команде. А Севим, как девушка честная, всегда сдерживала обещание. И пластические операции стали следовать одна за другой. На это обстоятельство была вынуждена обратить внимание пресса. Труженикам пера удалось установить прямую зависимость пластических операций от удачной игры стоппера команды ПыС. Однако не на шутку встревоженные родители приняли ответные меры и в дни матчей, когда играла команда клуба ПыС, под любым предлогом оставляли Севим дома или отправляли ее в загородные поездки. Ведь если увлечение футболом будет продолжаться в таком же духе, то для дочери не удастся подыскать приличного жениха. Будущее семьи и фирмы Ферфейерверков окажется под ударом.

Поначалу хитрость родителей удалась. Однако, лишившись моральной и физической поддержки Севим, непроходимый стоппер ПыС'а приуныл и забуксовал, что тотчас же сказалось на игре всей команды — она стала проигрывать матч за матчем. Руководители клуба ПыС, отдавая себе отчет в том, что турнирное счастье команды находится вне сферы их компетенции, решили срочно принять самые решительные меры. Пусть одной «пластической» операцией станет больше. В конце концов клуб ПыС готов принять определенные расходы на себя. Когда речь идет о чести команды, нечего считать деньги. Честь девушки — дело семейное, честь команды — проблема общественная и даже государственная. Поэтому следует вступить в переговоры с родителями Севим, являвшейся не только доброй феей, но и духом-хранителем клуба ПыС. Эту щекотливую миссию принял на себя генеральный председатель клуба Дюндар Болтун-бей, близкий друг Хасипа Ферфейерверка. В самой деликатной форме он объяснил Хасип-бею безвыходность создавшейся ситуации.

— Если так пойдет дальше, друг мой, ПыС скатится на последнее место. Неужели ты допустишь это? Ахмед Стена — девять десятых команды, я уж не говорю, что за него мы уплатили триста тысяч лир. Пусти Севим на футбол! — Болтун-бей решил взять быка за рога. — Когда твоя дочь на трибуне, Ахмед превращается в стену неприступной крепости. А если ее нет, стена рушится, и крепость берут враги...

Страстная, пламенная речь Дюндара Болтуна-бея произвела на палашу Ферфейерверка огромное впечатление. Шутка ли: девять десятых ПыС'а! Триста тысяч лир!

— Лучшим выходом из этой ситуации, — эффектно закончил свою речь Болтун-бей, — была бы свадьба Ахмеда и Севим.

Потрясенный Хасип-бей чуть было не спросил, почему же тогда Ахмед не женится, но осекся, вовремя взяв себя в руки. Зачем Ферфейерверкам этот брак: у Ахмеда ни денег, ни положения в обществе. Кроме того, Ахмеда при всем желании не отнесешь к интеллектуальной элите, не говоря уже о том, что он забулдыга и самый вульгарный картежник. В то же время Хасип-бей был крайне польщен и даже горд, узнав от Болтуна-бея, какое, оказывается, значение имеет его дочь в судьбе ПыС'а и знаменитого защитника этого клуба. И если бы не карты, то можно было бы согласиться на брак Севим с этим необыкновенным, непроходимым защитником и даже открыть для зятя небольшой спортивный магазинчик...

В общем, он готов посоветоваться с супругой — так и сказал Хасип-бей на прощанье генеральному председателю Болтун-бею.

В ту же ночь супруги Ферфейерверк впервые серьезно говорили о будущем своей дочери. Разговор получился недлинным.

— Надо поскорее выдать Севим замуж, — сказала мамаша и добавила: — Был бы муж, а уж там...

— Конечно! — согласно подтвердил папаша. — После свадьбы пусть муж и следит за ней. Выйдет замуж, тогда может вдохновлять кого угодно: хоть Ахмеда Стену, хоть Суата Негритоса — мне все равно.

Уже на следующее утро заботливые родители начали исподволь приглядывать супруга для Севим.

Справедливости ради надо отметить, что кандидатура стоппера из ПыС'а не рассматривалась в руководящих кругах семьи Ферфейерверков не потому, что он был картежником, кретином и мог работать только ногами, — при желании Хасип-бей нашел бы для него подходящее занятие в системе сбыта дамского белья. Беда была в том, что сам Ахмед Стена и слышать не хотел о женитьбе на Севим. Девушка успела передружить со всеми футболистами основного состава команды ПыС, включая запасных игроков. Добрая фея команды «Пыль Столбом» как бы породнила всех футболистов, сделав их духовными братьями. Потому сам Ахмед относился теперь к девушке по-братски и даже уговаривал ее поскорее выйти замуж.

— После свадьбы, дорогая, наши отношения не будут мозолить всем глаза.

Севим соглашалась, но где взять жениха? Широкий круг знакомств оказался на самом деле узким местом в брачном вопросе.

Тем не менее дело не терпело отлагательств, и в один прекрасный день Мехджуре-ханым объявила дочери, что та должна выйти замуж до окончания футбольного сезона.

ВЕЛЬМОЖНЫЙ РОД ШАФРАН-ЗАДЕ

Он отыскался сам по себе. То есть никто его не искал. Пока взоры Ферфейерверков блуждали в поисках ангела по небу, жених брел по грешной земле, не подозревая о надвигающихся событиях. Звали этого несчастного Саид Рыжисын. Юноша с таким характером, с таким темпераментом был истинной находкой для Севим. В другое время гордая девушка не посмотрела бы в его сторону. Но наступил день, когда мама хлопнула ладонью об стол и решительно сказала:

— Или ты сама найдешь себе мужа, или выйдешь за того, кого мы с отцом тебе посватаем. Бедняжка заперлась в своей девичьей комнатке, всласть поплакала, затем вышла и сказала, что согласна на брак с первым же попавшимся мужчиной, который не будет вмешиваться в

ее дела и топтать ее личную свободу...

Саид Рыжисын, вопреки фамильной традиции, был белобрыс, белобров, белокож и белолиц — можно было подумать, что его с ног до головы вываляли в муке. Глаза Саида постоянно слезились, ибо белые реснички не защищали их от света. Даже за темными очками глаза были всегда прищурены. Кроме того, молодой человек страдал близорукостью, равной минус пятнадцать. Он вечно на что-нибудь натывался, и его белое тело было разукрашено ссадинами и синяками всех цветов и оттенков. Росту в нем было сто восемьдесят четыре сантиметра, а веса — всего пятьдесят один килограмм, поэтому он казался двухметровой жердью. Никто не мог точно определить его возраст. Одни говорили, что ему не менее сорока, другие уверяли, что нет и шестнадцати. И только сам Саид знал, что ему исполнилось двадцать четыре года.

Еще в школе Саид обещал стать великим математиком, ибо, кроме математики, не в силах был одолеть ни одну науку. Однако вид у маленького Саида был всегда такой безучастно-отрешенный, что учителя прочили ему будущее великого ученого и считали, что с помощью математики Саид непременно сделает какое-нибудь выдающееся открытие. Именно поэтому, наверное, его после школы сразу отправили в Париж для изучения астрономии. Но занятия астрономией прервались на полпути — Саиду не удалось открыть никакой новой звезды, зато юноша увлекся астрологией, обнаружив у себя удивительные способности определять местонахождение потерянной или украденной вещи. Этот дар ясновидения белоликий Саид перенял у какой-то темной личности, называвшей себя индийским факиром, магом и волшебником.

Саид научился узнавать прошлое и настоящее людей, читать их мысли на расстоянии и без оного. Поэтому провести или обмануть Саида было невозможно, если он сам себя не обманывал и не попадал впросак из-за своей близорукости и застенчивости.

Дар ясновидения очень помогал ему даже в личной жизни. К примеру, если, проснувшись утром, он не мог отыскать свои носки, то не тыкался по всей комнате, а садился за стол, брал карандаш, бумагу и начинал методом исключения вычислять, где в данную минуту мог находиться тот или иной носок. Если математический анализ давал лишь приблизительный результат, то Саид открывал чемодан и доставал новые носки. Так повторялось почти каждое утро, и вся комната его была завалена носками. Они были везде, куда ни протянешь руку, — на книжной полке, под подушкой, в холодильнике, в стакане... Метод астрологического анализа привел его к неожиданному выводу: очень многие девушки хотят выйти за него замуж. Однако, будучи ясновидцем, Саид предчувствовал, что женитьба не сулит ему ничего хорошего, поэтому он стал избегать женского общества. Впрочем, вполне вероятно, что Саид мог привлечь девушек не столько своим могучим

интеллектом, сколько сказочным богатством.

А богатство для него копили двести пятьдесят лет. В давние-предавние времена в цехе сапожников трудился некто Юсуф, прозванный «Пегашом» за свою цветную масть. Малолетнего Юсуфа подобрали янычары, но тот оказался непригодным в янычарском деле, и его определили в сапожники. Благодаря природному уму и скромности Юсуф выбился в цеховые старосты, а потом даже заделался правителем одной из провинций некогда обширной Османской империи. С того незабываемого момента его стали величать Юсуфом-пашой Пегоголовым. Однако правил своей провинцией Юсуф-паша всего два месяца. Великий визирь справедливо полагал, что правитель обязан давать ему взятки. А правитель справедливо полагал, что его дело брать взятки, а вовсе не давать их. В связи с этим великий визирь написал падишаху донос на Юсуфа-пашу Пегоголового, обвинив последнего в притеснении народа. Будучи по природе своей в высшей степени справедливым, падишах всегда был готов положить голову за свой народ. И не долго думая, издал фирман и повелел отрубить голову правителю провинции Юсуфу-паше, притеснявшему народ в течение целых двух месяцев.

Если верить рукописной истории Османской империи, казнь Юсуфа-паши Пегоголового прошла не совсем гладко. Когда палач, великий мастер и энтузиаст своего дела, вместе с подручными явился за Юсуфом-пашой, тот не утерпел, наложил в штаны и самолично отдал Богу душу, к величайшему огорчению палача.

Все, что осталось после казни правителя, пошло в казну падишаха, а того, что по недосмотру начальства перепало семейству Юсуфа-паши, с лихвой хватило на двести пятьдесят лет.

Потомки Юсуфа-паши, который, по одним официальным данным, был казнен, а по другим — помер от испуга, не пожелали далее называться Пегоголовыми и выбрали себе вельможное прозвание Шафран-заде. Ну, а потом отказались и от Шафран-заде, поскольку про них говорили: «А, это те самые Шафран-заде, которые ведут саой род от сапожника Юсуфа Пегаша, который наложил в штаны...» И когда в Турецкой республике вышел закон о фамилиях (*В 1934 году декретом меджлиса (парламента) в Турции были введены фамилии.*), они взяли себе демократическую фамилию Рыжисын.

Короче, Саид Рыжисын был из очень богатой семьи. Посланный в Париж для открытия новых небесых звезд, Саид вернулся в Стамбул, не оправдав надежд. и надо же было так случиться, что именно здесь ему удалось обнаружить прекрасную звезду в лице Севим Ферфейерверк.

Многочисленное семейство Рыжисынов в общем-то было не прочь женить Саида и таким образом продолжить свой славный род. Но все родственники воспротивились браку с

Севим, считая ее неподходящей для столь ответственного дела, как продолжение древнего рода Рыжисынов. Они твердили, что Севим — точная копия своей мамы, которая вертит мужчинами всего квартала, и с такой женой будет трудно справиться, она кого хочешь проведет и обманет...

На все доводы родственников Саид резонно возражал:

— Как можно провести того, кто знает будущее и читает мысли. Нет, меня невозможно обмануть.

Вот что значит ученый человек! Вот что значит пожить в Париже!

Конечно, Саид был по-своему прав, ибо до знакомства с Севим его сумела обмануть всего лишь одна-единственная женщина. Да и какой это был обман, когда он-то все знал наперед. Вот как это случилось.

В Париже, где всякий может найти себе возлюбленную на любой вкус и цвет. Саиду ужасно не везло. Женщины бежали от тощего, неуклюжего, застенчивого отпрыска Юсуфа-паши. Даже деньги Саида не в силах были помочь ему во вполне естественном желании обзавестись подружкой и насладиться прелестями парижских женщин!.. Господи, и после этого еще говорят, что в Париже...

Бедняга Рыжисын совсем уже было отчаялся, когда вдруг в доме индуса, того самого учителя-ясновидца, волшебника и мага, на него неожиданно свалилось счастье. Саид познакомился с одной арапкой. Они довольно быстро перешли на «ты», хотя ничего между ними не было. Женщина отнеслась к Саиду с материнской нежностью. Она быстро сообразила, в сколь плачевном состоянии находится Саид, и участливо сказала:

— Саидик, я хочу тебе кое в чем помочь. Конечно же, совершенно бескорыстно. Просто ты дашь мне за это тысячу франков.

Рыжисын задрожал от радости, но самообладание не покинуло его:

— Хорошо... Только деньги потом... После того как ты мне поможешь.

— Сильвупле, — ответила догадливая арапка и повела невинное создание в фотоателье, где представила его натурщице по имени Мадлен, той самой Мадлен, чьи фотографии всегда можно было найти в портфелях и бумажниках мужчин любых континентов. Набор таких фотографий являл собой наглядное пособие... как бы это сказать... по половому воспитанию, что ли. Мадлен изображалась не совсем одетой. То есть совсем не одетой. И не всегда одна. Вернее, всегда не одна...

Саид, конечно, не понял, куда его привели. Но поскольку в салоне ателье стояли кресла, диваны с валиками и подушками, висели зеркала, то он решил, что попал прямо в спальню Мадлен.

Как только арапка ушла, Мадлен сразу же приступила к делу: как профессионалу,

умеющему ценить рабочее время, ей некогда было нянчиться с Саидом, и в тот день отсняли более сорока кадров, воспроизводящих «любовь» Мадлен и Саида, о чем бедняга, естественно, ничего и не подозревал. Съемки велись прогрессивным методом, то есть скрытой камерой. Но на работе как на работе, и Мадлен время от времени громко спрашивала, обращаясь к скрытому занавеской фотографу:

— Так хорошо, мосье?

Уверенный, что вопрос относится к нему, Саид спешил ответить:

— Уй, мадемуазель, мерси... Очень даже хорошо...

— Хорошо, мосье?

— Мерси боку, мадемуазель...

— А так?

— Ах, не спрашивайте!..

Один раз, правда, ответил и фотограф.

— Здесь есть кто-нибудь еще? — испуганно спросил Саид, густо покраснев от смущения.

— Ах, мон амур! Ну кто тут может быть? Просто здесь такая акустика...

Когда Мадлен называла его «мой амур», Саид забывал обо всем на свете...

В один из дней фотограф, пламенный борец за сексуальную революцию, решил запечатлеть любовь втроем и пригласил в ателье здорового верзилу с усами. Ослепленный нещадным светом юпитеров, Саид не заметил, что рядом с Мадлен расположился еще кто-то. И когда Мадлен, как обычно, спросила у фотографа: «Так хорошо, мосье?», Саид сказал: «Ах, не спрашивайте!», фотограф ответил: «Превосходно!», а усатый верзила пробормотал: «Да как вам сказать...»

Услышав на этот раз несколько голосов, Саид спросил:

— Здесь еще кто-то?

— Ах, мон амур! Ну кто еще тут может быть?

Но в тот же миг усатый вдруг раскашлялся.

— Кто-то кашляет, — жалобно прошептал Саид.

— Здесь просто такая акустика. Ты слышишь свой собственный кашель, дорогой, — успокоила его Мадлен.

— Я не кашлял.

— Ты только что кашлянул, мон амур...

Саид протянул руку, чтобы обнять Мадлен, и наткнулся на чьи-то усы...

Как гордился потом Саид своей проницательностью: ведь он собрался сделать предложение Мадлен...

Любовное приключение кончилось тем, что верзила отколотил Саида, а Мадлен прогнала

его...

Вот это и был тот единственный случай, когда женщине удалось обмануть Саида, если такой случай вообще можно назвать обманом.

Позднее, уже в Стамбуле, Саид любил похвастаться своими «амурными» похождениями и уверял всех, что знал все с самого начала, но делал вид, что ничего не замечает. Якобы он, Саид, только прикидывался простачком...

К тому времени, когда Саид вернулся в Стамбул, атмосфера в доме Ферфейерверков предвещала грозу.

Пластические операции следовали одна за другой. К тому же взбунтовался доктор: из-за этих операций он вынужден был забросить свою научную работу и требовал поэтому оплаты по тройному тарифу.

Даже рассудительная Мехджуре-ханым и та не выдержала и стала уговаривать Севим:

— Доченька, ты должна найти отца для своего ребенка. Ведь тебе уже двадцать девять.

— Двадцать девять мне будет через месяц, — поправила ее Севим.

— Я тоже женщина, — продолжала мать, — и понимаю твою страсть к футболу. Но сейчас ты должна в первую очередь подумать об отце для ребенка. Конечно, он должен быть добрым и богатым. Побойся Аллаха, хватит этих пластических операций. Я сама найду тебе мужа!

— Дайте мне три дня сроку, — спокойно ответила Севим. — Если за это время я не найду ничего подходящего, пусть будет ваша кандидатура.

— Жаль, не в меня ты пошла, — вздохнула мать, — Назве за три дня найдешь покладистого простофилю.

— Мамочка, бывают мужчины, которые только прикидываются глупыми, — назидательно сказала дочь. — У меня на примете есть три остолопа, но сперва надо их испытать, а то потом всякое может случиться. Помнишь Аилу? Ее муж тоже поначалу простачком казался, а теперь шагу не дает ступить бедняжке. Разводиться хотел, когда накрыл ее с центрфорвардом из клуба «Нуждарей».

— Неужели развелся? — удивилась мать.

— Слава богу, хозяева клуба уговорили мужа не поднимать шума. Не резать же кобылу только за то, что она вдруг споткнулась, — распалилась благородным негодованием Севим.

— И мне не хотелось бы омрачать семейное счастье подобными пустяками. Я должна быть абсолютно уверена в своей свободе и независимости и после свадьбы. Прошу у вас три дня, их ведь трое...

И вот наступил тот день, когда Севим Грифон нашла свою жертву, Саида Рыжисына, а Саид

открыл наконец свою звезду.

Юный сын знатного рода Шафран-заде сам вышел навстречу своей звезде. Он прогуливался с приятелем по проспекту Истикляль и делился с ним своими парижскими воспоминаниями. Что приходит в голову настоящего мужчины при слове «Париж»? Конечно, женщины! А раз так, значит, разговор шел, естественно, о Мадлен, тем более что других женщин Саид не знал.

— Я, конечно, притворялся, ты же знаешь, провести меня не так-то легко.

Приятель, только что занявший у Саида пятьсот лир, охотно поддакивал:

— Это уж точно! Ты — малый не промах... Ловко у тебя получилось...

— Еще бы! Ведь Мадлен хотела меня провести.

— Тебя? Не на того нарвалась!

— То-то и оно! Представляешь, Мадлен клялась мне, что она — девушка...

— Ну и что?..

— А то, что на самом деле у нее оказался муж!

— Потрясающе! Как же ты ее расколел?

— Запросто... Понимаешь, только завалюсь с ней в постель, обязательно слышу где-то рядом мужской голос... Ну, кто еще, кроме мужа, может находиться в спальне женщины, а?

— Верно!

— Между нами говоря, если бы я не поднатаскался у индийского факира, я бы ее не раскусил... Хотя мне-то было все равно, муж там или еще кто... Ты меня знаешь, я человек дела... А они пусть там разбираются, верно?

— Конечно...

— Так вот, этот ее муж нас тайно фотографировал! Я догадался в первый же день, но смолчал... Хочешь снимать — снимай на здоровье! Верно?

— Слушай, а он только фотографии делал или на кино пленку тоже снимал?

— А что? — встрепенулся Саид. — Здесь показывали? Приятель, великий любитель натуральных съемок, уже

дважды видел фильм с участием Саида и Мадлен.

— Не знаю. Я просто спрашиваю, — ответил он как бы между прочим.

Саид, захлебываясь, рассказывал о «столице столиц», а приятель, которому уже осточертела вся эта болтовня, чуть приотстал от него, а затем смешался с толпой и был таков... Именно в этот самый момент мимо Саида, обгоняя его, проходила Севим. Сначала она приняла его за обыкновенного уличного приставалу и хотела проشمгнуть мимо, но, задержанная встречным потоком пешеходов, поневоле пошла рядом с ним, А тот все говорил и говорил про свой Париж. Она прислушалась к рассказу, поняла, что ошиблась в

своем предположении, и даже заинтересовалась забавной историей.

— Представляешь, протянул я руку, и что же? — увлеченно продолжал Саид. —

Натыкаюсь на обыкновенные мужские усы... «Мадлен! — кричу я. — Чьи это усы?..» Хотя, сам понимаешь, я сразу догадался, что это мужские усы... Только спроси я понежнее, она наверняка бы сказала, что это ее усы...

Севим звонко рассмеялась, и тут Саид заметил, что уже не с приятелем идет, а с очаровательной девушкой.

— Извините, — смутился Саид, — со мной был приятель, но он, видно, отстал.

— Пожалуйста, не стоит извинений. Ваш рассказ, бей-эфенди, очень интересен, — еле сдерживая смех, произнесла Севим. — Что же было дальше?

— Если вам угодно, ханымэфенди, я продолжу...

Саид, конечно, изобразил дело так, будто он отдубасил усатого. Однако, глядя на него, Севим смекнула, что перед нею человек, который скорее сам получает удары, нежели наносит их.

— Жаль, что я не слышала с самого начала.

— Готов повторить, ханымэфенди, если вам угодно... Извините, я не представился: Саид Рыжисын.

— Севим Ферфейерверк.

— Простите?

— Ферфейерверк!

— Очень приятно... Ради бога, не подумайте обо мне ничего плохого, но мне так хочется пригласить вас в кафе и там рассказать все с самого начала.

— О'кей! — согласно кивнула Севим. — Я, правда, собралась в кино, но до начала еще есть время. Вы никуда не спешите?

— Нет, нет! — восторженно вскричал Саид.

Они зашли в кафе, в котором Севим бывала не раз. Саид принялся рассказывать о Париже. Севим слушала, весело хохотала и, как современная кокетливая девица, привыкшая вести себя непринужденно в обществе мужчин, невзначай касалась своего собеседника рукой или прижималась ножкой к его ноге... И тогда с Саидом начало твориться что-то непонятное: от нечаянных прикосновений будто ток пробежал по всему телу, его бросало в дрожь, он заикался, краснел, мысли путались в его голове, и он надолго замолкал, тупо уставившись в пол. Севим Грифон, словно почуяв добычу, хищным взглядом разглядывала его, стараясь понять, тот ли глупец попался ей в когти, о котором она вела разговор с мамашей.

«Вот кто мне нужен, — в трепетном восторге подумала она. — Я сделаю его отцом своего ребенка. Не может же человек так притворяться? В жизни не встречала таких простофиль».

— Я опаздываю в кино, — закинула она удочку. — Говорят, грандиозная картина. Жалко пропускать...

— Вы разве одна идете в кино? — несчастным голосом спросил Саид.

— Увы, — вздохнула Севим, потом решительно перешла в наступление. — Вам непременно следует посмотреть этот фильм!

— Я бы с радостью, только из-за плохого зрения не хожу в кино.

— Ах, какая жалость! — пришла очередь растеряться Севим.

— Я ничего не вижу даже с первого ряда, Севим-ханым.

— Если вы не возражаете, я готова объяснять вам все, что будет происходить на экране. — Севим возобновила наступление. — Ведь я перед вами в долгу за ваш чудесный рассказ. В полном замешательстве Саид умолк, затем неуверенно промямлил:

— Мне бы не хотелось быть вам в тягость...

«Тоже мне тягость, слизняк несчастный!» — Севим начала сердиться, но, сдерживая себя, кротко произнесла:

— Ну, что вы... Я сделаю это с огромным удовольствием. Право, не стоит никакого труда... Только возьмите ложку, чтобы не мешать окружающим.

Ей хотелось выяснить всего лишь одно: кто же в конце концов этот долговязый альбинос? Дурак или хитрец?

В ложе Саид скромно сел чуть позади Севим. Когда свет погас и начался фильм, девушка потихоньку придвинулась к Саиду, но тот поспешил отодвинуться. «А он, видать, хитер», — подумала она и снова придвинулась к нему. Саид опять отодвинулся. Когда наконец двигаться стало некуда и Саид оказался прижатым к барьеру соседней ложи, Севим с тихим стоном прильнула к нему, прошептав:

— На экране линчуют негра!.. Мне страшно!..

Несчастный, загнанный в ловушку Саид ничего не слышал. Близость Севим, тепло ее тела, запах ее волос опьяняли его, лишая рассудка. Он уже не понимал, что делает.словно в волшебном сне, руки их сплелись, щека ее прижалась к его щеке, и губы его потянулись к губам девушки, но в это мгновение в зале зажегся свет. Антракт перед второй серией, чтоб он провалился!..

Саид сидел багровый, он не смел поднять головы и за весь антракт не проронил ни слова. Севим не сводила с него глаз, изучая, как биолог—подопытную морскую свинку.

Наконец в зале погас свет, и теперь уже Саид сначала робко, потом все более решительно стал придвигаться к девушке. И, оказавшись рядом с ней, прошептал внезапно и страстно:

— Я люблю вас...

— Ты что, Зекерия, спятил? — услышал Саид в ответ.

«Зекерия, — завертелось у него в голове. — Зекерия? Неужели она так быстро забыла мое имя? Нет-нет, я не вынесу этого, это сверх моих сил, я жить без нее не могу!»

— Прошу вас, это очень серьезно! Я действительно полюбил вас с первого взгляда, — снова зашептал Саид и несмело погладил ее по спине.

— Да что с тобой, Зекерия, потерпеть до дома не в силах?

— Неужели вы не верите мне, Севим-ханым?

— Севи-им? — взвизгнула соседка, и вслед за этим раздался ее пронзительный крик на весь зал: — Зе-ке-ри-я-а!

— Чего орешь? — лениво отозвался грубый голос. Послышался звук пощечины... Фильм прервали и зажгли свет.

А произошло вот что: Саид сослепу принял бархатную занавеску ложи за платье Севим, придвинулся к ней и, тяжело дыша и шепча свои страстные признания, погладил другую женщину. Когда же та поняла, что столь пылкое нетерпение проявляет не муж, а какой-то незнакомый мужчина, она вlepила ему пощечину.

На крик появился полицейский и вывел их из ложи... Здоровенный детина по имени Зекерия был горцем и поэтому знал, как следует поступать с нахалами, пристающими к чужим женам.

— Этот грязный развратник лез к моей жене! Сейчас я ему покажу!..

Только теперь Саид понял, что случилось.

— Миль пардон, мосье, — залепетал он, от смущенья вспоминая почему-то только французские слова. — Экскюзе муа...

Этот лепет привел верзилу в неопишемую ярость, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не Севим, которая, взяв под руку Зекерию, нежно заворковала:

— Бейэфенди, вы ошибаетесь... Слова моего жениха предназначались мне, и только одному Аллаху известно, почему ваша супруга приняла их на свой счет... Досадная ошибка... С кем не случается? Мой жених не из таких мужчин, чтоб на глазах у любимой невесты...

«Жених!.. Она назвала меня женихом! — отказывался верить своим ушам Саид. — О счастье! Да будет благословен этот день!»

Сладостный голос Севим, ее ласковое прикосновение охладили Зекерию, и он тут же сменил гнев на милость.

— Извините, ханымэфенди, теперь я вижу, что и впрямь произошла ошибка...

— Зекерия, — прервала его жена, —чего стоишь, идем, досмотрим картину. Деньги за билеты плачены.

Супруги вернулись в зал, а Севим с Саидом остались в фойе.

— Мне так неловко, — произнесла Севим, опустив глаза, — Это все из-за меня...

— Я готов умереть за вас! — воскликнул Саид, который только что чуть не умер от страха. Они вышли на улицу и сели в такси. Саида одолевали сомнения: «Ну, конечно, она назвала меня женихом только потому, что хотела избавиться от полиции. А что она думает обо мне на самом деле?..»

Не в силах понять причину его молчания, Севим забеспокоилась: неужто она потеряет жениха, которого так ловко ей удалось подцепить?.. Нет, она не допустит этого! Надо же было этой слепой курице забраться в чужой курятник. Черт меня дернул отодвинуться от него. Надо было сразу сесть к нему на колени.

— Если вы плохо обо мне думаете, — тихим, нежным голосом произнесла она, — то ошибаетесь...

Занятый своими мыслями, Саид не расслышал ее слов и ответил рассеянно:

— Не знаю, не знаю...

— Нет, я чувствую, что вы обо мне плохо думаете, — печально вздохнула Севим и, вдруг прижавшись к Саиду, прошептала: — Хотите, я докажу вам...

В это время такси подкатило к дому Ферфейерверков, и девушка не успела ничего доказать. Когда они вышли из машины, Севим сделала последнюю попытку.

— Хотите, я познакомлю вас с мамочкой? — сказала она.

— А это удобно? — застеснялся Саид.

— Моя мамочка — самая демократическая мать в мире.

— Мне бы хотелось, чтобы сначала к вашей мамочке пришла моя тетушка... Как вы на это смотрите?

На всякий случай Севим сделала вид, что ничего не поняла:

— А зачем?

Саид стоял красный, как помидор, не смея поднять глаз, и чертил носом ботинка какие-то узоры на земле.

— Чтобы это... чтобы... просить у вашей мамочки...

— А почему тетушка? У вас разве нет мамочки?

— Нет, мы живем с тетушкой...

— Ну ладно. Значит, увидимся?

— До встречи...

Они расстались. Напевая и пританцовывая, Севим взбежала по лестнице и еще с порога победно закричала:

— Мама-а-а-а!.. Нашла-а-а-а! Жениха-а-а-а!!! Ур-ра-аа!!!

ВНУЧКА ЭМИНЕ БАЛАБОЛКИ

Простившись с Севим, Саид летел домой словно на крыльях. Ну конечно, на крыльях любви. Прямо с порога он ошарашил свою милую тетушку, почтенную Беррин-ханымэфенди, сообщением о том, что в самый кратчайший срок женится, то есть сочетается законным браком, иными словами, собирается свить семейное гнездышко, ибо голубка, которую он искал для этого гнездышка, найдена!..

Ее зовут Севим! Очаровательная Севим! Она его звезда! Как раз о такой он мечтал всю жизнь. Одно имя чего стоит: Севим — нежность, любовь. Как ее фамилия? Он не помнит. Да и какое это может иметь значение. Главное — любовь с первого взгляда. Все равно после свадьбы она станет Севим Рыжисын. Где он с ней познакомился? Господи, на улице, конечно. А полюбил — в кино. Когда же провожал до дому, понял, что именно такой можно смело верить свою судьбу...

В глубине души тетушка Беррин давно уже вынашивала мечту о женитьбе племянника. И многочисленные представители рода Рыжисынов тоже питали надежду, что именно Саиду удастся продолжить их древний род. Ибо больше надеяться было не на кого. Саид оказался единственной молодой веткой некогда могучего дерева, единственным побегом, на котором мог еще распуститься цветок и созреть плод. Поэтому все торопили события, опасаясь, как бы не иссякли живительные соки, не ослабли корни, иначе ствол, гордо стоящий на протяжении двухсот пятидесяти лет, рухнет.

Несмотря на все это, тетушка Беррин твердо считала, что будущая супруга Саида должна во что бы то ни стало происходить из знатной, всеми уважаемой семьи, достойной их славного рода. Не дай Бог, попадется какая-нибудь вертихвостка, окрутит мальчика. Ведь на богатство может польститься любая.

Саид решительно отверг все опасения тетушки.

— В жизни не видел более достойной девушки. Вы знаете мою проницательность...

— Неужели ты так быстро раскусил ее, мой мальчик?

— Тетушка, вы забываете, что я учился в Париже. Людей я теперь вижу насквозь. Что касается моих денег, то Севим понятия о них не имеет. И потом, она так торопилась домой, что я не успел сделать ей предложения.

— Ты слишком доверчив, мой мальчик.

— Я уверен, что она — из порядочной семьи. Наведите справки, и вы убедитесь в этом сами.

Тетушка не заставила себя долго ждать. Уже на следующий день к вечеру ей было известно

о Ферфейерверках все, что нужно, и даже больше, чем нужно было знать.

Так, она узнала, что Ферфейерверки — семейство почтенное, известное и богатое (торговля дамским бельем дело всегда прибыльное), но фамилию свою, передаваемую обычно по мужской линии, они получили от матери Хасип-бея, прославившейся на всю округу как Фериде Фейерверк... Не менее знаменитой оказалась и другая бабка Севим, мать почтенной Мехджуре-ханым, — Эмине. Жила та бабка в Эренкёйе, в богатом квартале, где стояли особняки вельмож падишахского двора: Главного султанского пирожника, Главного султанского брадобрея, Главного портного, Главного садовника, Главного стеклодува, Главного стегальщика одеял, — словом, жили на этой улице одни Главные, и среди них всех главней была Эмине, ибо все боялись этой сплетницы, прозванной Главной султанской Балаболкой. То обстоятельство, что главную роль в семействе Севим всегда играли женщины, несколько обеспокоило тетушку. Однако, вернувшись с рекогносцировки, она сказала племяннику:

— Мой мальчик, ничего плохого о семье этой девушки сказать не могу.

— А что я вам говорил, милая тетушка!

— Семья знатная, а вот к самой девушке душа у меня не лежит.

— Как! Вы ее видели? Вы были у нее дома?

— Дома не была, но слыхала, что о ней люди толкуют.

— Что они там могут толковать?! — рассердился Саид.

— Будто твоя Севим, словно неугомонная арабская кобылица, секунды на месте не постоит. Для такой, говорят, нужен оч-чень хороший наездник. Боюсь, мой мальчик, тебе в этом седле не удержаться.

— Не волнуйтесь, тетя! В моих руках она будет кроткой. Прошу вас, пойдите завтра к ее матери и попросите от моего имени руки прекрасной Севим.

— Нет, мой мальчик, ты сделаешь девушке предложение. Теперь так заведено. Вы уж сами между собой договоритесь, а я после этого поеду к ее родителям.

— Хорошо, тетушка, положитесь на меня, все будет в порядке!..

САИД ДЕЛАЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Несколько раз Саид приближался к дому, где жили Ферфейерверки, не решаясь подняться по лестнице и позвонить в дверь. Хотя Севим и приглашала его, он никак не мог придумать, что сказать, когда ему откроют. Да, конечно, Севим говорила, что мать ее — демократка, а

отец — большой либерал... Но кто их поймет, этих нынешних демократов и либералов?

Саид топтался на месте, как футболист у мяча на одиннадцатиметровой отметке.

Проторчав часа полтора около дома, он наконец собрался с духом, смело вошел в подъезд и уже протянул было руку к звонку, как вдруг дверь отворилась и из квартиры вышел

молодой человек. Неведомая сила подхватила Саида, и он оказался этажом выше.

«Наверное, это старший брат Севим», — подумал Саид, потом, выждав немного, стал потихоньку спускаться по лестнице. Дверь отворилась снова, и на этот раз вышли уже двое мужчин, годившихся Севим в отцы. Саид пулей вылетел на улицу и замер в нерешительности. Между тем дверь отворилась раз, потом второй и даже третий, и каждый раз из нее выходили мужчины.

Целый час бессмысленно бродил Саид вокруг дома, пока к нему вернулась решимость.

Очертя голову он бросился к дверному звонку, протянул уже руку, но кто-то, опередив его, уверенно нажал на кнопку. Саид испуганно оглянулся: сзади стояли трое атлетически сложенных парней.

— Тебе что тут нужно, пижон? — спросил один из них.

— Извините, вы меня с кем-то спутали.

— Ты из какой команды? — спросил второй.

— Из команды? Я не из команды. Почему я должен быть из команды? Я сам по себе. С кем имею честь?

В этот момент дверь распахнулась и, проглотив атлетическую тройку, тут же захлопнулась, будто сработала невидимая автоматика.

В полной растерянности Саид вышел на улицу и принялся ходить взад и вперед, привычно размышляя над математической задачей: «За три часа в квартиру Ферфейерверков вошло шестеро, а вышло пятеро, сколько человек может войти в сутки?.. Стоп! А почему сюда входят только мужчины?» Нет, его Севим не может жить в таком доме! Задача не решалась математическим способом.

Саид огляделся по сторонам в надежде найти ответ, увидел вблизи магазин и направился к нему.

— Простите, — вежливо обратился он к хозяину, — вы не скажете, в каком доме живет Севим-ханым?

— Какая именно Севим? Грифон? Или Севим Всезнайка? Иль Большая Севим? Курдючная Севим? Севим Жвачка? Иль супруга аптекаря? На нашей улице каждую вторую зовут Севим.

— Хозяин, коль эта каланча — футболист, то он наверняка ищет Севим Грифонику.

Саид показал на дом Ферфейерверков.

— Если мне память не изменяет, она живет, кажется, в этом доме.

— А-а-а. Тогда вам нужна именно Грифониха.

— Нет, нет, ее фамилия начинается на букву «эф».

— Не Ферфейерверк?

— Вот-вот.

— А вы из какой команды?

Саид вспомнил, что его уже спрашивали об этом, и не скрыл удивления:

— Почему все думают, что я из какой-то команды?

— Ну тогда за кого вы болеете?

— Наверняка он болеет за ту команду, что и Севим Грифон, — предположил все тот же продавец.

А другой продавец, внимательно посмотрев на Саида, сказал:

— Этот тип не играет ни в анкарских, ни в стамбульских командах. Я всех игроков в лицо знаю. Он вообще не футболист.

Саид не стал их больше слушать, а, поблагодарив хозяина, вышел на улицу и направился к дому Севим. И надо же так случиться, что как раз в это время девушка появилась на балконе.

— Мама! — закричала она. — Иди скорее сюда!.. Вот он, который хочет на мне жениться!

В тот момент, когда Мехджуре-ханым выплыла на балкон, Саид на повороте вдруг зацепился одной ногой за другую и едва не растянулся на асфальте во весь свой стовосьмидесятичетырехсантиметровый рост.

— Нет, что-то не больно нравится мне этот длинный недотепа, — проворчала мамаша.

Севим крикнула в комнату:

— Мальчики, идите скорей сюда! Я вам покажу своего жениха.

На балконе появилась атлетическая троица.

— Вот этот идиот хочет на тебе жениться? — спросил Ахмед Стена.

— Ты что, ревнуешь? — усмехнулся Наджи Водолей, вратарь ПыС'а.

— Еще не хватало, — буркнул Ахмед.

— Не слушай его, Севим, это он от ревности, — снова начал Наджи. — Парень как парень, только тощеват малость. Впрочем, говорят, что тощие — народ страстный.

— Ничего, сойдет и такой. Женихи нынче на дороге не валяются, — высказал свое мнение Мустафа Болт, лучший бомбардир команды ПыС.

Если бы не срочные дела, Севим, конечно, пригласила бы Саида в дом или, на худой конец, сама вышла бы к нему. Но как назло именно сегодня она должна была встретиться с игроками и генеральным председателем клуба ПыС Дюндаром Болтун-беём, чтобы решить

вопрос о том, как перетащить в ПыС защитника ГВН, Озэра Бревно. (Команда «Гонимых Вечною Нуждою», или сокращенно ГВН, была главным соперником команды «Пыль Столбом», или ПыС'а, и вечный спор между ними шел не только на футбольном поле, но и за кулисами большого спорта.) С таким поручением могла справиться только Севим, и Дюндар Болтун-бей очень на нее рассчитывал. В свое время и Ахмеда — нынешнюю гордость ПыС'а и национальной сборной — сумела заполучить именно она.

Сегодняшняя встреча проходила втайне от Хасип-бея. Глава дома Ферфейерверков, уже не на шутку тревожась за честь семьи, категорически запретил дочери до замужества встречаться с футболистами.

Пока у Севим шло тайное заседание, Саиду надоело бегать вокруг да около; он понял, что никогда не отважится переступить порог этого дома, и решил позвонить по телефону. Конечно, по телефону ему легче будет сказать обо всем, что переполняет его душу. Он расскажет Севим о своих чувствах и спросит напрямик, согласна ли она стать его женой. И если она не согласится, он покончит жизнь самоубийством...

Саид не мог звонить из уличного автомата. Признание требовало уединения. Взяв такси, он примчался домой... Слава Аллаху, дома никого не оказалось.

Он отыскал телефон Ферфейерверков в телефонной книжке и дрожащей рукой набрал номер.

Иногда капризы современной техники играют роковую роль в жизни людей. Так случилось и на этот раз: вместо дома Ферфейерверков его соединили с чулочной фабрикой.

— Алло! — ответил ему приятный мужской голос.

— Не будете ли вы столь любезны пригласить к телефону Севим-ханым?

— Пожалуйста...

Вскоре в трубке послышался женский голос:

— Я слушаю.

— Добрый день, Севим-ханым.

— Здравствуйте.

— Как вы поживаете?

— Спасибо, хорошо.

Работницу Севим частенько подзывали к телефону мужчины, но мастер весьма неодобрительно относился к подобным разговорам, и потому ей не хотелось долго торчать у телефона.

— Я беспокою вас, Севим-ханым... — начал издали Саид, но его нетерпеливо прервали:

— Говорите поскорее, что вам нужно, я очень спешу.

Слова признания так и рвались из его уст, однако робость вцепилась клещами в горло.

— Я... я... — мямлил Саид, — позволил себе побеспокоить вас, потому что...

— Короче.

— Я хочу на вас жениться! — выпалил неожиданно для самого себя Саид и, зажмурившись, умолк.

Севим-вторая тяжело задышала в трубку, не зная, что! сказать, и мучительно соображая, кто из ее дружков вот так, ни с того ни с сего, сделал ей предложение.

Может, тот, что пристал к ней два дня назад и тащился до самого дома? А может, кто решил пошутить?

— Вы серьезно говорите? — срывающимся голосом спросила она.

— Конечно! Очень даже серьезно... Я сделаю все, чтобы вы были счастливы, Севим-ханым...

— Все мужчины говорят так. Прямо и не знаю, можно ли вам верить...

— Поверь, Севим-ханым! Поверь!.. Поверь!.. — как в лихорадке твердил Саид.

— На всю жизнь?

— Да, да!.. На всю жизнь!..

— Ну, смотри, чтоб потом в кусты не прятаться... А то меня уже звали замуж и парикмахер Сулейман, и шофер Нури, и официант Хамди... А где они?

— Я серьезно... — лепетал Саид. — Ведь я люблю тебя...

— Мне, честно говоря, давно уже хочется замуж! Чтоб человек был порядочный, доктор или инженер, на худой конец и лейтенант сойдет...

Если видел Саид скверно, то на слух он не жаловался. Уже в самом начале разговора голос Севим показался ему странным.

— Вы здоровы, Севим-ханым?

— А что?

— Может простужены?

— Да, у меня легкий насморк, к тому же я так волнуюсь...

«О господи, неужели ее так взволновало мое предложение?» — пронеслось в голове Саида.

— Сегодня утром у меня дергался левый глаз, а это всегда к счастью, — продолжала Севим-вторая. — Я согласна стать вашей женой, но все-таки хотелось бы еще подумать...

Сегодня вечером у меня свидание с одним студентом из университета. (Студент, правда, был на самом деле сапожником.) Мы с ним давно уже ходим, он тоже обещал жениться, только теперь что-то хвостом крутит... Так я хотела бы выяснить...

«А любезно ли я с ним разговариваю?» — вдруг подумала она и стала к месту и не к месту вставлять «извините».

— Сегодня вечером, извините, у меня свидание с этим, извините, парнем. Если он придет,

то уж извините, а если не придет, то, извините, тогда...

— Значит, мы с вами сегодня не увидимся? — упавшим голосом спросил Саид.

— Сегодня, извините, никак... Этот, извините, парень ревнует меня, извините, ужасно. И если он увидит, извините, вас, то вам, извините, непоздоровится. А вот завтра, извините, можно.

— Я мог бы к вам прийти? — осмелев, спросил он. Ей не хотелось, чтобы человек, который собирался

на ней жениться, видел, в какой лачуге она живет...

— Нет, извините, я буду ждать вас в кафе, извините, «Этуаль», завтра в шесть...

В этот момент в комнату вошел мастер, и она поспешила быстрее закончить разговор:

— Договорились?

— Да, да!

— До свиданья...

— Всего хорошего, до завтра! — Саид поцеловал трубку.

Целый вечер и весь следующий день Саид метался, не находя себе места. «Я увижу ее, она согласна!» — ликовал он, и тут же его одолевали мрачные мысли: «Извините, но есть еще студент, который может, извините, перебить меня?..» Он мчался к дому Севим и бегал вокруг, глядя на освещенные окна, в которых мелькали многочисленные тени. «Которая из них Севим? А вот этот, извините, может быть, студент?..»

С трудом встав с постели после бессонной ночи, Саид стал выяснять, где в Стамбуле находится кафе «Этуаль». Их оказалось целых три... А он ведь не условился, в каком именно они должны встретиться.

«Наверное, надо сначала пойти в то, которое ближе к ее дому, — со свойственной ему находчивостью рассудил Саид. — Если там ее не будет, возьму такси и съезжу в два других...»

В пять часов Саид был на предполагаемом месте свидания, Выбрав в углу столик, за которым можно было спокойно поговорить, он стал ждать свою суженую.

За соседним столиком уже сидела Севим-вторая и ждала человека, который накануне по телефону предложил ей руку и сердце. Время шло, его все не было, и, чтобы не терять времени даром, она стала приглядываться к одиноким посетителям. Саида она даже не удостоила взглядом: «Тоже мне мужчина!»

Саид взглянул на часы: седьмой час, а невесты все нет. Пора, кажется, поехать в другие два кафе, а вдруг Севим как раз в это время и явится?

Саид подозвал официанта:

— Сюда должна прийти молодая женщина, худенькая, черноволосая, с тонкими бровями...

Попросите ее подождать, я скоро вернусь... Пожалуйста, задержите ее. Да, кстати, ее зовут Севим, — добавил он и щедро заплатил официанту.

Побывав в других кафе и никого там не обнаружив, Саид вернулся обратно и занял прежнее место.

— Эфенди, может, вас устроит другая Севим? — сочувственно спросил его официант. — Могу познакомить, останетесь довольны...

Саид был в полном отчаянии: не иначе, она договорилась со своим студентом. К чему тогда были ее обещания? Как можно так быстро забыть жаркие объятия в ложе кинотеатра?..

Ревность жгла его душу. Он готов был на все — если потребуется, он отдаст состояние. Вот только в каком оно сейчас состоянии — этого он не знал. Богатством Рыжисынов распорядился семейный совет старейшин.

Около полуночи Саид не утерпел и позвонил Севим. К телефону подошла ее мамаша. От растерянности он стал бормотать что-то совсем уже невразумительное...

— Я не понимаю, кто вам нужен! — рассердилась Мехджуре-ханым.

— Извините, эфенди, что беспокою вас так поздно, не могу ли я попросить к телефону Севим-ханым?

— Севим уехала в Анкару, завтра там играет ПыС. ,Что передать ей?

— Пожалуйста, скажите, что звонил Саид...

— Хорошо.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Только положив трубку, Мехджуре-ханым догадалась, что с ней говорил тот самый Саид, о котором дочь прожужжала ей все уши. Какая жалость, что она с ним не поговорила.

Саид повесил трубку. Белый свет стал мраком для него. Жизни на земле не существовало.

Он заперся в своей комнате и никому не отвечал.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА САИДА РЫЖИСЫНА С АХМЕДОМ СТЕНОЙ

Разве мог Саид забыть сладостные минуты, проведенные с Севим в ложе кинотеатра?

Пылкое воображение влюбленного снова и снова прокручивало кадры недавнего блаженства. И тем страшнее были муки ревности — Севим обманула его! Когда страдания становились невыносимыми, Саид вспоминал Париж и даже Мадлен, ту самую Мадлен, которую он так умело провел...

Тетушка Беррин с грустью смотрела на племянника, пыталась завести с ним разговор о

женитьбе, но тот в ответ еще больше мрачнел и замыкался в себе. Тогда тетя оставила его в покое: мало ли что там у них вышло...

А беспечная Севим по-прежнему полагала, что жених никуда не денется, — не беда, что он вдруг исчез, позвонив всего один раз в ее отсутствие. Каждодневно благодарила она Аллаха, что смилостивился над нею и послал именно то, чего ей недоставало. Между тем талия Севим принимала все более угрожающие размеры. В доме Ферфейерверков снова запахло грозой.

И тогда Ахмед Стена — центральный защитник непобедимого ПыС'а решил сам заняться проблемой замужества любимой подруги. По тактическим соображениям, муж для Севим был нужен больше ему, чем ей. — Помнишь, ты мне рассказывала про белобрысого парня? — обратился Ахмед к Севим; — Вы еще хотели пожениться... Куда он делся?

— Понятия не имею, — ответила Севим, пожимая плечами.

— Как его звать-то?

— Саид, кажется...

— А фамилия?

— Еще чего захотел, откуда мне знать...

— Послушай, как можно не знать фамилии жениха?! — возмутился Ахмед.

Рассудительная Мехджуре-ханым поспешила вступить за дочь:

— У Севим самые серьезные намерения, она выходит замуж за человека, а не за фамилию...

Прошло больше месяца. Саид не подавал признаков жизни, и Севим, наверное, забыла бы о существовании Саида, если бы... если бы вдруг не выяснилось, что он сказочно богат.

Кто же в Стамбуле не знает почтенной семьи Рыжисынов?!

Ах, так! Оказывается, фамилия тоже имеет значение. Таковую добычу нельзя упускать! Ей бы только встретить его! Она знает средства, как покорить, обольстить и навек получить его.

Для этого нужен лишь полумрак да нежная душевная беседа... «Любимый, у нас скоро появится птенчик», — скажет она ему. Ни один честный, то есть наивный, мужчина — а большинство мужчин именно таковы, — ничего и возразить не решится. К тому же слова ее будут истинной правдой: ведь она действительно ждет ребенка. Именно Саид должен стать его отцом! Так решила покинутая и несчастная девушка.

Случай, которого с нетерпением ждала Севим, вскоре представился. Однажды утром она выглянула в окно.

«Да будет благословен всемогущий Аллах!» — перед домом прохаживался Саид.

Севим мгновенно оделась и стремглав кинулась на улицу. Еще никогда ей не приходилось так торопиться!..

Несколько раз Севим прошествовала мимо него, ей хотелось, чтобы он сам узнал ее. Но Саид даже не взглянул на свое счастье, он проходил мимо, ничего не видя. Севим вынуждена была толкнуть его, и бедняга чуть не упал...

— Пардон! — проговорил он по-французски, не узнавая любимой.

Тут пришлось ей напомнить о себе:

— Оооо! Это вы!.. Какая встреча! Я только что из дома...

Саид замер, узнав ее по голосу, он боялся верить ушам своим и приблизился к ней вплотную, нос к носу.

— Да, это я... — Его голос дрожал от волнения.

— Значит, вы в Стамбуле? — удивилась она.

— Да, в Стамбуле...

— Почему же вы ни разу не зашли к нам? Я вас так ждала...

Саид зашелся от радости.

— Правда? Я хотел прийти, эфенди... но я забыл... не мог найти вашего дома.

— Да вот он, наш дом! — показала она.

— Да? Этот? Это и есть ваш дом?

— Я решила пройтись немного... Если у вас есть время, давайте погуляем, — поспешно сказала Севим, боясь упустить вновь обретенного жениха.

По опыту зная, что застенчивость мужчины можно побороть только нежными словами, Севим ни на минуту не закрывала рта.

Наконец Саид стал подавать признаки жизни и даже осмелел.

— Я как-то однажды приходил к вам, — начал он. — Но... Извините... Можно задать вам вопрос?

— Ну, конечно, спрашивайте все, что вам угодно.

— Скажите, что у вас тогда было — обрезание или какой-нибудь семейный праздник?

Севим расхохоталась:

— Почему обрезание!.. Мы ведь живем втроем: мама, папа и я.

— А-а-а...

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что в тот день без конца к вам входили и выходили люди...

— И вы решили, что люди собрались по случаю обрезания?..

Она еще сомневалась!.. Перед ней стоял редкостный болван образца прошлого века!..

— Это, наверное, были ребята из ПыС'а... Я очень люблю футбол... А вы?

— Я люблю все, что любите вы, — выпалил Саид и покраснел. «Я, кажется, сказал глупость?»—подумал он.

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны, — поблагодарила Севим. — А за какую команду вы болеете?

— Сейчас ни за какую, но обязательно начну болеть... А какая ваша любимая команда?

— Я болею за ПыС...

Саид несколько раз судорожно глотнул.

— Севим-ханым... если вы разрешите, я хотел бы поговорить с вами по одному очень важному и серьезному делу...

Севим сразу догадалась, о каком «важном и серьезном деле» будет речь. Когда родители разговаривали между собой о «важном деле», Севим знала, что обсуждался вопрос о ее замужестве.

— Давайте зайдем куда-нибудь и посидим. Конечно, если у вас есть время.

— Сколько угодно! — радостно воскликнул Саид.

Они зашли в ближайшее кафе, где их встретил седовласый солидный человек, похожий больше на профессора, чем на официанта. Ему была известна Севим, и он указал им столик в углу, подальше от любопытных глаз.

Севим села за столик, а Саид пошел снять плащ, — он никогда не выходил из дому без плаща, даже если на небе светило солнце... Вернувшись в зал, он прищурился, оглядел публику и уверенным шагом направился к столику, за которым, по его расчетам, должна была сидеть Севим.

— Эфенди, — начал Саид сразу, как только уселся, — мне хотелось бы поговорить с вами по чрезвычайно важному для меня делу...

Не в силах унять бешено колотившееся сердце, он сидел съежившись, не поднимая глаз. Недалеко, за другим столиком, Севим подкрашивала губы и не заметила возвращения Саида.

— Сейчас придет мой муж, — с игривой улыбкой сказала женщина, сидевшая рядом с Саидом, — но если вы так настаиваете, встретимся здесь завтра в это же время...

Ничего не понимая, Саид вскинул глаза и вздрогнул от неожиданности: перед ним была незнакомка.

— О пардон!.. Извините!.. Я спутал!.. Принял вас... Он выскочил на середину зала и застыл там, беспомощно оглядываясь по сторонам.

— Я здесь, Саид! — окликнула его Севим.

Он так растерялся из-за своей оплошности, что не мог выдавить из себя ни звука. Севим пришлось снова прийти ему на помощь.

— Вы, кажется, хотели поговорить со мной...

— Да, да... Я очень хотел... Я хочу с вами посоветоваться, за какую команду стоит болеть...

— И для этого вы привели меня сюда?.. Это и есть ваше серьезное дело ко мне?.. — Голос Севим дрожал от благородного негодования.

— Да.., — с ужасом ответил Саид.

Им подали кофе глясе. Севим сидела молча. Они выпили кофе. Девушка решительно встала.

— Пошли!

— Как вам угодно...

В такси они не проронили ни слова. Севим до того была зла на Саида, что только и ждала, как бы поскорее избавиться от него. Она остановила машину и вышла, сославшись на неотложные дела. Перед ней, переминаясь с ноги на ногу, стоял глубоко несчастный Саид. Она внимательно оглядела его и поняла, что терять его нельзя. Чуть смягчившись, Севим сказала на прощанье:

— Может быть, зайдете как-нибудь?

Саид, заикаясь, горячо поблагодарил девушку, а когда Севим протянула ему руку, он чуть не потерял сознание от охватившего его блаженства...

Вернувшись домой, Севим с громкими рыданиями упала на диван. Мехджуре-ханым удивленно смотрела на дочь, бормоча: «Аллах, Аллах, что это с ней?» Никогда еще мать не видела, чтобы ее девочка плакала из-за мужчин.

— Дочка, неужели ты полюбила этого ненормального?! Коли так, я не позволю тебе идти за него замуж. Умная женщина не должна выходить за мужчину, которого любит, если не хочет быть несчастной. Запомни!..

Как раз в это время появился Ахмед.

— Он издевается надо мной! — в истерике билась Севим. — Еще ни один мужчина не позволял себе такого!..

Ахмеду стало откровенно жаль ее.

— Ну, ну, не реви, крошка, я покажу этому мозгляку, как издеваться над слабой женщиной. Севим продолжала заливаться слезами.

— Он сказал, что ему надо поговорить со мной по очень серьезному делу, и повел меня в кафе... Он даже не подумал сделать мне предложения!.. Я знаю, он только притворяется дурачком... А сам хочет надругаться надо мной...

Ахмед задохнулся от ярости.

— Ах, паразит! Ах, мерзавец! Встретился бы мне этот сивый скорпион на стадионе, клянусь Аллахом, от него мокрого бы места не осталось, не будь я Ахмед Стена! Дай-ка мне адрес этого болвана.

— Не знаю я адреса!

— О чем ты думала? Адреса не знаешь, фамилия тебе неизвестна. Может, хоть знаешь, чем он занимается?

— Математик или вроде того.

— Учитель, что ли?

— Не знаю.

— Откуда же он взялся?

Плача и смеясь, Севим стала рассказывать Ахмеду, как познакомилась с Саидом, как поцеловалась с ним в кинотеатре...

— Ахмедушка, ты только не думай плохого, я просто испытывала его... Может, думаю, женится... Я только разочек с ним поцеловалась. У него такой был глупый вид...

Севим старалась щадить чувства Ахмеда, не давать ему лишнего повода для ревности.

— Говоришь, он над тобой надсмеялся?

— Сначала сказал, что хочет со мной серьезно поговорить, — повторила Севим. — Я обрадовалась, думала, скажет что-нибудь дельное... А он, представляешь, пригласил меня в кафе, чтобы спросить, за кого ему болеть, за какую команду. Ему, видите ли, хочется любить все, что люблю я!..

— Вот кретин! Ну, подожди, я найду его! Не плачь, крошка, я ему покажу, как обманывать честных девушек!

Прошло два дня после встречи Саида с Севим. В душе юноши вновь вспыхнула надежда, и он упросил тетушку Беррин отправиться в дом Ферфейерверков, чтобы познакомиться с родителями невесты и договориться с ними о свадьбе. Та охотно согласилась выполнить почетную миссию, ибо понимала, что самому Саиду такое дело не под силу. Тетушке очень хотелось, чтобы брак был заключен по старинке, с соблюдением дедовских традиций.

Проводив тетушку к Ферфейерверкам, Саид с нетерпением стал ожидать ее возвращения. От волнения он не находил себе места, кружил по комнатам, читал стихи, пел песни... Когда наконец позвонили в дверь, он радостно кинулся к выходу.

— Ну что? Ну как? — встретил он тетушку нетерпеливыми вопросами.

— Эй, ты, поосторожнее! Ну-ка отвали! — послышался в ответ хриплый голос.

Перед ним стоял неизвестный.

— Прошу простить, я не понял, эфенди.

— Сейчас у меня все поймешь! Я тебе мозги вправлю быстро.

— Пожалуйста, эфенди, проходите...

— Пройду и тебя не спрошу.

Так познакомились Ахмед и Саид... Сначала они сидели молча, разглядывая друг друга.

Потом Ахмед встал и подошел к стене, на которой помещались портреты бородатых,

увешанных орденами старых пашей в фесках. С потолка спускалась старинная люстра...

Через балконное окно он увидел большой запущенный сад.

— Это твой дом? — спросил он как можно более грубо.

По своей натуре Ахмед был человеком вовсе не грубым, но полагал, что с Саидом надо вести себя как с соперником на футбольном поле.

— Наш, эфенди, — застенчиво ответил Саид. Ахмед снова сел.

— Ты, конечно, знаешь, кто я?

Саид придвинулся к Ахмеду, чтобы получше разглядеть его.

— Извините, эфенди, не могу вспомнить... Где мы могли познакомиться?..

— Как? Ты не узнаешь меня?

— Извините, эфенди, не узнаю...

— Ты это серьезно или издеваешься надо мной? Посмотри внимательнее. Ну, на кого я похож?

Саид почти носом уткнулся в Ахмеда.

— Может, ты бинокль возьмешь?.. Сидишь-то совсем рядом... Сними очки и погляди еще раз.

— У меня слабое зрение... — начал Саид.

— Значит, не узнаешь? — перебил его гость.

— Не могли бы вы напомнить, эфенди, где мы познакомились?

Ахмед даже растерялся: перед ним сидел человек, который не знал его, известнейшего футболиста, за спиной которого всегда слышался шепот восхищения... Ну и ну!

— Ты что, не ходишь на футбол?

— Нет, эфенди...

— И в газетах про футбол не читаешь?

— Нет, эфенди...

— Чтоб ты сдох! Последние четыре месяца газеты только про меня и пишут!

— А кто вы? Чем знамениты?

— Вот дела! Запомни: перед тобой сидит живая звезда. Звезда футбола!.. Сначала я играл в молодежной команде, потом перешел в другую, ну, ты все равно не знаешь... И та продала меня...

В то время как Ахмед с увлечением рассказывал о своем восхождении по спортивной лестнице, Саид мучительно размышлял, зачем этот человек пожаловал сюда.

Потом Ахмед стал пересказывать, что пишут о нем газеты: как в одном матче он подбил трех игроков, как избил помощника судьи, а самого судью выгнал с поля...

В комнату вошла мадам Анжела, старая горничная. Она поставила поднос с кофе на стол и

подала чашечку Ахмеду. Узнав его, она чуть не выронила чашечку из рук и воскликнула:

— Вы Ахмед Стена?

— Он самый... — довольно заулыбался Ахмед.

— Я много о вас читала... О, создатель, какая же у вас интегесная жизнь... —Мадам, как истинная француженка, конечно, грассировала.

— Значит, вы знаете этого эфенди, мадам Анжела? — спросил Саид в изумлении.

— Кто же не знает знаменитого Ахмеда Стену? Я каждое утго, когда гаскгываю газету, пегвым делом читаю пго него.

— Теперь тебе ясно, кто я? У нас в стране меня все знают.

— А какие у вас ноги! — продолжала мадам Анжела. — Какие ноги!.. Когда в Стамбуле вы бьете по мячу, слышно в Кагсе...

Саид сгорал со стыда; надо же так опозориться — не знать такого известного человека. Не успела мадам Анжела закрыть за собой дверь, Саид поднялся со стула, поклонился и сказал:

— Я очень рад, эфенди, знакомству с вами. Такое знакомство — большая честь для меня...

Если у вас какая-нибудь просьба ко мне, рад буду исполнить...

Пока хозяин дома рассыпался в любезностях, Ахмед пялил на него глаза и думал, что Севим, вероятно, была права: не поймешь, то ли он вправду дурак, то ли притворяется...

— Хорошо, хорошо, не стоит благодарности. Теперь, когда ты узнал, кто я такой, давай поговорим по душам. Ты знаешь Севим? Ну, нашу Севим...

Ничего не поняв, Саид на всякий случай кивнул головой.

— Так вот, — продолжал Ахмед, — Севим очень добрая девушка, она для товарища на все пойдет... В позапрошлом году на первенстве по плаванию Мурад Боров выиграл стометровку у Месута только благодаря Севим... Она очень отзывчивая девушка, наша Севим. Вот какие дела!.. Вообще-то Месут шел первым и уже доплыл до барьера, да вылезти из воды не посмел... Представь, Севим ухитрилась под водой снять с него плавки! И Мурад выиграл. Об этом ты тоже не читал? Господи, так что же ты вообще читаешь?

При имени Севим сердце Саида запрыгало в груди, как птичка в клетке.

— Ну, конечно, эфенди, я знаю Севим-ханым! — разволновался он.

— Вот я и пришел, чтобы побеседовать с тобой о ней. «Кто же этот Ахмед? — лихорадочно соображал про

себя Саид. —Может, родственником приходится или тоже жениться на ней хочет? Почему знаменитый футболист пришел ко мне именно тогда, когда тетушка отправилась просить для меня ее руки? Боже, помоги!..»

— Вы ее родственник? — робко спросил Саид.

— Ха!.. Родственник... Я ближе, чем самый близкий родственник... Потому и пришел к

тебе.

— Я весь внимание, эфенди!

— К лицу ли мужчине, — начал издаലെка Ахмед, — насмехаться над беззащитной девушкой? Подобаает ли вообще порядочному человеку так вести себя? — вдруг выпалил лучший стоппер клуба ПыС.

— Не подобаает, конечно, эфенди, — залепетал Саид, не понимая, к чему тот клонит.

— Почему же тогда ты так себя ведешь?! — крикнул Ахмед Стена.

Честно говоря, он не собирался кричать, да и вся обстановка в этом доме располагала к тихой, душевной беседе.

— Аллах свидетель, я никогда ничего не позволял себе в отношении Севим-ханым. Ведь мы знакомы с ней совсем недавно...

И тут Ахмед решительно бросился в атаку.

— Ха!.. Недавно!.. Расскажи своей бабушке!.. Успел уже обрюхатить ее!

Саид даже подскочил.

— Что? Беременна? Она?

— А кто же? Я, что ли?

Саид от радости онемел. У него будет ребенок! Крошечное дитя назовет его «папой»!..

Господи, какое счастье!.. Конечно, при всем желании Севим не могла забеременеть от него, они только раз поцеловались... Но это неважно... Важно, что об этом уже говорят люди и все в это верят...

Ахмед прикусил язык, понимая, что залез в офсайд, и сразу пошел на попятную:

— В общем-то, беременность еще только-только... Но пойми, подобаает ли тебе, представителю столь уважаемого рода, бросать женщину в положении?.. Мне, честно говоря, очень жаль бедняжку...

Пока Саид думал, как бы сказать, что тетушка Беррин отправилась к Ферфейерверкам сватать Севим, Ахмед поднялся:

— Ну ладно, будем считать, что договорились?.. Не вздумай только меня надуть! Если у тебя остались еще какие сомнения насчет меня, выйди на улицу и спроси первого встречного, кто такой Ахмед Стена? Понял? Ну, будь здоров, я пошел...

Саид и мадам Анжела почтительно проводили уважаемого гостя. И не успела закрыться за ним дверь, как счастливый жених сорвался с места и понесся, вопя: «Саид — отец!.. Саид — папа!..»

Он знал, что Рыжисыны боялись, как бы в один прекрасный день не прекратился их славный род. Отныне такая опасность роду Рыжисынов не грозит. Род может гордиться им, Саидом, сумевшим, вопреки всем опасениям, решить проблему продолжения династии

Рыжисынов.

Мадам Анжела некоторое время молча наблюдала за ним.

— Мой паша, зачем он психодил к тебе? — осмелилась она спросить молодого хозяина.

Саид ответил, что Ахмед — самый близкий родственник девушки, на которой он хочет жениться.

— Какие у него ноги! Какие ноги! — начала ахать мадам Анжела. — Аллах свидетель, мой паша, ноги его ПРОТИВ дгугих, что пушка пготив гужья!

Саид понял, что мадам Анжела немало знает об Ахмеде, и попросил рассказать о нем.

Из ее рассказа следовало, что особенно сильно Ахмед бьет левой ногой... После целого каскада финтов он так долбал левой, что противник сразу же валился на землю... Одно время ему вообще запретили играть ею... Стоило Ахмеду рассердиться, и его левая нога начинала сама по себе дергаться. Многие знали за ним эту особенность и старались не раздражать Ахмеда во время игры... А когда после очередного матча ему говорили, что он опять срубил двух-трех игроков, Ахмед отвечал: «Это все моя левая... Ничего не могу с ней поделаться...»

Саид слушал рассказ мадам Анжелы и тихо радовался, что так счастливо избежал встречи с левой ногой Ахмеда.

В дверь позвонили. Саид кинулся в прихожую.

— Ну что? — налетел он на тетушку Беррин.

Его любимая тетушка, как истая черкешенка, воспитанная к тому же при дворе, была настоящей ханым-эфенди и поэтому не терпела спешки.

— Дай отдышаться, сынок, — остановила она его. — Анжела, принеси мне воды!

Она сняла, не торопясь, пальто, скинула платок с головы, удобно уселась в кресле. Саид следил за каждым ее движением.

— Аллах, Аллах, как я устала!

От нетерпения Саид крутился вьюном, все повторяя:

— Ну, тетушка, не томите меня! Что вам ответили?

— Да погоди ты, дай перевести дух! Я все расскажу по порядку, только не подгоняй меня...

О чем я говорила?

— Еще ни о чем. Вы сказали: «Аллах, Аллах, как я устала!»

— Нет, после этого... Да... Народу на улице!.. Можно подумать, что в домах никого не осталось. И что это стало с людьми, не понимаю... Куда они несутся, почему дома не сидят?

В автобус сесть невозможно...

От волнения Саид начал грызть ногти.

— Кое-как удалось сесть в маршрутное такси... Потом она долго рассказывала, как

ссорилась с шофером, что говорили пассажиры...

— Тетушка, не томите душу. Что они вам ответили?

— Не перебивай, сынок, все расскажу... От рассказа надо удовольствие получать... Куда ты так спешишь?

Саид чуть было не выпалил, что собирается стать счастливым отцом еще до женитьбы, но вовремя удержался.

Тетушка продолжала свой рассказ, стараясь не упустить ни одной подробности: и какая мебель стояла в гостиной, и какие ковры висели на стенах и лежали на диванах, и какие вазы стояли на столах...

Она говорила о коврах и вазах, а Саид пытался угадать, какой ответ ему принесла тетушка.

«Если сказали: «Нет!» — тогда остается только написать трагическую поэму «Севим и Саид!» — думал он про себя. Наконец тетушка перешла к кофепитию.

— Кофе принесла служанка. Скрывать не буду, сынок, это мне не понравилось. Если гостья пришла посмотреть на будущую невестку, девушка сама должна подать кофе. Какой бы богатой ни была семья... Обычай того требуют!..

— О господи, да оставьте вы эти обычаи, тетушка!

— Опять ты свое... Вот, а после кофе я сказала: «Извините, мне хотелось бы помыть руки...»

— Ах, тетушка, зачем вы пошли туда? Просить руки Севим или мыть руки?

— Обычай, сынок... Хочешь узнать все про семью невесты, обязательно загляни в нужное место: если там чисто, смело можешь жениться, а если грязно и глядеть больше нечего, поворачивай обратно...

— Так что же вы, тетушка, сразу им не сказали, что хотите помыть руки?

— Не могла, сынок, эдак неприлично... Я же не санитарная инспекция... Всему свое время...

— Ну, ладно, а что потом? Что сказал Хасип-бей?

— Это кто?

— Хасип-бей? Отец Севим.

— Не было никаких мужчин, одни женщины сидели... Правда, какие-то молодые люди толпились в другой комнате... Ах, сбил ты меня... На чем я остановилась?

— На нужнике...

— Там я пробыла недолго. Делать там особенно нечего — посмотрела и пошла. Так вот я тебе скажу: твоя Севим — девушка небрежливая!

— Откуда вы взяли?

— Сейчас ты поймешь... Тебе известно, что, по обычаю, нельзя идти в гости с пустыми руками, поэтому я купила засахаренных каштанов, а в магазине специально попросила, чтобы мне покрепче перевязали коробку.

— Зачем?

— А вот зачем: если девушка аккуратно развязывает узел, значит, бережлива, а если рвет, жаль мне того мужчину, который станет ее мужем...

О том, как бережлива его тетка, Саид знал прекрасно. Она никогда ничего не выбрасывала... Что ни попадало к ней в руки, она все складывала, приговаривая: «Береги солому, придет ее время», — и несла на чердак. Чего там только не было: пустые бутылки из-под фруктовой воды, пузырьки из-под одеколона, пустые банки из-под варенья и консервов, какие-то ржавые винтики, гвоздики, ключи, сломанные игрушки...

— Так вот, — продолжала тетушка, — она не бережлива... Я нарочно оставила коробку в коридоре и сказала ей: «Дочка, принеси сюда коробку и развяжи, там внутри лежит кое-что...»

— Как так можно, тетушка?

— Обычай, сынок... А как же иначе проверить ее?

— А она что?

— Начала-то развязывать аккуратно, а потом как пошла дергать за шнурок и в конце концов перекусила его... Потому, сынок, с этой девушкой...

У Саида от волнения зуб на зуб не попадал.

— Тетушка, — оборвал он ее, — какая есть, такая и есть! Что сказала ее мать? Дала согласие?

— Сейчас скажу... Уж очень ты меня торопишь... Да, так на чем я остановилась?

Тетка тянула не зря... Дело в том, что прежде, чем пойти к Ферфейерверкам, она опросила всех членов семейства Рыжисынов, чтобы узнать, как они отнесутся к женитьбе Саида.

Одни были за то, чтобы племянник женился побыстрее и на ком угодно, лишь бы не угас их славный род. Другие и слышать не хотели ни о какой женитьбе. Хоть Саид и считался отличным математиком, однако деньги считать он не умел, и поэтому заботливые родственники очень боялись, как бы в доме не появилась оборотистая девица, которая счет деньгам знает и все приберет к рукам, или какая-нибудь вертихвостка, которая пустит состояние на ветер. Свои опасения родственники без обиняков высказали тетушке, и та поняла, что будет лучше, если она сумеет отговорить Саида жениться на Севим. А добиться этого можно лишь испытанным способом: бросить тень на невесту.

— Мать мне ответила так: «Слава Аллаху, мы не жалуемся на отсутствие претендентов на руку нашей дочери. Стоит ей выйти, на улицу, как за ней увязывается по меньшей мере рота молодых людей...»

— Что? Она так и сказала? — У Саида замерло сердце.

— Да, а потом еще добавила: «Коли ваш племянник — судьба дочери, пусть так и будет».

— Ничего не понимаю, — сказал Саид.

— А чего понимать-то? Не могла же она прямо сказать: «Слава Аллаху, наконец нашелся покупатель!»

Тут Саид не выдержал.

— Ах, тетушка, — произнес он тихо, — Севим скоро будет матерью... Вернее, я готовлюсь стать отцом, потому и тороплюсь...

Ничего не подозревавшая тетушка рылась в сумке, чтобы достать карандаш для бровей, но, услышав признание Саида, ахнула и выронила сумку из рук.

— Побойся бога, сынок, это правда?.. Ты?.. Отец?.. О, всемогущий!..

Беррин-ханым была сражена: ее Саид, ее мальчик, которого она еще недавно нянчила, и вдруг — отец!

— Уму непостижимо! Когда ты успел?

— Вот успел!.. Сам не могу понять. — В голосе Саида звучали смущение и гордость.

— Ведь ты, прости меня, старую, за такие слова, ночуешь всегда дома.

Из уст Саида вырвалось:

— Мы с ней ночевали днем... В кинотеатре... В ложе...

— Аллах! Что я слышу?! Нет, нет! Все, что угодно, только не это!

— Почему же, тетушка? Я уже большой! — вскричал Саид Рыжисын, защищая свою мужскую гордость.

— Какой из тебя отец? — всхлипнула Беррин-ханым. От того, каким тоном она произнесла это, бледное лицо Саида стало пунцовым.

— Вы относитесь ко мне как к ребенку, тетушка, а мне уже двадцать четыре... У моих приятелей давно по несколько детей... Ну и пусть, а у меня будет первый!..

Ах, как ему хотелось стать папой! По правде говоря, Саид понимал, что ни теоретически, ни практически он не может быть отцом этого ребенка. Но какое это имеет значение!

Другие тоже попадали в такой переплет. Не он первый, не он последний. Саид не боялся сплетен: поговорят, поговорят, да и перестанут. Он боялся одного: ханжества своих дорогих родственников, которые обязательно будут против брака с женщиной, успевшей попасть в интересное положение до свадьбы... А он, к сожалению, не привык возражать старшим... Ну до чего же он все-таки невезучий: стоило ему встретить свою суженую, свою единственную и ненаглядную, как она поспешила забеременеть.

Саид стал подробно рассказывать о знакомстве с Севим, но Беррин-ханым прервала его:

— Хватит! Мы должны собраться все вместе и решить, что делать дальше. Зря я на твои уговоры поддаюсь. Не надо было мне ходить сватать, надо было подождать и послушать, что остальные скажут...

— Жениться собираюсь я, а не они, тетушка! — впервые в жизни осмелился спорить Саид.

— Все равно надо, чтобы все собрались, — упрямо возразила Беррин-ханым.

Саид понимал, что спорить с тетей бесполезно.

— Ладно, пусть собираются, пусть обсуждают, пусть решают!.. Но если они будут против, я знаю, что им сказать... Те, кого вы называете «нашей семьей», тетушка, не более чем сборище лысых, старых, беззубых развалин...

— Сейчас же замолчи! От тебя ли я это слышу? — ужаснулась старая женщина. — Как у тебя язык поворачивается?

Саид и сам испугался собственной смелости и жалобно произнес:

— Не сердитесь, тетушка... Я люблю ее! Вот она — любовь... Любовь!.. Любовь сильнее смерти!

— Анжела! Анжела! — закричала тетя, услышав слово «смерть». — Воды мне! — и упала на диван без памяти.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Мадам Анжела потеряла виски Беррин-ханым одеколоном и дала ей мятных капель. Придя в себя, тетушка первым делом бросилась к телефону и стала звонить всем родственникам, созывая их на совет.

Саид побродил по саду, напевая про себя «Любовь сильнее смерти», потом вернулся в дом и уединился в своей комнате, где сел за письменный стол и погрузился в решение сложной математической задачи, которая не давалась ему вот уже больше года.

Когда на следующий день в особняке открылся Большой Семейный Совет, на который собрались все представители славного рода Рыжисынов, Саид все еще сидел за столом, не притронувшись ни к ужину, ни к завтраку.

Вошла Беррин-ханым:

— Пойдем, сынок.

— Куда? — спросил он машинально. — Всегда так: стоит только сосредоточиться, обязательно кто-нибудь помешает...

— Как куда? Все уже собрались и ждут только тебя.

— Меня ждут? Кто? Зачем?

— Аллах, Аллах, что за рассеянный мальчик! — в отчаянии воскликнула тетушка.

Действительно, когда Саид садился за свои любимые задачки, мир переставал

существовать для него. Вернуть его на землю было совсем нелегко. В бытность его в Париже друзья-студенты в такие минуты безуспешно лили Саиду на голову холодную воду.

— Сынок, послушай меня... Сегодня собрались поговорить о Севим...

Саид вздрогнул.

— Севим... Севим!.. Я готов, тетушка, идемте...

В гостиной, где собрались все родственники, потомки старинной фамилии Шафран-заде — Рыжисынов, напротив двери висел портрет основателя рода — Юсуфа-паши Пегоголового. Если бы не борода и ордена, можно было бы подумать, что это портрет Саида... На других стенах красовались портреты многочисленных потомков Юсуфа-паши. Среди них были сановники и полководцы в шитых золотом мундирах, увешанные орденами и медалями. Были эфенди в партикулярном платье, сюртуках и фесках, с бородами и безбородые, с усами и безусые, в накрахмаленных воротничках и галстуках.

За массивным столом орехового дерева уселись шестнадцать стариков и старух.

Старейшим в роде Рыжисынов был восьмидесятилетний Абдюшюкюр-бей. Самому молодому дяде Саида, дипломату в отставке Кысмети-бею, недавно стукнуло шестьдесят девять.

Саид уверенно вошел в гостиную и остановился против камина, в котором весело плясало пламя. Отблеск его осветил влюбленное и слегка осунувшееся лицо юноши.

— Добро пожаловать, — поклонился Саид камину, не зная, что тетушка переставила стол.

— Спасибо, сынок, — за всех ответил Кысмети-бей. Все знали, что Саид плохо видит, и не обиделись на него.

Абдюшюкюр-бей разрешил Саиду сесть, и Большой Семейный Совет начался.

— Многоуважаемые ханымэфенди и бейэфенди! — обращаясь к присутствующим, сказал старейший из Рыжисынов. — Сегодня нам надлежит принять весьма важное и ответственное решение относительно бракосочетания самого молодого отпрыска нашего почтенного и славного рода, единственной надежды нашей — Саида. С вашего позволения, считаю Семейный Совет открытым.

Зихни-бей, другой дядя Саида, поднял палец.

— Многоуважаемый председатель, наша светлость просит слова.

Председательствующий Абдюшюкюр-бей согласно кивнул. Оказалось, что Зихни-бей волновал чисто процедурный вопрос:

— Ввиду того, что дело, ради которого мы собрались, требует всестороннего и длительного обсуждения, — начал Зихни-бей, — наш Семейный Совет никак не может кончиться достаточно скоро... А так как наша светлость по причине легкого недомогания вынуждена будет часто покидать собрание, выходить из комнаты, вношу предложение через каждые

десять — пятнадцать минут устраивать перерыв.

— Кто за предложение Зихни-бея, прошу поднять палец, — сказал Абдюшюкюр-бей.

Подавляющим большинством в два пальца, при одном воздержавшемся, было решено делать перерыв в заседании Совета через каждые пятнадцать минут.

— Дело, ради которого мы здесь собрались сегодня, — продолжил председательствующий, — требует самого широкого обсуждения, поэтому мы просим Кысмети-бея ввести нас как можно подробнее в суть вопроса.

К слову сказать, и старший дядя и младший оба возражали против женитьбы Саида.

— Многоуважаемые ханымэфенди и бейэфенди, — начал Кысмети-бей, — как вам известно, сегодня мы должны решить вопрос о бракосочетании сына нашего Саид-бея. Он выразил желание сочетаться семейными узами с Севим-ханым из дома Ферфейерверков. Наша сестра и его тетушка Беррин-ханымэфенди, собрав все необходимые сведения о молодой особе, пожелавшей породниться с Рыжисынами, поддерживает Саид-бея в его благородных и естественных намерениях. Желание же самого Саида ускорить свадьбу с указанной выше девицей имеет своей причиной тот факт, что сын наш Саид готовится, совместно с уже упомянутой Севим-ханым, в скором времени подарить нашему славному роду еще одного Рыжисына.

Одна из теток, Зюбейде-ханым, которой недавно исполнилось всего лишь пятьдесят пять лет и которая никогда не состояла в браке, бестактно спросила:

— Правильно ли я поняла, что Саид станет отцом еще до свадьбы?

Старики начали перешептываться, невоздержанно при этом хихикая. Благоговейное почтение, которое до сих пор испытывал Саид к великому ареопагу семейства Рыжисынов, было несколько поколеблено.

— Саид-бей, ваша достопочтенная тетушка интересуется, каким образом вы умудряетесь до свадьбы стать отцом?

— Самым обыкновенным! — В голосе Саида прозвучал вызов.

— А как это «обыкновенным»? — переспросила пятидесятипятилетняя девица Зюбейде-ханым.

— А так, очень просто. К сожалению, я не могу объяснить моей уважаемой тете, — взорвался вдруг Саид, — как становятся отцами. Насколько мне известно, у нее нет никакого опыта на сей счет. Однако, если ее интересует этот вопрос, она может обратиться к специалистам или заглянуть в соответствующую литературу.

Наступило зловещее молчание. Никто не ожидал от Саида подобной дерзости. А юный отпрыск славного рода вдруг почувствовал себя победителем, и грудь его как-то сама собой по-петушиному выпятилась от переполнявшей его гордости.

— В наше время, — нарушил молчание Кысмети-бей, — такие чересчур поспешные браки почитались неприличными,.. Сколько времени вы знакомы?

— Мы переписывались с давних пор! — Саид решил защищаться до последнего, отстаивая поруганную честь своей любимой.

— Вот куда заводит прогресс, о котором столько шумят... Значит, теперь возможно зачатие даже по почте? — язвительно сказала тетка Зюбейде-ханым, горя жаждой мщения.

Одна из тетушек попыталась заступиться за Саида.

— Времена изменились, почтенная ханымэфенди. Теперь возможно все! Я, к примеру, где-то читала, что нынче мужчина даже не обязателен...

— Позвольте, эфенди, — послышался чей-то голос, — не в обиду будет сказано, но это называется искусственным оплодотворением. Если ребенок, о котором мы здесь ведем речь, зачат именно таким образом, то как же мы можем принять его в нашу семью?

— А разве вам не известно, что теперь все искусственное? — вмешался еще кто-то. — Мы живем в век синтетики: синтетическая кожа, синтетический мех, синтетическая икра.

— Я понимаю, — тихо произнес Абдюшюкюр-бей, как бы подводя черту под разгоревшейся дискуссией и возвращаясь к повестке дня, — что теперь всякое может быть... Но одного не пойму: как можно до свадьбы?!

— Прошу покорнейше позволить нашей светлости выйти, — поднял палец Зихни-бей. Семейный Совет затянулся до полуночи. Тут было все, как в парламенте: одни дремали, положив голову на стол, другие, уже выспавшись, пыхтели над тезисами своих выступлений. И только Зихни-бей не сомкнул глаз — одолеваемый недугом, бедняга был вынужден покинуть зал заседания через каждые пятнадцать минут.

Пожилая девица Зюбейде-ханым решительно выступила против брака. Совет резко разошелся во мнениях, в результате чего образовалось два непримиримых лагеря. В ходе дебатов никому и в голову не пришло спросить самого Саида о серьезности его чувств и намерений, словно спор шел вовсе не о его женитьбе. Наконец Саид не выдержал.

— Прошу прощения, что без разрешения вступаю в ваш спор, — начал он решительным тоном. — Я не записывался в прения, но хотел бы задать вам один-единственный вопрос: кто в конце концов собирается жениться — вы или я? При всем моем уважении к вам, как к старшим нашего рода, я хотел бы знать, имею я право жениться на ком хочу или нет?

— Но есть семейные традиции... — начал было Кысмети-бей.

— Простите, дядя, — перебил его Саид, — сколько раз вы были женаты? И сколько раз вы спрашивали разрешения у старших?

Кысмети-бей замолчал.

Надо сказать, что браки Кысмети-бея были главной темой сплетен и поводом для

беспокойств почтенного семейства Рыжисынов. Кысмети-бей, закоренелый бонвиван и повеса, был женат восемь раз, не считая сомнительных связей с бесчисленными иностранками. Едва успев жениться, он с места в карьер начинал изменять своей супруге, и каждый раз жены уходили от него. Словом, дядины похождения обошлись семейству втридорога, порядком запятнали семейную репутацию Рыжисынов, а ему самому стоили карьеры: он так и не дослужился до ранга посла.

— Ты совсем другое дело, Саид, — примирительно начал кто-то. — Ты единственный, кто еще может подарить нашему великому роду наследника. Потому-то мы с таким вниманием относимся к твоему браку. Ты должен и обязан понять нас, стариков...

Однако все участники Семейного Совета прекрасно понимали, что Саид так просто от своего не отступится. И тогда его попросили выйти из зала заседаний и подождать за дверью; Кысмети-бей, который снова обрел дар речи, сказал:

— Эфенди, совершенно очевидно, независимо от нашего решения, Саид женится на этой девице. Если мы будем упорствовать, пострадает только наш авторитет, — теперь молодежь не больно считается с мнением старших. Кроме скандала, мы ничего не добьемся. Дав же согласие на брак, мы спасем и авторитет наш, и род, и единство семьи, без чего невозможно наше благополучие и процветание.

Чуть поразмыслив для приличия, все единодушно решили, что Севим-ханым — невеста подходящая и никакой другой не надо.

Позвали Саида.

— Сын наш Саид! — торжественно начал Абдюшюкюр-бей. — Большой Семейный Совет, рассмотрев на своем чрезвычайном заседании твою просьбу разрешить тебе бракосочетаться с дочерью семейства Ферфейерверков, отмечает, что выбор будущей супруги сыном нашим Саидом, последним оплотом и единственной надеждой фамилии Рыжисынов, вошедшей в историю как вельможный род Шафран-заде, произошедший от достопочтенного Юсуфа-паши Пеголового, был сделан без совета со старшими, что противоречит всем семейным традициям. Вместе с тем, принимая во внимание все возрастающие требования века и быстро меняющиеся условия современности, а также учитывая положительные результаты всестороннего расследования и изучения состояния, репутации и характера невесты и ее семьи, Совет выносит свое глубоко принципиальное решение: считать девицу Севим-ханым, нашу будущую невестку, достойной и добродетельной, а посему разрешить брак сына нашего Саида с вышеозначенной Севим-ханым и приветствовать его как величайшее событие в жизни семьи Рыжисынов. Саид слушал, пытаясь уразуметь, о чем говорит дядя, — поток слов оглушал его, и он беспомощно моргал своими подслеповатыми глазами, так и не поняв ничего. Тогда

сидевшая с ним рядом тетка кратко повторила речь председательствующего и добавила уже от себя:

— Свадьба состоится после того, как Севим-ханым избавится от ребенка...

Поначалу Саид расстроился, но сумел взять себя в руки:

— Тетушка, дорогая, это невозможно... А вдруг в следующий раз я не смогу стать отцом? Разве можно рисковать?..

И тут тетюшка, наслышанная о способностях Севим, успокоила племянника, заверив, что подобная катастрофа не грозит ему и грозить не будет.

Теперь решение Большого Семейного Совета уже радовало Саида, — путь к счастью открыт! И только одно обстоятельство продолжало смущать отца-жениха. Нет, он ни в чем не винил Севим, — что поделаешь, так уж сложились обстоятельства, и, видимо, у Севим были свои веские причины для беременности. Но стать отцом, не вложив в это дело никакого труда, было обидно. Саид не хотел быть тунеядцем. Ему никогда не приходилось работать и зарабатывать на жизнь. Живя на всем готовом, он так хотел испытать свои силы на трудовом поприще...

ПОМОЛВКА

И вот наконец долгожданная помолвка!..

После соответствующих переговоров Ферфейерверки и Рыжисыны объявили день, время и место торжественной церемонии обручения. Сливки высшего стамбульского общества получили приглашение пожаловать в банкетный зал отеля «Дальтон».

Хасип-бей запретил дочери встречаться с женихом до помолвки. Трезво мыслящая Мехджуре-ханым поддержала своего супруга, опасаясь, как бы Саид не пошел на попятную, наслушавшись сплетен про свою невесту. А разлука, она только разожжет страсть!

Хасип-бей знал это по собственному опыту: ему не разрешали видеться с будущей женой до самой свадьбы, и он, помнится, с ума сходил от любви.

— Лучше, если они будут подальше друг от друга, — говорил Хасип Ферфейерверк своим знакомым. — Я человек честный и хочу умереть спокойно... Нехорошо, когда порох и огонь рядом...

Все это он высказал и Саиду, который слушал, опустив голову и прикидывая, кто из них двоих огонь, а кто порох.

— Вы правы, эфенди, — произнес он смущенно. — Однако я не могу понять, что случится,

если мы будем встречаться?

Хасип-бей постарался как можно деликатнее высказать свои соображения на этот счет.

Саид вежливо выслушал его, но со своей стороны осторожно намекнул, что Севим все-таки в положении, а он, еще не став мужем, уже готовится, как ни парадоксально, стать вроде бы отцом, В их семье такого еще не бывало, и он, Саид, несколько озадачен созданным положением, хотя по-прежнему любит Севим.

Теперь уже Хасип-бей слушал его, испытывая неловкость и понимая, что перед ним вовсе не дурак, как уверяли супруга и дочь. И Хасип-бей бил себя в грудь, говорил., что он озадачен еще больше, приводил исторические и библейские примеры досвадебного зачатия и ласково уговаривал Саида потерпеть до помолвки, уверяя, что разлука пойдет только на пользу жениху и невесте. Саид, в свою очередь, клялся в любви к Севим и обещал стойко перенести разлуку...

Одним словом, день помолвки наступил, торжественная церемония в отеле «Дальтон» прошла великолепно, и в высшем обществе Стамбула долго еще потом вспоминали о ней... Правда, нашлись и насмешники, — где их не бывает! — которые не прочь были поиздеваться над Саидом. Но он, ослепленный любовью, не обращал на них внимания. Плевать он хотел на светских злопыхателей, считающих его разиней только потому, что талия его очаровательной невесты недостаточно тонка.

Нельзя сказать, что в тот памятный вечер все было гладко; не обошлось без досадных недоразумений. Известный всем повеса позволил себе неслыханную выходку. Во всеуслышание он рассказал анекдот:

— Один пастух решил жениться. Ему говорят: «Женщина, которую ты выбрал, хрома». Он отвечал: «Ну и что ж!» Ему опять говорят: «Да она еще слепа, глуха на одно ухо и горбата», а он свое твердит: «Ну и что ж!» Ему говорят: «Она же сумасшедшая!» Он свое: «Ну и что ж! Лишь бы детей рожала!..»

Анекдот был встречен взрывом хохота, гости весьма невежливо повернулись к Саиду. Он стоял красный как рак. Слава Аллаху, Севим не было рядом. Только хладнокровие, благородство и воспитанность молодого Рыжисына спасли положение.

Невозмутимый Саид старался контролировать каждое движение, каждый жест, каждое слово, чтобы не выдать своей душевной растерянности и избежать насмешек. Но дурацкий анекдот настолько вывел его из равновесия, что он кинулся в танцевальный зал и чуть было не врезался в огромное, во всю стену зеркало. Повернув на сто восемьдесят градусов, он тотчас же со всего размаха трахнулся о стеклянную перегородку, отделявшую один зал от другого.

Потрясенный Саид нетвердой походкой направился к столику, за которым сидел будущий

тесть, и, приняв его за Севим, галантно расшаркался и пригласил на танец:

— Прошу вас подарить мне это танго. Хасип-бей встал, взял его за руку и подвел к дочери. Когда отец потребовал, чтобы она шла с женихом танцевать, Севим сморщила носик и, подав Саиду руку, нехотя поднялась.

Это был их первый танец. Весь вечер Севим держалась как можно дальше от жениха, всем видом показывая, что она лишь терпит его и не по своей воле идет замуж за богатого остолопа... Вид у невесты был до того несчастный, что гости поневоле начали жалеть ее, а бедняга Саид, чувствуя ее неприязнь, становился еще более неуклюжим и застенчивым, Оркестр играл душщипательное танго. Юный кавалер знал, что во время танца полагается говорить даме нежные слова. Но вместо страстных признаний у него вдруг вырвалось:

— Любите ли вы Брамса?..

Севим решила, что жених в порыве ревности спрашивает про какого-то ее прежнего поклонника.

— Кого? Кого?

— Брамса...

— А это кто?

— Немец... Романтик...

Она не помнила, чтобы у нее были знакомые немцы-футболисты, да еще какие-то романтики — хавбеки, что ли? Нет, он зря ее подозревает, несправедливо с его стороны...

— Он был великим музыкантом, — продолжал Саид, понимая, что затеял пустой разговор, однако не в силах остановиться, — знаменитым композитором.

Брамс?.. Севим увлеклась футболистами и потому простодушно спросила:

— Он сочинил это танго?

— Это был величайший композитор прошлого столетия, — торжественно изрек Саид.

Но Севим уже не слышала: рядом оказался Ахмед, танцевавший с какой-то пышной блондинкой. «Этого еще не хватало!» — ревниво подумала невеста.

Имя великого Брамса вырвалось у Саида не случайно: он любил серьезную музыку, сам играл на фортепьяно и к тому же находил у себя немало черт, роднивших его с Брамсом. У светловолосого и голубоглазого немецкого композитора, по свидетельству его современников, до тридцати лет тоже не росла борода; как и Саид, он был застенчивым, считался неудачником и являлся объектом вечных насмешек... Согласно утверждениям ученых прошлого века, организм Брамса развивался аномально, в силу чего в молодости он якобы не в состоянии был жениться, но после сорока с Брамсом произошло чудо.

Пришла зрелость, у него выросла окладистая борода, и он стал настоящим мужчиной.

Именно поэтому в кабинете Саида висела огромная фотография бородатого композитора, а

на рояле стоял его бюст. Саид купал пластинки с творениями великого музыканта. Он ждал чуда, — правда, до сорока ему было еще далеко.

— Я не поняла, при чем здесь немец, о котором ты спросил?

Саид помолчал минуту, а потом честно ответил:

— У Брамса до тридцати лет не росла борода... Севим взглянула на бледное, безбородое лицо жениха и рассмеялась. Потом кокетливо взяла его под руку и потянула к свободному столику: ее растрогали откровенность и беспомощность Саида. Скованность его будто рукой сняло, и он заговорил наконец о том, что гвоздем засело в его душе, — о ребенке...

Севим ему объяснила, что он из-за своей математики ни черта не смыслит в жизни, а потом проворковала едва слышно:

— Любимый, может быть, ты меня в чем-то подозреваешь?

Когда Саид услышал слово «любимый», сердце в его груди так и замерло.

— Нет! — воскликнул он. — Никогда!..

К ним подошел Суат Негритос и спросил у Саида:

— Могу ли я похитить вашу невесту на следующий танец?

Саид гордо улыбнулся.

— Конечно, весьма польщен...

Они ушли танцевать, а Саид, стараясь не привлекать к себе внимания, начал наблюдать за своей удивительной невестой. Она танцевала без отдыха, то с одним, то с другим, а между танцами оживленно болтала с гостями, казалось, совсем забыв о женихе. Впрочем, забыла его не только Севим, все гости вели себя так, будто пришли не на церемонию обручения, а на светский раут, чтобы выпить, повеселиться, потанцевать...

Только Саид не забыл о причине сегодняшнего праздника. Полагая, что с его стороны нетактично надолго оставлять невесту, он приблизился к столику, за которым сидела Севим, прижавшись к Ахмеду Стене и положив голову ему на плечо. Первое, что бросилось Саиду в глаза, была знаменитая левая нога защитника ПыС'а, которая энергично дергалась.

Испугавшись, как бы не приключилось какой беды, Севим еще крепче прижалась к Ахмеду.

— Что-нибудь случилось? — спросила она Саида. Тот увидел наконец, что его невеста обнимает Ахмеда, смутился и ответил, заикаясь:

— П-прошу простить... Нет... Ничего. Я не буду вас беспокоить...

Он отошел, пораженный способностью Ахмеда Стены нервничать именно левой ногой.

Такую неврологическую аномалию может объяснить, пожалуй, только Абдюшюкюр-бей.

Саид не нашел его. Скорее всего, тот уже уехал. Тогда Саид поискал Зихни-бея, но и его не увидел. Мадам Анжела с необыкновенной для своего возраста легкостью выделяла па какого-то современного танца. Саид решил обратиться к Кысмети-бею, которого, правда,

недолюбливал. Однако и того след простыл. Тогда он подошел к тетушке Беррин-ханым, сидевшей в углу в кресле, склонился к ее уху и шепотом спросил:

— Тетушка, где Кысмети-бей?

— Все ушли, сынок, уже поздно.

— Не попрощавшись?

— Они не хотели тебя беспокоить. Ты как раз танцевал с Севим. Со мной они простились и просили передать, что желают тебе счастья.

Он отошел от тетушки и увидел своего дальнего родственника Мухитин-бея, которого всю жизнь преследовали неудачи коммерческого характера, в результате чего тот уже давно промотал свою долю наследства. Как все неудачники, он, естественно, считал себя великим коммерсантом, которому просто дьявольски не везет в жизни. Увидев приближающегося к нему Саида, Мухитин-бей сразу смекнул, что неплохо было бы вытянуть из счастливого жениха денег.

Обменявшись с родственником несколькими ничего не значащими фразами, Саид вдруг спросил:

— Я хотел бы узнать у вас, эфенди, о весьма странном явлении.

— Пожалуйста, сынок.

— Может ли, по-вашему, у человека, который нервничает, дергаться нога так, что он не в силах с нею справиться? Неужели нога может не слушаться человека?

Мухитин-бей внимательно посмотрел на Саида, пытаясь угадать, как лучше ответить, чтобы угодить жениху. Ведь не исключено, что Саид спрашивает о своей неуправляемой ноге. Если он даст подходящий ответ, то довольный Саид, может, и раскошелится. Старик собирался было рассказать жениху удивительную историю о том, как в годы первой мировой войны одному раненому офицеру пришили чужую ногу и та не желала слушаться хозяина, но к Саиду подошел весьма солидный и настойчивый господин, которого не меньше, чем проторговавшегося коммерсанта, привлекали капиталы Рыжисынов, и увел его с собой.

Это был не кто иной, как генеральный председатель спортивного клуба ПыС, сам Дюндар Болтун-бей. В глубине души он искренне радовался предстоящему бракосочетанию Саида с красоткой Севим — добрым духом клуба ПыС. В Саиде же Болтун-бей видел сугубо материальную основу. Он знал, что Саид — единственный наследник огромного состояния Рыжисынов. А богачи, как известно, люди увлекающиеся и на свои увлечения денег не жалеют. И хотя профессиональный клуб «Пыль Столбом» был всегда предприятием высокодоходным, финансовые дела его во многом зависели от взносов богатых любителей. А чем больше в клубе таких любителей, тем профессиональнее играет команда. Вербовкой

богачей занимался лично сам руководитель клуба ПыС. Ради этого он и явился на помолвку. «Команда только выиграет, если с помощью Севим удастся заполучить в члены нашего клуба долговязого очкарика», — резонно думал Дюндар Болтун-бей. В свое время он вложил немало собственных денег в ПыС, вложил, надо отдать ему должное, с умом, ибо давно уже вернул их, причем с немалой для себя прибылью. Болтун-бей прекрасно понимал, что, кроме денег, немаловажны и другие факторы: хорошие футболисты, классный тренер и, пожалуй, самое главное, влиятельный депутат меджлиса в качестве почетного президента клуба. Очень полезен на таком посту может быть, скажем, один из лидеров правящей партии. Тогда сразу найдутся и хорошие футболисты, и классный тренер. Последний раз Дюндару Болтун-бею просто повезло: он заполучил в почетные президенты очень влиятельного партийного босса. Тот, правда, был хром от рождения и потому вряд ли хоть раз в жизни ударил по футбольному мячу, зато в политике съел наверняка не одну собаку, что для рекламы ПыС'а было весьма немаловажным. Партийный босс с радостью возложил на себя обязанности почетного президента ПыС'а — это обеспечивало ему популярность в широких кругах избирателей. Он непременно присутствовал на каждом футбольном матче и с таким жаром болел за «Столбов», что иной раз вскакивал на скамейку и изо всех сил размахивал хромой ногой. А когда какой-нибудь футболист откровенно бил мимо ворот, босс кричал: «Вот мазила! Да с такого расстояния и я забил бы!» Эта фраза стала крылатой, ее повторяли и футболисты, и болельщики, и даже чопорные парламентарии...

После полуночи Дюндар Болтун-бей уже не отходил ни на шаг от наследника Рыжисынов, у которого прорезался интерес к футболу и делам клуба, потому что путь к сердцу Севим, как он понял, лежал только через ПыС. Тут же вертелся журналист и спортивный комментатор Эрол Аркан-бей, шустрый молодой человек, умевший быстро сходитьсь с людьми любого возраста и величавший всех без разбора «старина».

Дюндар Болтун-бей тотчас представил его Саиду.

— Познакомьтесь, наш Аркан, единственный в стране беспристрастный и объективный комментатор. — И, поразмыслив, добавил: — Хвала Аллаху, Аркан-бей поддерживает нашу команду.

На что Аркан-бей скромно заметил:

— Старина, я лишь честно выполняю свои обязанности. — И, прижав руку к сердцу, добавил: — Здесь всегда «Пыль Столбом»!

— Это наш Аркан, — не унимался Дюндар Болтун-бей, — сделал Ахмеда знаменитостью и нарек его Ахмедом Стеной. Если уж Эрол накинет на кого свой аркан, тому в седле не удержаться...

После таких слов Саид проникся к Аркан-бею трепетным восхищением и не сводил с него

глаз, словно загипнотизированный.

— Как вам удалось, эфенди, создать славу Ахмеду?

— У каждой профессии, старина, есть свои тайны, — загадочно ответил комментатор. — Давай-ка лучше трахнем по маленькой...

Гости расходились под самое утро. Саид просил Болтун-бея вместе с Аркан-беем заходить к нему запросто, без церемоний. Опьяневшая Севим ни за что не желала слезать с колен Ахмеда Стены, а тот, дергая левой, рычал, что Севим уйдет домой только через его труп. И если бы не тетушка Беррин-ханымэфенди, которая увела девушку на минуточку в туалетную комнату, то неизвестно, чем бы кончилась торжественная церемония помолвки. Саид довез Ферфейерверков до самого дома. Ему, конечно, было известно, что при прощании надо поцеловать руку будущей супруге. Однако, когда настал этот момент, жених до того растерялся, что, взяв Севим за руку, уже не знал, что делать дальше. Севим расхохоталась, потом чмокнула жениха-растяпу в щеку и скрылась в доме.

Начинало светать. Впервые в жизни Саид так много выгоил и, чтобы проветрить голову, решил до дому прогуляться пешком. Радостный и счастливый, он шагал точно во сне.

Вдруг что-то попало ему под ногу. Он низко нагнулся и увидел картонную коробку из-под печенья. «Ах, какая удача! — В Саиде проснулся футболист. — Сейчас мы ей наподдадим!» Он отошел на два шага, пробежался, — замах, удар, и... Саид растянулся на мостовой.

Когда он, кряхтя и чертыхаясь, поднялся, очки были разбиты, а из носа шла кровь.

«Жду вас завтра», — вспомнил он слова невесты. Нет, с таким носом не высунешься из дому. «Может, подождать, пока вырастет борода, как у Брамса?» — подумал Саид.

О НЕВЕСТЕ И ЖЕНИХЕ, ИЛИ ПЕРВЫЙ РАЗ НАЕДИНЕ

Растить бороду — дело долгое, а для любви разлука невыносима. Какое счастье, что обычаи предков отныне разрешали жениху хоть каждый день видеться с невестой. Те же обычаи тех же предков предписывали родителям строго блюсти честь дочери. Севим категорически запретили ходить на стадион, особенно в дни, когда играла команда клуба ПыС. «Выйдешь замуж, тогда делай что хочешь! — твердили они неугомонной дочери. — Тогда муж за все в ответе, а сейчас ни-ни!..»

Севим вынуждена была подчиниться воле родителей, боясь, как бы свадьба не расстроилась из-за пустяка. Поэтому в меру своих сил она старалась не нарушать

родительского запрета. И если на улице ей вдруг встречался знакомый футболист, она не останавливалась, как прежде, чтобы поболтать всласть, а, перекинувшись двумя-тремя словами и даже не расспросив про друзей-столбешников и любимого Ахмеда, мчалась домой. Но чем дольше длилось добровольное заточение, тем упорнее мысли ее возвращались к дорогому ПыС'у и непробиваемому центральному защитнику, тем невыносимее становились визиты жениха, которого Севим встречала все более неприятливо. Бедняга Саид, влюбленный и в то же время глубоко несчастный, замыкался в себе, страдал, но продолжал ходить каждый день.

Вот и сегодня, когда такой матч, когда встречаются извечные соперники — ПыС и ГВН, Севим должна сидеть дома. Это же ни в какие ворота не лезет!.. А тут еще Саид вертится. Принесла его нелегкая!.. Будто только его и ждали!..

Родители специально ушли из дома, чтобы оставить невесту с женихом вдвоем и не смущать их своим присутствием. Подобные эксперименты были совершенно излишними. Саид в таких случаях боялся не только невесты, но даже самого себя и сидел, притаившись, весь вечер в углу. По правде говоря, невеста не ждала от него проявления бурных жениховских чувств, но ее женское самолюбие было задето и оскорблено, на то она я Севим Грифон, чтобы ее домогались!.. Впрочем, пусть только попробует! Уж тогда она ему покажет!..

Севим собиралась слушать матч по радио, до начала оставалось еще полчаса. Боже, неужели она должна полчаса мучиться и играть в молчанку с женихом? Она, которая и минуты не может посидеть молча?

«Ну, что бы случилось, — подумала она, — если бы я пошла на стадион вместе с ним?» И хотя появляться на людях с женихом она не любила, но умирать около него со скуки, сидя дома, было еще хуже.

Севим вскочила и прошлась по комнате. Что бы такое выдумать? Надо принять ванну! И невеста стала быстро раздеваться прямо при Саиде в гостиной: «Интересно, как он будет себя вести?»

А Саид сидел смирно, словно послушный ученик перед строгим учителем, не поднимая глаз... «Может, он не видит, что я раздеваюсь?» Севим подошла к нему вплотную и скомандовала:

— Расстегни крючки...

Саид вскочил и, отвернувшись, чтобы не видеть того, на что смотреть ему еще не полагается, начал на ощупь расстегивать крючки.

— Скоро?

— Все, — еле слышно пролепетал он.

— Теперь молнию на юбке...

— Ох!.. — Вот он, путь искушения, ведущий к святости.

Дрожащими руками Саид нашел молнию и расстегнул ее... «И зачем только вздумали нас оставлять вдвоем?» — промелькнуло у него в голове.

Севим ушла в ванную, через минуту послышался ее голос:

— Саи-ид!.. Саи-ид!

— Что, Севим-ханым?

— Пойди сюда, мой дорогой!

Счастливым оттого, что его назвали «мой дорогой», Саид кинулся на зов, опрокидывая на пути стулья, и, хотя дверь была открыта, остановился в коридоре...

— Иди сюда, дорогой!

— Я здесь, — ответил Саид из-за двери.

— Войди же сюда, душа моя...

Он вошел. Севим лежала в пене, картинно выставив ногу на край ванны... Смущенный Саид зажмурил глаза и закрыл лицо руками.

— Я не смотрю, Севим-ханым, не смотрю, — залепетал он. — Можете мыться без стеснения...

— Пошел вон! — срывающимся голосом взвизгнула Севим. — Сейчас же убирайся отсюда!..

Саида как ветром сдуло. «Что за непонятные создания, эти женщины, сначала зовут, потом гонят...» Как же он может вести себя иначе, если родители доверили ему девушку... Может, они хотят его испытать? Хвала Аллаху, пусть знают, что он честный и порядочный человек...

Бедняга Саид обманывал сам себя: просто он боялся Севим, боялся, что, поцеловав ее, не сумеет сдержаться или, хуже того, оробеет, и все кончится очередным конфузом. Сколько раз его подводила проклятая робость, нет, он дал себе слово, что до свадьбы не дотронется до невесты!

Севим Грифон вышла из ванной вне себя от обиды и ярости, — так с нею еще никто не поступал!

— Севим-ханым, — проскулил Саид...

— Что еще?

— Ничего... Просто я...

— Если ничего, так заткнись! Сейчас начнется игра.

— Я хотел сказать...

— Что?

— В тот день, когда мы с вами познакомились... В кинотеатре... Какое сладостное воспоминание!..

Каждый раз, когда Саид оставался с ней вдвоем, он всегда вспоминал о том «прекрасном» дне... Севим так осточертели эти воспоминания, что она едва не сказала: «Где тебе знать, убогому, о чем вспоминают истинные мужчины?» — но сумела сдержаться.

В этот момент раздался голос диктора:

— Уважаемые радиослушатели! Начинаем репортаж о футбольном матче между командами клубов «Пыль Столбом» и «Гонимых Вечною Нуждою». Репортаж ведет наш спортивный комментатор Эрол Аркан-бей.

— Внимание, внимание! — начал Эрол. — Мы с вами, дорогие радиослушатели, находимся на стадионе: Мидхат-паша. Через несколько минут здесь начнется главный матч сезона. Встречаются два постоянных соперника, достойных друг друга, — ПыС и ГВН, гордость и краса нашего отечественного футбола... Вот-вот команды появятся на поле. Сегодня, дорогие радиослушатели, мы станем участниками исторических событий: кто окажется впереди — ПыС или ГВН?.. На трибунах...

Игра этих команд, конечно, не могла заинтересовать Саида, но ему хотелось послушать знаменитого Аркан-бея, человека, который создал славу Ахмеда Стены.

— До сегодняшнего дня, — продолжал комментатор, — команды сыграли сто двадцать восемь игр...

— Дурак! — спокойно вставила Севим. — Не сто двадцать восемь, а сто двадцать семь, одна игра была опротестована.

— В этих ста двадцати восьми играх пятьдесят четыре раза победила команда ГВН, а сорок восемь — ПыС.

— Да откуда ты взял, идиот несчастный? — вспыхнула Севим.

Саид смотрел на невесту широко раскрытыми глазами: девушка, не имеющая понятия о Брамсе, разбирается в футболе лучше самого Аркан-бея,

— Команды выходят на поле, вы слышите, как реагируют трибуны. Болельщики приветствуют своих любимцев. ГВН играет сегодня в своей обычной форме: полосатые майки, светло-коричневые трусы. Игроки ПыС'а сменили форму: они сегодня в ярко-желтой...

— Дубина! — взорвалась Севим. — В ярко-желтой... Ишь остряк нашелся...

— На поле какая-то суматоха... Пока судья выясняет отношения с капитанами, несколько слов о командах. Итак, «Пыль Столбом». Главная сила ПыС'а и позвоночный столб национальной сборной, конечно, Ахмед Стена, он является капитаном «Столбов»... Севим расцвела, услышав по радио имя Ахмеда. : — Ахмед Стена двадцать три раза

выступал за нашу национальную сборную... Это наша звезда... За большие деньги... Команду «Гонимых Вечною Нуждою» ведет в атаку ее бессменный капитан Осман Перец. Осман Перец выбрал ворота. Мяч в центре поля... Свисток судьи, игра началась... Мяч у «Нуждарей». Кадри пасует Али Малышу... Тот—Осману... Осман врывается на штрафную площадку «Столбов»... Какой стремительный проход, недаром его зовут джигитом... Осман Перец пасует Али Малышу, тот возвращает мяч Осману. Мощное наступление ГВН... Севим нервно грызла ногти.

— Осман обводит защитника. Выгодная позиция. Еще финт... Великолепно пасует сам себе. Сейчас будет удар, и... Какой молодец Ахмед! Вот это Стена, вот это стоппер!.. Ну и Ахмед, как он успел? В непостижимом броске он буквально головой выносит мяч из штрафной площадки, спасая ворота команды от неминуемого гола! Ах, Ахмед!..

Севим вскочила, бросилась обнимать Саида. Никак не ожидавший такого броска, жених ахнул, а тощие колени его под тяжестью невесты жалобно хрустнули.

Севим быстро пришла в себя и вернулась на свое место.

— Идет упорная борьба... ГВН — в глухой защите. «Столбы» прочно обосновались на половине поля противника... Мяч у Мустафы, он пасует Бекиру! Ну!.. Ай-яй-яй! Ах, Бекир... С такой позиции футболист обязан забивать!.. А это уж совсем зря: Бекир сносит Османа-Бьют «Нуждари»... Мяч перехватывает Аттила... Неудержимо рвется к воротам. Обводит защитника... Выходит на ударную позицию... Ну, давай, Аттила! Упустил выгодный момент. Пасует Бекиру!.. Бекир!.. Удар! Гол!.. Ах, какой прекрасный гол!.. Красавец гол!..

Севим подпрыгнула от радости, снова бросилась к Саиду. Обняла его и крепко поцеловала... И опять в растерянности тот не успел даже обрадоваться — только облизнул губы, будто после мороженого.

Когда «Столбешники» забили второй гол, Саид наконец понял причину волнения Севим и молил всевышнего, чтобы ПыС как можно чаще забивал голы ГВН...

В тот день Аллах был милостив к Саиду: даже когда гол забили в ворота «Столбов», Севим все равно прыгнула к нему на колени, крепко прижалась к его груди и зарыдала. От счастья у Саида закружилась голова.

Первый тайм закончился со счетом 2:1 в пользу ПыС'а. Команды ушли на перерыв.

Заиграла музыка, и Саид стал думать о влиянии футбола на эмоциональное поведение женщины...

— Ты хоть раз был на стадионе? — спросила Севим, нарушив молчание.

— Один раз, когда еще в лицее учился... Я не сам пошел, меня повели.

— Кто повел?

— Уж не помню... Какие-то люди... В воскресенье собрался на лекцию, а попал на стадион... Севим слушала и тихо злилась: «Неужто мне суждено стать женой такого мозгляка? Конечно, не обязательно идти за умного, но и за дураком — радости мало...»

— Как же ты попал на стадион? — безразличным тоном, только для того чтобы поддержать разговор, спросила Севим.

— Был какой-то важный матч, люди шли на стадион сплошным потоком. Я случайно попал в толпу и выбраться уже не мог, вот и оказался на трибуне.

— Кто тогда играл?

— Понятия не имею... Мне было не до игры... Оба тайма я искал портфель, который потерял в сутолоке...

Начался второй тайм. По радио снова рокотал Аркан-бей, и Севим смотрела в приемник, все мысли ее были уже там, на стадионе.

— Ну, Ахмед! Давай, Ахмед, миленький!..

Вслед за ней и Саид стал кричать Ахмеду. Его счастье сегодня зависело от количества голов, которые «Столбы» забьют в ворота противника. Когда в очередной раз Эрол Аркан-бей заорал: «Го-о-ол!» — жених и невеста кинулись друг другу в объятия...

Незадолго до окончания игры был забит еще один гол, — комментатор объявил об этом без всякого энтузиазма. Обрадованный Саид вскочил, но Севим горестно прошептала:

— Сядь... Это же нам забили...

— Нам? В наши ворота? Он хотел утешить ее.

— Прошу, оставь меня в покое, дай прийти в себя... Пока Эрол Аркан-бей разглагольствовал об ошибках защиты ПыС'а, Севим ушла к себе в комнату, от слез тушь невыносимо щипала глаза. Оставшись один, Саид опять начал думать о тех путях, которые вели к сердцу его очаровательной невесты... Ах, если бы он смог стать знаменитым футболистом! Как Ахмед Стена или, на худой конец, как бразилец Пеле-Саид сидел, погруженный в мечты. Вот и он несется вихрем по футбольному полю, бьет по мячу, удары сыплются один за другим, и мячи летят в ворота. Голы-Голы... Трибуны ревут.

В самый разгар этой игры воображения дверь отворилась и в комнату неслышно вошла Мехджуре-ханым. Как раз в этот момент Эрол Аркан-бей закричал: «Го-ол!» — вернув Саида к действительности.

— Кто забил? Наши? В наши ворота? — засуетился Саид.

«Господи, да что же это он сам с собой разговаривает?» — удивилась будущая теща.

Тут комментатор объявил, что «Столбы» забили еще один гол, Саид вскочил и бросился обнимать стоявшую сзади него Мехджуре-ханым, истошно крича:

— Мы забили!.. Ура!.. Мы забили!.. Оторопевшая мамаша с трудом вырвалась из объятий

Саида.

— Да постой ты... Кому забили?

Вбежала Севим, у бедного жениха подкосились ноги.

— Прошу простить меня, ханымэфенди, я думал, что это Севим-ханым...

Мехджуре Ферфейерверк была счастлива: «Правильно мы сделали, что ушли с отцом из дома... Все идет так, как мы задумали... Аллах велик!..»

ПОМОЛВКА РАССТРАИВАЕТСЯ, ИЛИ ЖЕНИХ ХЛОПАЕТ ДВЕРЬЮ

В доме Ферфейерверков и невеста, и ее дружки-футболисты, и даже гости — все считали своим долгом насмехаться над женихом. Саид стоически сносил насмешки, делал вид, что ничего не замечает, одним словом, был невозмутимо-рассеян и влюблен. Он каждый День появлялся в доме невесты с дорогими подарками Для Севим и ее родителей. Однако приношение даров нисколько не способствовало его популярности: Севим Демонстративно презирала жениха, издевалась над ним. А он, как это нередко бывает, любил ее еще больше. Это было чувство безмолвного слепого обожания. Уходя, он давал себе слово больше не приходить, пока Севим не позовет его. А на следующий день вновь покупал подарки и покорно отправлялся в дом невесты, как загипнотизированный кролик в пасть удава... Но однажды Саида осенила гениальная мысль: а что, если пригласить Ферфейерверков к себе домой? Он поспешил поделиться с тетушкой Беррин-ханым своей идеей.

— Тетушка, ведь мы до сих пор не пригласили семью невесты к нам. Они бог весть что подумают о нас...

— Ты прав, сынок, — согласилась тетя. — Давно надо было бы позвать...

— Лучше сделай это ты, тетушка, я боюсь, что у меня не получится.

Беррин-ханым отправила официальное приглашение своим будущим родственникам, прося их пожаловать на ужин. Она собралась даже позвать всех Рыжисынов, но Саид решительно воспротивился этому: его многочисленные тети и дяди терпеть не могут родителей Севим, чего доброго, еще ляпнут отцу невесты, что тот дикарь и неуч, а будущую тещу обзовут невежественной торговкой... Севим же обязательно скажет что-нибудь невпопад... Нет, уж лучше поужинать в тесном семейном кругу...

В этот день с самого утра Саид не находил себе места, мыкаясь из угла в угол, не зная, чем заняться. И чем ближе был час прихода гостей, тем нестерпимее казалось ожидание. Но время шло, гостей не было, и бедный Саид впал в отчаяние. Тетушка уже возмущенно

бормотала: «Аллах, Аллах, какое неуважение!..»

Ферфейерверки появились только в девять часов; к великому ужасу Саида супруги пришли без дочери. Когда все расселись в гостиной, Беррин-ханым, словно бы между прочим, спросила:

— Разве Севим-ханым не будет? Мехджуре-ханым, ничуть не смущаясь, ответила:

— Мы думали, она уже здесь! Значит, какие-то неотложные дела ее задержали...

За стол не сажались, ожидая Севим. Мехджуре-ханым достала из сумки сверток и протянула тетушке:

— Вам нравится?

В свертке оказался корсет. Беррин-ханым побледнела от обиды. «Аллах! Да что же это за подарок? Просто срам!» Она гордо вскинула голову, собираясь отвергнуть его. Но Мехджуре-ханым без всякого стеснения произнесла:

— Это я купила себе. Мой вконец истрепался... В разговор вступил Хасип-бей:

— Вам известно, наверное, ханымэфенди, что в народе говорят: соседская курица гусем кажется. Супруга моя всегда покупает корсеты в магазинах моих конкурентов, хотя всем известно, что в Стамбуле лучшие корсеты продает фирма Хасипа Ферфейерверка. Если вам, ханымэфенди, что-нибудь надобно, буду весьма польщен...

Раздался звонок в передней. Вот и Севим наконец! И сразу же громкий голос, резкий смех наполнили гостиную.

— Где ты задержалась, доченька? — ласково спросил ее Хасип-бей.

— Надеюсь, вы не померли без меня с голоду, — бесцеремонно сказала Севим. — По дороге я встретила ребят из ПыС'а — тысячу лет не видела! Постояли, потрепались.

Тетушка Беррин-ханым пригласила всех в столовую. По случаю почетных гостей стол был накрыт особенно парадно. Дорогая скатерть ручной работы, салфетки, шитые серебром, старинный фамильный сервиз, цветы, свечи в серебряных подсвечниках...

Когда уселись за стол, Севим оглядела его по-хозяйски и спросила:

— Что будем пить?

Так как никто ей не ответил, она обратилась к Саиду:

— Я спрашиваю, что будем пить? Ты будто не слышишь, что я говорю...

Это «ты», обращенное к Саиду, резануло тетушкино ухо. «Что за воспитание, — подумала Беррин-ханым, — женщины из рода Шафран-заде никогда не позволяли себе говорить с мужьями на «ты», даже оставаясь с ними наедине...»

Не успела тетушка ответить невесте, как ее опередил Хасип-бей:

— Предлагаю выпить раки (*Раки — виноградная водка.*)... После нее не так болит голова.

Трезвеннику Саиду было все равно, что пить. Он лишь пригубил рюмку, зато

Ферфейерверки разошлись вовсю, — они не успевали чокаться, опрокидывая одну рюмку за другой...

— Терпеть не могу чинных обедов. В Европе давно уже принято а-ля фуршет, — капризно сказала Севим.

— А вы как любите, моя красавица? — спросила Беррин-ханым, не поняв, чем недовольна невеста.

— Люблю, чтобы запросто было все: каждый сам кладет себе на тарелку, что ему нравится, и наливает, что хочет, — вот это современно! Никого не сажают...

— Это не от современности, красавица моя, — язвительно заметила Беррин-ханым, — а от тесноты. Нынче, как известно, просторных домов не строят... А гяурская гостиная — не больше нашей кладовки... В ней не больно рассядешься, вот и устраиваются, как могут...

— Возможно, у них в Европе и тесно, ну а что хорошего в таком сарае, как ваш? — вспыхнула Севим.

Беррин-ханымэфенди чуть не поперхнулась от обиды за фамильные хоромы. Слава всевышнему, в разговор вовремя вселила мадам Анжела.

— Вы, конечно, свой дом поставите на широкую ультгасовременную ногу?

И все радостно переменили тему, заговорив о будущем доме молодоженов.

Когда жених увез гостей, Беррин-ханым и старая служанка, оставшиеся дома, еще долго охали: «Бедный Саид! Что с ним будет? Не иначе, как шайтан свел его с этой невоспитанной, взбалмошной девицей, к тому же беременной...»

На следующий день Саид отправился к невесте с огромным букетом пунцовых роз. У Ферфейерверков он застал великое множество незнакомых людей, и каждый из них чувствовал себя как дома: один тянул виски, другой за обе щеки уписывал всевозможную снедь, а третий, развалившись на диване, похрапывал. Наверное, гости всегда вели себя здесь самым непринужденным образом, только Саид, занятый мыслями о своей возлюбленной, просто ничего не замечал вокруг. Он преподнес невесте букет. Вид у жениха был, как обычно, смущенный и несчастный.

— Поставь его сам в какую-нибудь вазу, — сказала Севим, даже не взглянув на цветы. Саид отправился искать вазу, бестолково тыкаясь в каждый угол.

— Ладно, не надо, — остановила его Севим, — не ищи, а то ты обязательно что-нибудь свалишь или разобьешь. Положи на окно, потом мама их поставит...

Не избалованный вниманием жених с радостью исполнил приказание хозяйки своего сердца — ведь случалось, что невеста вообще не замечала его появления, не достаивала разговором. Саид походил по комнатам, отыскивал укромное местечко за буфетом и устроился в кресле... К его изумлению, вдруг появилась Севим, которая нашла его и села в

кресло напротив.

— Что нового? — спросила она.

Саид уже знал, что стоит ему рассказать какую-нибудь смешную историю про себя, и Севим придет в хорошее настроение. Как она смеялась, когда он описывал свое посещение стадиона!..

— Я бы сказал, но... — и запнулся.

— Что?

— Да так... я стесняюсь... Это тайна.

— От меня?

— Нет, от вас у меня нет тайн!.. Но понимаете...

— Чего понимать? — Севим начала сердиться.

— Я хочу завоевать ваше сердце, и ради этого я готов на все. Если надо, я стану даже футболистом! — В голосе жениха слышались твердые нотки.

Севим от изумления вытаращила глаза:

— Что-о? Футболистом?! Еще недавно ты спрашивал, за какой клуб тебе болеть!..

— Да, я стану футболистом! — В его словах впервые появилась какая-то уверенность. — То есть я хочу этого всем сердцем! — высказал Саид свою заветную мечту.

— Ой, уморил!.. Прощу, перестань, я сейчас лопну... Саид добился своего — рассмешил невесту.

В дверь позвонили, и ввалился Ахмед Стена. Севим вскочила, бросилась навстречу и повисла у него на шее. Ахмед звонко расцеловал добрую фею своей команды.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты плакала?

— Нет, душа моя, это от смеха...

Они уселись рядышком на диване, недалеко от буфета и, прижавшись друг к другу, тихо зашептались, не обращая внимания на Саида, который невольно слушал их разговор. «Вот если бы я стал футболистом, она всегда бросалась бы меня целовать, как Ахмеда», — думал он.

— Ах, мой дорогой, — жаловалась Севим Ахмеду, — свадьба все откладывается и откладывается, а мне, сам понимаешь, надо торопиться.

Саид даже покраснел от счастья: значит, она любит его, если жалеет, что свадьба откладывается.

— Что случилось? Почему в клуб не показываешься?

— Это все отец. Ты же знаешь: свобода для меня дороже всего, а отец знает твердо: «Пока замуж не выйдешь, не будет тебе свободы». Я даже на матч не могу пойти, когда ты играешь. В клуб не хожу... Наверное, так надо... Но после свадьбы придет моя свобода, и уж

тогда мы не расстанемся... Если бы ты знал, как я соскучилась по тебе...

И они опять поцеловались, как брат с сестрой, а Саид слушал и все думал: стать футболистом — это единственный выход.

Ахмед сжал в ладонях ее руки.

— Чего тянуть со свадьбой? Назначай на завтра. Мы только этого и ждем...

— Не могу, дорогой. Мать заладила: «Я отдаю дочь, прекрасную, как роза, и не могу позволить, чтобы она жила в старом сарае, хоть они и называют его особняком...» Мама требует, чтобы купили новый дом.

— Конечно, пускай покупает! — сказал Ахмед. — У него куча денег... И дом должен быть большим... Чтобы было где разгуляться, когда мы всей командой к тебе закатимся.

— Он снял пока прекрасную квартиру... Ты сможешь там даже ночевать...

— Так чего же тянуть волынку со свадьбой?

— Да я согласна, а мама каждый день новое придумывает: спальню надо обставить в стиле альковный кубизм, в столовой — модерн. У них мебель старинная, ведь его предки были то ли паши, то ли падишахи, то ли просто плуты и мошенники. В особняке одна рухлядь, которая давно из моды вышла. Маменька твердит: «Не могу, чтобы моя дочь жила среди музейных экспонатов».

— Пусть мерзавец покупает эти кубики! — дернув левой ногой, бросил Ахмед.

— Купил, душа моя, уже все купил.

— Слушай, вы с ума сведете человека! И квартиру снял, и мебель купил, за чем же дело стало?

— За мамой... «Пусть, мол, знает будущий зять цену моей дочери!»

— Мать дело говорит, чем выше цену запрашивают, тем товар дороже кажется... Слушай, крошка, а что, если этот парень после свадьбы станет нам мешать?..

— Извините, эфенди, — не выдержал Саид, — что прерываю вашу беседу, но я хочу сказать, что наш дом будет всегда открыт для вас. Добро пожаловать в любое время!.. Пожалуйста!.. Для вас всегда найдется место — Слова Саида, о существовании которого Севим уже забыла, были для нее точно удар грома среди ясного неба.

— А-а-а-а! Ты здесь!.. Ты все слышал!

— Я все время здесь сижу, Севим-ханым...

— Значит ты подслушивал нас? Какой позор!..

— Прошу прощения, я не знал, что разговор ваш секретный, — залепетал Саид, — иначе я пересел бы в другое место... Извините меня.

Извинения жениха только подлили масла в огонь. Севим завопила:

— Не хочу!.. Не хочу!.. Никогда!.. Не пойду за него! — И, сорвав с пальца обручальное

кольцо, она бросила его в лицо жениха. — На, забирай!..

Кольцо попало Саиду в очки, отскочило и покатилося по полу...

Севим Грифон не в первый раз бросала Саиду кольцо. Дважды невесту мирили с женихом — сначала родители невесты, а потом тетушка жениха. И всякий раз Саиду приходилось раскошелиться, то покупать часы за три тысячи лир, то колечко за десять тысяч...

— Но... я... Севим-ханым... я же ничего не сказал... Ахмед-бей, прошу вас... Разве я сказал что-нибудь обидное?

Между тем Севим уже визжала:

— Не хочу!.. Ни за что!.. Пусть проваливает!.. Глаза мои чтоб не видели!..

На истерические крики единственной дочери прибежала Мехджуре-ханым.

— Что случилось?

— Не будет свадьбы! Не нужен мне такой муж!..

— Я ведь не хотел вас подслушивать, — продолжал лепетать Саид.

Мехджуре-ханым, взяв Саида под руку, вывела его из комнаты, уговаривая.

— Вы же видите, Севим очень нервная... Отчего она опять рассердилась, я не знаю... Лучше ей побыть одной...

— Хорошо, ханымэфенди, — покорно ответил Саид. Совсем неожиданно вмешался Ахмед:

— Стой, мерзавец, ты опозорил Севим! Саид застыл на месте.

— Что я такого сделал, эфенди?

— Разве я тебе не говорила, — опять зашлась в крике Севим, — разве я не предупреждала, чтобы ты не вмешивался в мои дела? Не подслушивал! Не шпионил!..

Саид никогда в жизни не подслушивал и не имел такой привычки, но, напуганный криками и воплями, вдруг выпалил, словно признавая свою вину:

— Да, предупреждали, Севим-ханым...

— Сколько раз я бросала тебе кольцо?

— Два!..

— Что я тебе сказала в последний раз? — спросила Севим.

— Что вы сказали? — переспросил ее Саид.

— Как вам это нравится? Он еще спрашивает!.. Значит, ты не помнишь, что я тебе говорю?!

— Что вы, как можно!

Лучше уйти, провалиться сквозь землю, только бы не слышать этого визга, этих оскорбительных слов. Но Саид стоял навтыжку, — даже там, где вежливость была излишней, он не мог пересилить себя и с надеждой переводил взгляд с Ахмеда на Мехджуре-ханым.

— Позвольте объясниться, — проговорил Саид, апеллируя к будущей теще, — как я

полагаю, в этом доме я могу считать себя в некоторой степени не чужим, а посему разговор Севим-ханым с Ахмед-беем в моем присутствии казался мне вполне естественным. Разве не так, ханымэфенди? Но знай я, что у них могут быть какие-то секреты, неужто стал бы я сидеть на том месте, где мы только что вели беседу с Севим-ханым?

Даже Ахмеду стало не по себе.

— Хватит! — прикрикнул он на Севим. — Ты уж того... слишком...

Севим вмиг замолкла.

— Спасибо, эфенди, я ведь, право, совсем не хотел... — обрадованно произнес Саид.

— Он понимает только такое обращение, — зашептала Ахмеду невеста. — Чем больше на него кричишь, тем больше он тебя ценит.

— Ты, Саид, тоже виноват, — назидательным тоном сказал Ахмед. — Видишь, какая нервная она у нас теперь. Вот и нечего было подслушивать ее разговоры. А еще из благородных!.. — Потом, обняв Саида за плечи, отвел в сторону, — Ты, братец, с ума сошел. Да разве так можно с беременной. Пойди, попроси у нее прощения... Помнишь наш уговор? Ты мне обещал не бросать девушку в положении.

Саид покраснел.

— Ну хорошо, хорошо! А теперь помиритесь, — подталкивая жениха к невесте, говорил ближайший родственник. — Видишь, Севим, как ему стыдно. Он у тебя прощенья просит. Саид был готов уступить уговорам Ахмеда, но Севим не унималась:

— Не хочу!.. Пусть убирается в свой особняк!.. Глаза мои чтоб больше его не видели!..

Перепуганный жених, шепча: «Хорошо, я ухожу!..» — отступил к двери.. Та легко открылась и, словно проглотив Саида, захлопнулась со страшным грохотом, так что в доме задрожали стекла.

Саид тупо глядел на закрытую дверь. «Надо вернуться, объяснить, что я вовсе не виноват. Это все проклятый сквозняк наделал», — пронеслось в голове Саида, но рука ему не повиновалась, и он не в силах был заставить себя нажать кнопку звонка. Он машинально повернулся и стал медленно спускаться по лестнице.

Саид не помнил, как дошел до дома, как добрался до постели и повалился на нее... Он лежал и плакал. Воль и обида переполняли его душу. В сердце закрадывалось незнакомое ему желание отомстить. Но что он может сделать, если ни на что не способен, если немощен, тщедушен и жалок... И тогда, как спасение, на помощь явились мечты — безумные, фантастические... «Ах, если бы вдруг стать известным футболистом!» Уж тогда бы он им показал!

И Саид уже видел себя на футбольном поле: вот он обходит соперников, одного, другого, третьего, вот мощным ударом посылает мяч в сетку, вся команда бросается его целовать,

стадион вопит: «Саи-ид! Хоп-хоп, Саид!»

Он так размечтался, что не сразу услышал телефонный звонок. Дюндар Болтун-бей хотел условиться с Саидом о свидании.

— Да, да, я жду вас, эфенди. Окажите честь... Прошу приходить в любое время, когда вам удобно...

Саид вернулся в комнату и, чтобы успокоиться, сел за свои математические задачи...

После того как дверь в доме Ферфейерверков с грохотом захлопнулась за женихом, благородному негодованию невесты и ее матушки, казалось, не будет конца. Ахмед закурил, сердито посмотрел на Севим и ехидно спросил:

— Ну, теперь ты довольна?

Слова его только подлили масла в огонь.

— А что я сделала? — огрызнулась Севим и подумала: «Вон и мама говорит часто отцу: «Негодяй, убирайся куда хочешь, не могу больше оставаться под одной крышей с тобой!..»

Ну и что? Отец от такого крика как шелковый становится, в ноги бросается, умоляет:

«Женушка, дорогая, прости меня... Не гони...» — Ничего, вернется как миленький, я-то знаю! — уверенно добавила невеста.

— Ты, дочь моя, переборщила! Надо понимать, когда можно говорить, а когда и нельзя...

Ох, уж эта молодежь... — сказала Мехджуре-ханым, направляясь к выходу.

— Ну, теперь завелась на целую неделю, — проворчала ей вслед Севим.

Ахмед злился на Саида и в то же время сочувствовал ему.

— Знаешь, Севим, ты это того, чересчур, — сказал он строго.

— Откуда я знала, что этот психопат хлопнет дверью?.. Придет, никуда не денется... Таких, как он, всегда полезно учить. Первый раз, что ль, выгоняю?.. Придет и в ногах валяться будет... Саид и мой папаша из одного теста — оба лопухи-недотепы...

— Эх, попала бы ты в другие руки, — сказал Ахмед, — тебе бы показали... Другой бы тебе вздохнуть не дал... Чего ты бесишься? Парень как воск, лепи, что душе угодно... Муж из него прекрасный... Так нет... Чего тебе еще надо? Какой нормальный мужчина будет до свадьбы обещать невесте свободу?..

Севим понимала, что Ахмед прав, но мыслимо ли всю жизнь мыкаться с таким скучным типом? И все-таки... И все-таки ей не хотелось терять его...

САИД ВСТРЕЧАЕТ СТАРОГО ДРУГА РЕФИКА, ПСИХИАТРА ИЗ АМЕРИКИ

Ночью Саиду приснился удивительный сон, будто стал он самым знаменитым футболистом. Не в силах расстаться с этим сладостным видением, Саид утром вышел из дому и бесцельно побрел по городу, продолжая грезить наяву. И опять ему виделось, как он, Саид, новая звезда отечественного футбола, забивает голы, как после матча Севим бросается ему на шею, целует его, как он играет за национальную сборную страны против самых прославленных команд мира и каждый раз приносит своей команде победу; как слава его затмевает славу Ахмеда Стены, Османа Перца, как, наконец, он, Саид, становится капитаном сборной, играет в европейских командах и бесчисленные фотографии его не сходят со страниц газет и журналов.

Воображение несло Саида все дальше и дальше, и он брел, не замечая, что разговаривает сам с собой, горячо спорит, размахивает руками, бьет ногой по невидимому мячу и радостно смеется, победно выпячивая грудь. Прохожие шарахались от него, как от безумного; мальчишки показывали пальцем и передразнивали; люди постарше глядели ему вслед с состраданием. А Саид как ни в чем не бывало шагал по улицам, переулкам, через скверы, пустынные парки и, наконец, очутился на широком многолюдном проспекте.

Был час пик. Пешеходы и автомобили загрохотали улицы.

На перекрестке остановилась голубая машина, и сидевший за рулем молодой человек, увидев Саида, повернулся к жене и сказал:

— Посмотри вон на того долговязого — это мой лицейский товарищ.

— Который?

— Белобрысый... Видишь, вон тот, что размахивает руками и будто разговаривает сам с собой, уж не рехнулся ли он? Саид! Саид-бей! — высунувшись из автомобиля, закричал он.

Но Саид ничего не слышал — наверное, даже пушечный залп не вернул бы его к действительности, как раз в этот миг он рывком ушел от защитника, обвел вратаря и под восторженный рев трибун вкатил мяч в сетку, а потом губами впился в губы Севим-ханым...

Владельца голубого автомобиля звали Рефик. Это был врач-психиатр, недавно вернувшийся из Америки после успешной стажировки. Мальчишкой он дружил с Саидом — оба учились в одном лицее, только когда Саид поступил в первый, Рефик уже перешел в последний класс.

Увидев Саида в столь плачевном состоянии, Рефик расстроился. Он рассказал жене о семье Рыжисынов, о том, как он попал к ним, чтобы давать уроки Саиду, не успевавшему ни по одному предмету, кроме математики, о тетушке Беррин-ханым, которая относилась к Саиду будто к родному сыну. Родители Рефика были людьми небогатыми, и семейство Рыжисынов не скупилось на подарки репетитору, поддерживало его и когда Рефик

поступил в институт. Дружба с Саидом длилась долго, только служба в армии да стажировка в Америке разлучили их.

Чувствуя себя виноватым и перед Саидом, и перед всеми Рыжисынами — ведь после возвращения из Америки он так и не удосужился навестить почтенное семейство, — Рефик, приехав домой, тотчас же позвонил Рыжисынам.

К телефону подошла мадам Анжела. Рефик назвал себя, но старая экономка долго не могла понять, кто с нею говорит. Когда же она наконец вспомнила Рефика, то очень обрадовалась и кинулась звать хозяйку.

— Здравствуйте, Беррин-ханымэфенди. Мне очень хотелось бы навестить вас. Если вы разрешите, я готов приехать хоть сейчас.

Рефик не сказал, что видел Саида на улице.

Получив любезное приглашение пожаловать в любое время, Рефик не стал откладывать визита, а вместе с женой отправился к Рыжисынам. Беррин-ханым была несказанно рада увидеть друга своего Саида и еще больше обрадовалась, узнав, что Рефик окончил медицинский институт, стал психиатром и стажировался в Америке. Она верила в Рефика, ведь он всегда был верным другом и заступником Саида. Конечно, он поможет ему и теперь, и тетюшка стала подробно рассказывать обо всех несчастьях, выпавших на долю ее любимого племянника, и про его любовь, и про помолвку, и про невесту, которую угораздило уже попасть в положение.

И о том, что Саид в последнее время совершенно потерял голову и не соображает, что говорит и делает. И, наконец, о последнем его намерении стать знаменитым футболистом... Она, тетюшка, понимает — всему виной беременность невесты и ее страсть к футболу и особенно футболистам, а Саид хочет понравиться будущей жене, — ведь любовь!..

— А где сейчас Саид? — спросил доктор Рефик.

— С самого утра пропал, — ответила старая женщина. — Не знаем даже, где искать... Ах, сынок, поговори ты с ним, займись им. Он тебя слушается... Ведь ты теперь такой большой ученый.

Рефик обещал и хотел было раскланяться, но Беррин-ханым упростила его остаться отобедать.

— Может, и Саид вернется, — добавила она.

Не успели гости усесться за стол — и впрямь раздались шаги и вошел Саид.

Увидев в доме Рефика, Саид удивился и чрезвычайно обрадовался.

После обеда мужчины удалились в библиотеку. Саиду не терпелось излить душу старому приятелю. Доктор внимательно слушал его, все больше убеждаясь, что перед ним очень и очень больной человек. И когда Саид страстно стал доказывать, что непременно будет

футболистом, Рефик не пытался его отговорить, лишь согласно кивал головой.

— Что ж, это не так сложно... Для начала, правда, тебе нужна закалка, потом, когда окрепнешь, займешься спортом, ну а там и футболом...

Саид даже подпрыгнул от радости.

— Ты не обманываешь?

— Ну зачем же... Приходи ко мне хоть завтра...

Нет, завтра у него деловые свидания. Важный разговор с Дюндаром Болтун-беем и Эролом Аркан-беем. А послезавтра обязательно придет.

— Значит, ты, Рефик, стал психиатром? И можешь помочь?..

И Саид поклялся, что будет следовать всем советам Друга.

ПОЧЕМУ АХМЕД СТАЛ «СТЕНОЙ», ИЛИ КАК ДЕЛАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

...Судья назначает угловой. Правый крайний нападения, Саид Рыжисын, застыл в ожидании мяча. Подача на ворота, вратарь промахивается, а Саид, выпрыгнул из толпы игроков, головой посылает мяч в правый угол, — гол... Севим кидается ему на шею...

Тетушка Беррин-ханым со страхом поглядела на Саида: тот подскочил на стуле и отчаянно боднул воздух головой. «Аллах, Аллах, да что же это с ним творится?» — подумала тетушка, но вслух ничего не сказала.

Завтрак продолжался, Саид поминутно вскакивал, размахивал руками, вертел головой и дрыгал ногами.

Беррин-ханым поднялась из-за стола и, сделав вид, что идет на кухню, остановилась в дверях и долго смотрела на племянника. «Неужто мой Саид с ума сошел? Слава Аллаху, сегодня он будет у Рефика. Спаси его, всевышний, и помилуй!...»

...Судья устанавливает мяч. Штрафной. До ворот двадцать пять метров. Стадион замер. Саид разбегается. Мяч, точно пушечное ядро, пробивает выстроившихся в стенку игроков и стремительно влетает в сетку ворот, — вратарь даже не успел шелохнуться. Стадион ревет от восторга. Севим рыдает...

Тетушка вернулась к столу, уселась на свое место и начала разливать чай, как вдруг стол качнулся, посуда зазвенела и стаканы попадали на пол.

— Го-о-ол! — завопил Саид, что есть силы ударив по ножке стола.

— Что с тобой, Саид? — не выдержала тетушка.

— Ничего! — ответил тот, удивленно глядя на тетушку. — Просто я попал в штангу...

После завтрака, когда Саид ушел к себе в кабинет, Беррин-ханым кинулась звонить Рефику. — Совсем свихнулся наш Саид, сынок... Машет в воздухе ногами-руками, только что угодил ногой по столу, — эдак и хромым можно остаться... Страшно подумать, что дальше будет? Делай, сынок, что хочешь, только спаси его! С нами Саид уже не разговаривает, одно без конца кричит: «Го-ол!» Не иначе как нечистый его попутал!..

Рефик постарался успокоить Беррин-ханымэфенди, обещал помочь Саиду, как только тот к нему явится.

Обед Саиду принесли в кабинет. Когда мадам Анжела постучала в дверь, оттуда опять донесся крик: «Го-ол» — и старая экономка, приняв этот возглас за разрешение, открыла дверь. Глазам ее представилась ужасная картина: Саид, не снимавший теплого белья даже в летнюю жару, стоял посреди кабинета в одних трусах и ногами пинал бархатную подушку; еще две подушки, уже изрядно потрепанные, валялись на полу; в воздухе носились пух и перья, клочья шерсти устилали пол. Вид у Саида был такой жалкий, что мадам Анжела, не проронив ни слова, поставила поднос тут же, на столик, и, осторожно прикрыв за собою дверь, вышла.

Старая женщина поспешила обо всем сообщить хозяйке:

— Ах, ханымэфенди, если бы вы знали, если бы вы только видели, до чего допгыгался наш Саид...

Рассказ мадам Анжелы, конечно, несколько преувеличивал истинное положение, но тетушку уже ничто не могло удивить.

Она отослала мадам на кухню, а сама поднялась к племяннику. Ей не хотелось, чтобы другие знали, что она подглядывает за ним.

Прильнув к замочной скважине, Беррин-ханым увидела, что Саид лежит на диване и тяжело дышит, уткнувшись головой в подушку; ноги его судорожно дергаются, время от времени он раздражается счастливым смехом и вопит: «Го-о-ол!»

Беррин-ханымэфенди охватило отчаяние: она не могла пойти и рассказать кому-нибудь о случившемся, ибо старые традиции стамбульской знати не позволяли ей выставлять фамильные несчастья на всеобщее обсуждение...

Когда после обеда Саид вышел из кабинета, вид у него был самый обычный.

— Тетушка, где сегодняшние газеты?

Мадам Анжела принесла ему почту, тетушка заботливо поинтересовалась, поел ли он.

— Ну конечно, — ответил Саид.

Захватив почту, он уселся в гостиной и принялся листать газеты, начиная, как большинство людей интеллигентных, с последней страницы, где вся полоса отводилась спорту.

Наткнувшись на имя Эрала Аркан-бея, он радостно крякнул, будто встретил земляка на

чужбине. Статья Эрола называлась «Способен ли «Пыль Столбом» стать чемпионом Европы?».

Спортивный комментатор считал, что ПыС может пробиться в чемпионы, если... Главное — это «если», а их набиралось предостаточно.

«Каждый день вселяет в нас новые надежды, — писал Эрол, — что «Пыль Столбом» способен стать чемпионом Европы. Правда, наши футболисты получили горький урок, проиграв со счетом 0:4 немецкой команде, которую считают одним из главных претендентов на чемпионский титул. И, несмотря на то что ПыС'у просто не повезло при жеребьевке, у команды все же остаются серьезные шансы на успех в европейском турнире. Вчерашний матч с командой клуба «Бабе» («Баб-никспортс»), которая сумела войти в третью лигу и тоже готовится к чемпионату вместе с остальными командами, закончился, как известно, вничью. Как раз эта ничья и есть лучшее подтверждение тому, что ПыС остается серьезным претендентом на звание чемпиона. Если немцы, — продолжал свои расчеты Аркан-бей, — с трудом выигравшие 4:0 у ПыС'а, проиграют венграм, наш ПыС победит с большим счетом команду Монако, а та, в свою очередь, разгромит итальянцев, и если итальянцев победят еще албанцы, а греки выиграют у англичан и французов, тогда установится то равновесие сил, при котором «Пыль Столбом» получит право еще раз встретиться с немцами. И если во втором матче, а потом и в третьем, уже на нейтральном поле, наш ПыС возьмет верх над немцами, вот тогда он безусловно выйдет в четвертьфинал. А уж если он сумеет победить другие команды, вышедшие в четвертьфинал (известно: мяч — круглый, и всяко может случиться), то ПыС окажется в полуфинале. Чтобы обеспечить игру на своем поле, нужно только победить сегодняшних чемпионов, англичан. А тогда уже с помощью Аллаха, при поддержке зрителей, айвы и фруктовой воды и в какой-то мере при содействии Ахмеда Стены наш ПыС одержит победу и выйдет в финал. И вот если к финальной встрече наши футболисты окажутся в хорошей морально-физической форме, если не случится ничего непредвиденного в ночь перед матчем, и если во время матча противник будет играть плохо, а мы хорошо, и если солнце не будет светить нам в глаза, а ветер будет дуть в спину, и если судья не будет подыгрывать нашим противникам, и если наш вратарь будет ловить мячи, а вратарь соперников пропускать их, и если наши форварды будут попадать ногой по мячу и мячом по воротам противника, именно тогда мы сможем с уверенностью сказать, что день, когда наш ПыС станет чемпионом Европы, — не за горами...»

Какая статья! Саид читал и дивился эрудиции автора, его умению угадывать будущее и

всесторонне оценивать последствия возможных событий. И в то же время у читателя оставалось смутное предчувствие недосказанности, будто автор что-то утаивал от него или даже морочил ему голову — и потому каждый понимал написанное так, как ему хотелось. Саид прочел статью раз пять, но уразуметь, что хотел сказать Аркан-бей, не смог. Конечно, в спорте Саид был абсолютным профаном, но авторитет Эрола Аркан-бея еще больше вырос в его глазах, ибо статья оказалась сложнее самой сложной математической задачи. Да, чемпионство ПыС'а было оговорено столькими «если», что пробиться через них в европейский финал было куда сложнее, чем угадать шесть цифр в «Спортлото».

Днем в дверь особняка Рыжисынов позвонил молодой человек.

— Саид-бей дома? У нас назначена встреча. Я Эрол Аркан.

Мадам Анжела пригласила его в дом и пошла доложить Саиду. Тот принял дорогого гостя, как подобает, с искренним и глубоким почтением.

— Я читал сегодня вашу статью, — сказал Саид, — и почерпнул в ней весьма много полезного для себя. Право, я потрясен широтой ваших суждений.

— Понимаешь, старина, я просто пошутил. Решил проехаться по адресу «Столбов», их претензий в мировом футболе.

«Ах вот, оказывается, в чем дело... А я-то принял все за чистую монету!» И, не желая признаться в своей оплошности, Саид ответил:

— Да, да, конечно, чертовски остроумно! Я получил такое удовольствие. Давненько я так не смеялся.

— Ну какой из нашего ПыС'а чемпион? Вылетит из европейского турнира после первой же игры у себя на поле... Потому что, старина... — И Аркан-бей пустился в подробные объяснения, потом, спохватившись, воскликнул: — Да, совсем забыл. Ведь мы должны были прийти сюда вместе с Дюндаром Болтун-беем, но он предупредил меня по телефону, что задержится и будет позже...

Дело в том, что Болтун-бей рано утром позвоню Ферфейерверкам и сказал Севим о своей встрече с Саидом, — идея сделать богатого Рыжисына почетным членом ПыС'а не давала его покоя. Вот почему он предложил Севим отправиться с ним к ее жениху.

— Как хорошо, что вы позвонили, Дюндар-бей, зашебетала Севим. — Вы так мне нужны, просто позарез. Вот и Ахмед сейчас у меня. Только вы можете сделать это дело. Я прошу вас заглянуть к нам на минутку, прежде чем поехать к Саиду. Мне обязательно надо кое-что вам сказать, это так важно...

Этим и объяснялась задержка генерального председателя ПыС'а.

Между тем до телефонного звонка Болтун-бея Севим упрашивала Ахмеда помирить ее с женихом. Конечно, она и сама понимала, что в тот вечер переборщила, но что случилось, то

случилось... А Саид словно в воду канул — не звонит, не приходит. Помирить их может лишь Ахмед, только Саиду надо дать понять, что он во всем виноват, а невеста готова его простить, если он явится с повинной. Когда же они поженятся, тогда другое дело, — тогда Севим не станет придавать никакого значения его обидам, но сначала надо все-таки пожениться...

Ахмед злился на Севим и откровенно жалел Саида, поэтому ему вовсе не хотелось быть посредником. На его счастье, явился Дюндар Болтун-бей и, узнав обо всех осложнениях в брачных делах, опечалился не на шутку: ведь если не будет свадьбы, не видать ПыС'у саидовских денежек...

— Все можно уладить просто, — подумав, сказал Дюндар Болтун-бей. — Пусть завтра Хасип-бей устроит обед или ужин. Будут родители, ты, Ахмед, я... Аркана позовем... Он, кстати, сейчас у Саида... А твоего жениха я сам притащу. За столом все и уладим... Пока Болтун-бей заезжал к Ферфейерверкам, Эрол Аркан-бей рассказывал Саиду о том, как стал спортивным обозревателем.

— Спортивный комментатор — это, понимаешь, старина, или спортсмен-неудачник, или хлюпик какой-нибудь, к спорту совсем неспособный. О чем с таким азартом и увлечением рассказывают люди? О том, чего сами никогда не делали и сделать не смогут... Вот так и у нас, старина!.. Гляди, как старички расписывают свои любовные похождения. Заслушаться можно. А почему? Да потому, что в этом деле сами уж не того... Вот и точат лясы. Так и в нашей профессии.

Саид, грешным делом, вдруг подумал про себя: выходит, ему только и быть что спортивным комментатором? Нет! Он будет футболистом!

— Мой покойный папаша, — продолжал Эрол, — очень уважал книжки. Бедняга женат был всего раз и сильно из-за этого огорчился. Коран он читал усердно, потому знал житие пророка нашего и сколько тот жен имел. «Говорят, ислам, в отличие от христианства, святых чудес не знает, — любил он повторять. — Как бы не так! Тут еле-еле с одной женой управляешься, а великий пророк наш, Мухаммед, запросто с четырьмя справлялся...» Ну ладно, старина, это к делу не относится. Так вот, отец сердился на меня, да будет земля ему пухом, за то, что я ничего не читаю. «Неуч! Осел! — ругался он. — Ничего из тебя не выйдет!» Покойный папаша мой был человек передовых взглядов, умел в корень глядеть. Лицей я, конечно, не кончил. Из-за учителей, из-за их несправедливости ко мне, так что самостоятельную жизнь мне пришлось начать рано. За что ни возьмусь, ничего не получается у меня. Ну, да тебе, старина, лучше меня это знакомо. А теперь с другой стороны взгляни. Все великие американские писатели, которых мы сейчас знаем, вроде меня брались за миллион дел, и ничего у них не получалось, и тогда они от безвыходности

начинали писать. И, понимаешь, старина, меня тоже на это дело потянуло, хотя почерк у меня отвратительный, пишу я неграмотно, да и вообще хреново знаю турецкий язык. Ну, писатель из меня не получился, зато стал я спортивным обозревателем. Начинать я в газетенке, которая еле сводила концы с концами. Вот-вот должна была прикрыться. А в тот год проводили Олимпийские игры. Каждая газета посылала на Олимпиаду по несколько собственных корреспондентов, а у моей — не на что было послать даже одного. Тогда я пошел на хитрость: разыскал в архиве фотоснимок, на котором мужчина и женщина прощально машут с самолетного трапа, мужское лицо заменил своей фотографией и тиснул на следующий день в газете с надписью: «Вопреки финансовым затруднениям, наша газета посылает на Олимпиаду собственного корреспондента. Эрол Аркан перед отлетом в аэропорту Ешилкёй».

Только тут, старина, я промашку дал: на снимке, как ка грех, на заднем плане отчетливо виднелся нью-йоркский небоскреб. Никто бы и не заметил моих художеств—не я один в географии слаб, — если бы, как назло, из американского пресс-центра не позвонили и не спросили, когда прибыла в Стамбул Мерилин Монро. Понял, старина, кто со мной рядом на трапе стоял? Еле я отбоярился от настойчивых американцев. А потом, старина, стал я публиковать свои репортажи с Олимпийских игр, честно переирая материалы из других газет. Кончилось, правда, тем, что моя газета все равно закрылась, но я успел уже приобрести кой-какую известность как спортивный обозреватель, и потому меня взяли в другую газету, более солидную.

После того как Эрол Аркан-бей кончил свою исповедь, он принялся за Дюндара Болтун-бея, дав ему весьма объективную характеристику.

— А вот Дюндар... Знаешь, старина, таких гениальных руководителей клуба, как он, днем с огнем не сыщешь. Он же прирожденный политик. Эх, не будь футбол в нашей стране в таком загоне, он, знаешь, как бы развернулся, наш Болтун-бей. Живи он в Англии, Бразилии или Испании — давно бы сэром-пэром стал. Его приверженность «Столбам» необъяснима — настоящий фанатик своего клуба. Ну, само собой, он и деньги гребет, как хозяин клуба, — тоже прохвост порядочный. Он что хочешь докажет. «Столбы», бывало, проиграют, а он так дело поставит, что, глядишь, уже ПыС в победителях числится. Ему ничего не стоит результат матча аннулировать: то упрется, что судья, дескать, подсуживал, то гол забит из офсайта, ну, и всякое разное... Болтун — старый футбольный волк. В молодости своей, а тогда игроков не хватало, Дюндар играл центром защиты в «Столбах». Любит старик Болтун об этом рассказать. Впрочем, имя Дюндара навечно вписано золотыми буквами в историю турецкого футбола. Тебе, старина, это неизвестно, но было время, когда наши футболисты носили трусы ниже колен. Так вот, Болтун-бей добился,

чтобы трусы им укоротили на семь с половиной сантиметров. Прямо заявился к генеральному директору Управления физического воспитания и говорит: «Эфенди, когда футболист бросается в атаку, в борьбе за мяч длинные трусы только мешают ему, того и гляди, запутается, как в юбке, а то и вовсе без трусов останется. Нельзя же зрителям голое место казать?» Великий борец за нравственность в нашем спорте этот Болтун-бей!.. Конечно, Эрол Аркан-бей дурачился, рассказывая свои байки. Он даже подмигивал Саиду: «Знай, мол, наших! Во, как я умею!» — но тот внимал каждому слову, все принимал за чистую монету, не слыша сарказма в веселых экспромтах Эрала.

— Понимаешь, старина, в руководстве ПыС'а кого только не было — великое множество народу, но удержался один Дюндар Болтун-бей. Если бы он захотел, то давно стал бы уже президентом или вице-президентом, а он старается держаться в тени, чтоб удобнее дела свои обделывать. Президентом же ему всегда удастся поставить какого-нибудь босса из правящей партии; не было еще случая, чтобы кандидатура, выдвинутая Дюндаром, не проходила на выборах большинством голосов. Каждое выступление Дюндар начинает словами: «Наш ПыС — лучшая футбольная команда! А почему лучшая? А потому...» — и остановить его уже невозможно. После его речи все до того дуреют, что за кого хочешь проголосуют. Ох, и великий демагог этот Дюндар Болтун-бей. Он у нас не только речи говорить умеет, но и о своих интересах не забывает. Президентами пусть другие будут, а для него — главное, чтобы клубная касса под рукой была.

Чем больше Эрол рассказывал о «Столбах», тем больше они нравились Саиду. И хотя Саид в жизни своей не видел ни одного футбольного матча, он уже болел только за «Столбов». Он готов был сделать для этого клуба любое доброе дело. Ведь еще в лице товарищи любили его за щедрость, так неужели теперь с помощью денег он не завоюет расположение ПыС'а. Лиха беда начало...

— Честно говоря, — сказал Эрол, словно читая мысли Саида, — при денежных расчетах никогда нельзя было понять, кто кому должен: ПыС — Дюндару или Дюндар — ПыС'у. Но Болтун-бей всегда умеет ладить с прессой. Если ему вдруг надо спихнуть очередного президента клуба, он делает это в два счета. Публикует в газете запрос: «На что имярек истратил сто тысяч лир?» — и поднимается невероятный переполох. Спортивные круги и пресса требуют создать специальную комиссию для проверки расходов клуба, ответить на вопрос, почему с одиннадцатью игроками в заграничное турне едет пятьдесят один сопровождающий из клубного руководства — словом, куда делись сто тысяч? Шум стоит несусветный... А деньги лежат на месте, и вообще ничего не случилось... Но пока суд да дело, почетного президента с позором изгоняют, а на его место Дюндар ставит нужного ему и, конечно, честного человека...

Саид слушал откровения спортивного комментатора и дивился, как можно, находясь в самых приятельских отношениях с Дюндаром, так вот потрошить его. Но Саида не интересовала подноготная генерального председателя ПыС'а, его занимал совсем другой вопрос.

— Аркан-бей, — перебил комментатора Саид, — как-то Болтун-бей обмолвился, что только благодаря вам Ахмед стал знаменитым. Расскажите, пожалуйста, как удалось вам это сделать?

— Помилуйте, старина, — потупив взгляд, произнес Эрол, — разве только его одного?.. Сколько таких Ахмедов вывел в люди... Сейчас в Турции не найдешь человека, который не знал бы Ахмеда Стену...

— Да, да! Даже моя тетушка и мадам Анжела знают Ахмеда Стену. А ведь они и близко к стадиону не подходили. — Он чуть было не сказал «вроде меня», но вовремя спохватился.

— Я тут как-то спросил тетушку, откуда ей известен Ахмед. «Ах, сынок, — сказала она, — кто же не знает Ахмеда? Не хочешь, да узнаешь: в газетах только о нем и пишут. Раз пропустишь, не прочтешь, другой, а потом, все равно деваться некуда, поневоле станешь читать. И фотографии Ахмеда на первых страницах печатают. Его да премьер-министра», — вот что ответила моя тетушка...

— Вроде бы нескромно себя хвалить, старина, — продолжал Эрол, — но слава футболиста — дело наших рук, это мы зажигаем звезды на спортивном небосклоне...

В душе Саида затеплилась надежда: значит, Аркан-бей может и его прославить на всю страну? Немного поможет Эрол, немного Болтун-бей и еще Рефик — так, глядишь, и станет он футболистом. Он всегда верил Рефику! Все твердят: «Какой же из тебя футболист!» Один Рефик уверенно сказал: «Конечно, а почему нет?»

Эрол начал свой рассказ о том, почему Ахмед стал Стеной.

— Как-то Дюндар Болтун-бей отправился по стране искать игроков для своей команды. Ахмед Стена тогда звался просто Ахмедом и играл в провинциальной команде третьей лиги. Руководителю ПыС'а понравилась выдержка Ахмеда, его грубая игра, сильный удар... Но команда «Столбов» тогда была полностью укомплектована, и Ахмеда некуда было брать, однако Болтун-бей сделал так, что Ахмеда пригласили играть в команду второй лиги, а через год или два Ахмед перешел в первую лигу. Теперь это был отличный футболист, и Болтун-бей не переставал повторять: «Разве я вам не говорил, что из парня выйдет толк!» Надо отдать должное Дюндару, уж если он на кого обратит внимание, то быть тому игроку в ПыС'е. А вот с Ахмедом вышла заминка: не хотел его отпускать клуб, в котором он тогда играл. Болтун-бей предложил за него сто тысяч лир, но клуб ни в какую, уперся, и все тут. Тогда Болтун-бей является ко мне и говорит: «Ты, Аркан, самый беспристрастный

комментатор и искренне симпатизируешь нашему ПыС'у. Не в службу, а в дружбу, сделай для меня одно дельце...» И стал я ходить на все матчи с участием Ахмеда, а после каждой игры писал, что тот на редкость плохо играет, — ну, сам понимаешь, старина, чтоб развенчать Ахмеда в глазах болельщиков и вывести Ахмеда из душевного равновесия... Но и после этого Ахмед не перешел в ПыС. Вот тогда-то Болтун-бей напустил на Ахмеда Севим Грифон. Она его голыми руками взяла, Коль Грифон когтями вцепится, ни за что не отпустит. Вот и получилось, с одной стороны Ахмеда газеты костят, с другой Севим присосалась, как пиявка... Как раз в это время Ахмедова команда встретила со «Столбами». Ахмед еле ноги передвигает по полю. После игры поползли слухи, что он получил деньги от ПыС'а. К слову будет сказано, что эти слухи мы сами и распустили, тут напраслину на других возводить не стану. Только после этого, старина, Ахмедовой команде ничего не оставалось, как распротиться с ним навсегда... ПыС откупил его за сто пятьдесят тысяч. Вот так все и было. Ну, уронить уронили, надо теперь поднимать обратно, Ахмеда в чувство приводить. Даю в газете статью: «Где должен играть Ахмед?» И пошел тут, старика, поток писем... Одни пишут: Ахмед должен играть в защите, другие: Ахмед — прирожденный форвард, одни советуют поставить его справа, другие — слева. Спор на весь двор... И настолько стал важен этот вопрос для граждан наших, что пришлось обсуждение его перенести с последней на первые страницы газет. А надо сказать, старина, что в то время наше правительство переживало очередной кризис в связи с тяжелым внутренним и внешним положением. Премьер-министр каждый день произносил речи, обвинял всех подряд в принадлежности к коммунистической партии, а полиция бросала граждан в тюрьму... В общем, правительственный кризис!.. А мне это вроде как бы ни к чему. Я, знай, свое твержу: «Где играть Ахмеду?» И письма все идут и идут. Даже женщины подключились: «Пусть только в середине играет» — требуют одни; «Пусть играет в песочнице, пропади он пропадом!» — пишут в сердцах другие. И вдруг в редакцию газеты пожаловал сам премьер-министр, приехал, вызывает меня и в присутствии владельца газеты и моих коллег говорит мне: «Поздравляю вас, вы великий журналист, вы оказали неоценимую услугу стране и правительству!» — обнял и расцеловал меня. А позже моему патрону, как я узнал, доверительно сказал: «Да поможет Аркану Аллах! Вовремя он подбросил нам своего Ахмеда!» Правда, в газету стали поступать и письма, где нас крыли в хвост и гриву: дескать, народ мрет от голода, в стране безработица, а вы с правительством занимаетесь каким-то Ахмедом. Мы эту писанину, конечно, переправили в полицию — это уж их дело заниматься такими авторами — и заодно выполнили свой священный долг перед родиной. В общем, не буду затягивать рассказ, старина, скажу, что скоро этот шум так всем надоел, что все в один голос завопили: «Где хочет, там пусть и играет!» Вот тогда-то мы и

спросили самого Ахмеда, где он хочет играть. Оказалось, в защите. Ну и прекрасно, пусть играет в защите, нам-то что? Но теперь уж каждый знал футболиста Ахмеда. Вот что может сделать газетчик, старина, вот откуда пошла слава Ахмеда.

— Свой первый матч за «Столбов» Ахмед должен был играть в Западной Германии, — продолжал Эрол. — В любом заграничном турне главное, чтобы ребята ночами не шлялись по кабакам да по бабам. Ну, а чтобы сохранить Ахмеда в отличной спортивной форме, чтоб он был позвоночным столбом команды, Болтун-бей предложил взять в Западную Германию и Севим. Расчет был простой, девушка сумеет удержать Ахмеда от излишеств. Я поехал с командой комментатором. Помню, игра началась, а Ахмед — ну, прямо на ногах не стоит, будто целую неделю не спал. Сонной мухой по полю ползает. Немцы в первом тайме нам пять сухих заколотили. Мы уж думали не о победе, а как бы хоть счет размочить. И вдруг будто ожил наш «позвоночный столб» — как шарахнет по мячу, красивый гол забил, редкостный даже для европейских стадионов...

— Да здравствует Ахмед Стена! — вскричал радостный Саид. — Молодчина! Размочил все-таки...

— Где там размочил, старина, — в свои ворота засадил гол. А все потому, что кто-то из немцев угодил в него мячом, а Ахмед спросонья не разобрался, в какой стороне чьи ворота, взял да послал мяч в те, которые поближе были. Но, ничего не скажешь, гол был первоклассный, вся западная пресса о нем потом писала: «Мертвый гол».

— Все равно, да пошлет Аллах Ахмеду здоровья! — воскликнул восторженный Саид.

— Что ж тут хорошего, старина? Ведь мы счет-то так и не размочили, проиграли со счетом 0:6. После первого тайма Болтун-бей сказал Ахмеду: «Ты, сынок, прошу тебя, не бей больше по мячу. Лучше бегай где-нибудь в сторонке, по краю...» А при чем тут Ахмед? Это во всем Севим виновата...

Когда Саид простодушно поинтересовался, в чем вина Севим, Эрол вдруг понял, что сболтнул лишнее, — как-никак, Севим все-таки невеста Саида.

— Ты не думай, старина, ничего плохого, — стал выкручиваться Аркан-бей. — Севим девушка что надо. Просто до самого утра она твердила ему: «Ахмед, думай о родине! Ахмед, тридцать два миллиона сердец твоих соотечественников бьются в унисон!» Знаешь, старина, бывает, что футболист переусердствует на тренировках, вот и Севим: хотела вдохновить Ахмеда на хорошую игру, да перевдохновила... Впрочем, отдадим Должное Ахмеду, он второй тайм буквально спас. Его немножко подковали немцы, так он проснулся — и давай за ними гоняться. Сорок пять минут бегал, а те от него. Потому второй тайм без голов оказался.

После игры Болтун-бей долго сетовал: «Ах, брат Аркан, переплатили мы за этого бугая —

ни куруша он не стоит». Я его попробовал утешить, мол, Ахмед второй тайм спас. А Дюндар мне говорит: «Знаешь, Аркан, кроме тебя никто из турецких журналистов не видел этой игры, вот ты и напиши, что Ахмед играл очень хорошо, стеной стоял в защите». После этого матча я и назвал Ахмеда «Стеной». Прямо так и написал: «Несмотря на проигрыш ПыС'а со счетом 0:6, команда не потеряла самообладания до конца игры. Ахмед защищал свои ворота, как стена...»

Знаешь, старина, а после того матча Ахмед стал играть даже неплохо. У него один-единственный недостаток: нестабильная спортивная форма. На излишества его тянет. Если бы не это, Ахмед мог бы стать футболистом экстра-класса: бегают быстро, играет грубо, резко. Когда ПыС выступает против ГВН, футбольное поле — что поле сражения. Вот уж где Ахмед Стена дает себе волю. Такая рубка идет!.. Всем достается: и игрокам и судьям. А потом, естественно, дисциплинарные санкции: Ахмеда дисквалифицируют. Болтун-бей мчится ко мне: «Ради Аллаха, спасай Ахмеда!» Я тут же пишу: «Итальянская команда из Палермо и одновременно испанская сборная снова, вот уже в который раз, предложили Ахмеду Стене большую сумму, если он согласится перейти к ним. В интервью нашей газете Ахмед заявил, что в этом году он намерен уехать в Италию. Переход «позвоночного столба» национальной сборной явится невосполнимой потерей... Как стало известно, руководители клуба ПыС готовы на любые жертвы, лишь бы воспрепятствовать отъезду Ахмеда Стены из Турции...» После такой статьи Ахмеду тотчас разрешают играть... Как раз в это время прибыл Дюндар Болтун-бей.

— Извините, друзья, за опоздание, — начал он, — меня задержали срочные дела в клубе. Вам известно, что в этом сезоне нам вскоре предстоит игра в Румынии, поэтому тренировки идут полным ходом.

Мадам Анжела подала чай. Она была крайне польщена тем, что их дом посетили такие знаменитости.

— А почему не пгшел Ахмед Стена? — спросила экономка.

— Его не звали, но он, конечно, пришел бы...

Саид обрадовался: коль заговорили об Ахмеде, можно заодно спросить и о Севим.

— Ах, как жалко, что вы не пришли вместе с Ахмед-беем, мы были бы так рады.

— Да, я совсем забыл, — встрепенулся Дюндар Болтун-бей, — ведь завтра Хасип-бей дает обед и просил меня передать вам приглашение, он ждет вас непременно.

— Меня? — У Саида перехватило дыхание.

— Ну, разумеется, вас. И Ахмед там будет... И Аркан-бей с нами пойдет. Обед в казино.

Саиду не терпелось узнать, будет ли там Севим, но, чтобы не выдать себя, он начал издалека:

— А достопочтенная супруга Хасип-бея окажет нам честь своим присутствием?

— Конечно. И Севим-ханым. Надеюсь, Саид-бей, вы свободны завтра вечером? Если вам завтра неудобно, то Хасип-бей готов перенести обед на другой день.

— Свободен ли я? Ну конечно, свободен! Что вы, дорогой мой, какие дела могут быть у меня завтра вечером?

Болтун-бей непринужденно перевел разговор на «Пыль Столбом».

— В Турции, — сказал он, — сотни тысяч граждан болеют за наш ПыС — старейший клуб страны. Почетными членами клуба были многие известные люди. И чтобы стать членом клуба, вовсе не обязательно самому разбираться в спорте, достаточно любить ПыС и, образно говоря, отдаться ему всем сердцем. Хотя «Пыль Столбом» — клуб профессиональный, однако в нем господствует любительский дух, которому мы и обязаны процветанием. Правда, в последнее время клуб слегка поиздержался, ибо купил несколько игроков, и испытывает некоторого рода затруднения финансового порядка. Мне думается, что осложнение это будет ликвидировано с помощью истинных ценителей ПыС'а...

Саид слушал с замиранием сердца. И тут Дюндар Болтун-бей сказал как раз то, чего ждал Саид:

— Если у вас есть желание, Саид-бей, вы всегда можете стать почетным членом нашего ПыС'а...

— О! Неужели я достоин такой чести? — ответил Саид дрожащим голосом.

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОАНАЛИЗ

Саид был счастлив! Утром он побывает у Рефика, от него отправится на обед к Ферфейерверкам и опять увидит Севим. Никогда! Никогда больше он не заставит ее нервничать...

Жена доктора сердечно встретила лицейского товарища мужа. Саид был приятно удивлен и обрадован, увидев квартиру приятеля со всеми атрибутами состоятельности и достатка, — он хорошо помнил, в какой бедности прошла юность Рефика. Саид еще не знал, что Рефик стал известным психиатром, преподавал в университете, являлся членом многих международных научных обществ, а в Америке успел прославиться как специалист в области психотерапии.

Во время завтрака Рефик незаметно наблюдал за Саидом; от опытного взгляда врача ничего не ускользало: перед ним сидел психически нездоровый человек, которого следует

немедленно спасти!..

После кофе мужчины перешли в кабинет доктора. Саид смотрел на друга с надеждой. Ведь кому бы он ни говорил о своем горячем желании стать футболистом, все только смеялись; «Какой из тебя, глиста несчастная, футболист?!», «Где тебе, очкарику, мяч разглядеть?!», «Кто это на старости лет в футбол начинает гонять?» — словом, насмешкам не было конца. И только Рефик принял слова Саида всерьез. И чем больше знакомые смеялись над Саидом, тем нестерпимее была эта мечта, это стремление побороть свою немощь, свою робость, эта жажда доказать, что и он может быть как все!..

И потому, наверное, Саид ждал от Рефика поддержки, совета, помощи, — друг всегда выручал его еще в лицейские годы.

— Так ты думаешь, я действительно смогу играть в футбол?

— Разумеется...

— Ты не издеваешься надо мной, Рефик?

— Я когда-нибудь издевался над тобой?

— Нет. Но я такой тощий, слабый. Мне и мяч-то не догнать.

— Я говорю как врач: догонишь и ударишь...

— Нет, не смогу. Я ничего не вижу даже в солнечный день...

— Ну ладно, не будем спорить. Скажу одно: если захочешь, то станешь прекрасным футболистом. Главное, это желание. Конечно, все произойдет не сразу. Сейчас ты физически к этому не подготовлен... Я займусь твоим лечением... Ты окрепнешь, станешь хорошо видеть. Все будет, только надо верить в себя, в свои силы, свои возможности... Рефик говорил, а сам мучительно пытался понять душевное состояние своего друга, какие центры поразила болезнь... Ведь он не мог и не хотел выспрашивать у него так, как это сделал бы с настоящим душевнобольным... Прибегнуть к гипнозу? Но лечение гипнозом требует, чтобы больной знал о своей болезни... Пусть Саид думает, что его лечат от физического истощения, от близорукости.

Они заговорили о психотерапии: Рефик рассказал о гипнозе. Саид с интересом слушал его, не веря, что человек может уснуть от внушения.

— Как интересно... Нет, меня тебе не усыпить. На меня снотворное и то не действует... А тут от слов или взгляда?.. Это все разговоры для простачков. Ты же знаешь, я не из их числа...

Рефик сказал, что не поддаются гипнозу лишь люди с сильной волей.

— Не знаю, какая у меня там воля, но меня никто не усыпит!

Пока Рефик думал о том, как ему поступить с Саидом, тот начал позевывать, ласковая дремота охватывала его от дружеского голоса доктора, мягкого света, обилия цветов, от

всего убранства кабинета, который напоминал скорее детскую, чем врачебный кабинет. Всю ночь Саид носился во сне по футбольному полю, забивал голы, пасовал. А здесь он забыл обо всем, пришло успокоение, он откинулся на спинку дивана, веки его отяжелели... К Рефику явился пациент, и доктор, извинившись перед другом, перешел в соседнюю комнату, чтобы провести там сеанс гипноза.

— Сейчас вы будете спать, — начал доктор. — Спать!.. Спать!.. Я начинаю счет, а вы повторяете про себя одну только фразу: «Все хорошо, все идет хорошо...» Раз... два... три... Внезапно раздался храп. Рефик удивленно поглядел на пациента, тот на врача. Храп несся из соседней комнаты, где уснул Саид. Доктору пришлось отменить сеанс и отпустить больного.

Рефик вернулся в кабинет, поглядел на сладко спящего Саида и, усевшись против него в кресле, стал задавать ему вопросы. Саид охотно отвечал, и со стороны можно было подумать, что два старых друга ведут беседу.

То, о чем говорил Саид, были воспоминания детства, — он не любил вспоминать о нем, тем более рассказывать кому-либо. И если картины детских лет вдруг возникали в его памяти, он гнал прочь эти страшные тени прошлого.

Особняк старинного рода Шафран-заде, доставшийся Саиду Рыжисыну, был некогда многолюден. Почти в каждой комнате — а их здесь было превеликое множество, — не таясь от посторонних глаз, тешились парочки. Распущенность, разврат, содомский грех гнездились чуть не в каждом уголке этого дома. И маленький Саид, с тех пор как он помнил себя, бродил по дому, стыдясь происходящего и в тоже время подглядывая в замочные скважины. Больше всего его страшили забавы собственной маменьки. Для своих лет маленький Саид знал, пожалуй, слишком много и, воспитанный в таком окружении, вырос скрытным, застенчивым и, в общем-то, больным человеком.

Он рассказал Рефику о своих приключениях в Париже, Конечно, он знал о всех проделках Мадлен, но не подавал вида — больно ему хотелось хоть раз в жизни прикоснуться к женскому телу... Почти то же самое происходит и теперь в его отношениях с Севим. Разумеется, он понимает, что все это вздор с его мнимым отцовством, однако терпит, старается не слышать насмешек за своей спиной, изображает из себя глупца — ведь ему так хочется хоть раз в жизни стать отцом...

Саид исповедовался, Рефик задавал вопросы, внимательно слушал и делал какие-то пометки в блокноте. Времени прошло уже достаточно, а Саид все не просыпался. Рефик успел принять еще одного больного, почитать книгу, поговорить по телефону.

Проснулся Саид только под вечер. Он сладко зевнул, потянулся, огляделся, не в силах понять, где находится.

— Я спал? — спросил Саид, увидев Рефика.

— Да, — доктор посмотрел на часы, — ты проспал два с половиной часа...

Саид подскочил.

— Неужели я опоздал?

— Куда?

— Хасип-бей пригласил меня на обед...

— Ничего, еще успеешь.

— А осмотр? Разве ты не будешь меня осматривать?

— Мне с тобой в общем-то делать нечего. Приходи просто так, поболтаем, вспомним лицей.

— А лечение?

— Об этом не беспокойся. Лечить тебя будет другой врач. Я отведу тебя к своему хорошему товарищу, он и займется тобой.

Саид поблагодарил друга и, уходя, спросил еще раз:

— Значит, по-твоему, я смогу играть в футбол?

— Если очень захочешь, конечно! Поглядим, что скажет мой товарищ, когда тебя осмотрит.

Саид хитро засмеялся.

— А все-таки я сам заснул. Твое искусство оказалось ни к чему. Зря потратил ты время в своей Америке. До встречи!

— Счастливо!

Когда он ушел, Рефик еще долго думал о нем. Странное существо этот Саид. Никак не поймешь, говорит ли он всерьез или шутит. Какие-то глупые бредни с этим футболом. То хочет стать футболистом, то уговаривает себя и других, что не может. А рассказ о детстве, страшный, словно кошмар. Сколько может скопиться в человеческой душе грязи... А вдруг этот сон лишь притворство, лишь повод, чтобы выплеснуть на постороннего все, что не в силах уже сдерживать в себе? Конечно, Саид не очень здоров...

Саид тем временем сел в машину и помчался домой. До званого обеда времени было еще достаточно. Он принял ванну и почувствовал себя бодрым, как никогда, будто заново родился.

Давно у него не было такого прекрасного настроения.

Он галантно поцеловал тетушку, мадам Анжелу и вышел из дома, весело насвистывая.

Беррин-ханымэфенди, воспитанная в старых обычаях, терпеть не могла подобных нежностей и поцелуй племянника восприняла как еще одно доказательство его ненормальности.

ОБЕД В ЧЕСТЬ ПРИМИРЕНИЯ

Еще накануне семейство Ферфейерверков и другие заинтересованные стороны долго обсуждали вопрос о том, где лучше всего устроить обед. Мехджуре-ханым предлагала отобедать дома — нет, она вовсе не была скрягой, — просто она считала: «Раз он хочет стать нашим зятем, сами видите, как он сохнет по Севим, то ему приятнее посидеть у нас дома». Ахмеду хотелось как следует кутнуть, и он предложил отправиться в казино, где играют настоящую музыку и поют турецкие песни. Севим, которой были, конечно, известны вкусы своего жениха, уверяла, что он любит только джаз, и потому надо идти в европейский ресторан. Хасип-бей на этот счет мнения не имел и в споре поэтому участия не принимал.

— Предоставьте все мне, — привычно взял бразды правления в свои руки Дюндар Болтун-бей. — Обед затевается совсем не во имя чревоугодия. Нам предстоит помирить молодых людей. Поэтому, во-первых, надо, чтобы вино и раки лились рекой, а во-вторых, как следует подкачать Саид-бея так, чтобы у него развязался язык. Мы должны наконец выяснить его истинные намерения... Поверьте мне, господа, раки пьются легче всего под звуки саза...

Так был решен вопрос в пользу казино.

Утром Саид послал невесте корзину цветов, а вечером явился сам, увешанный подарками для всего семейства.

— А все-таки он у нас парень не жадный, — заметила наблюдательная Мехджуре-ханым. Вид жениха выражал крайнюю степень смущения и глубокого раскаяния. Подойдя к руке невесты, он даже не поднял головы, боясь взглянуть в лицо возлюбленной. Севим же, напротив, делала вид, что давно забыла о неприятном инциденте, и громко смеялась.

— Перестань ржать, — сквозь зубы пробурчал Ахмед. — А то потом реветь начнешь, знаю я тебя.

В казино отправились в машине Дюндара Болтун-бея. Ахмед сел впереди, остальные разместились на заднем сиденье. Саид с Севим уселись между четой Ферфейерверков, которых никак нельзя было назвать худенькими, поэтому молодым пришлось тесно прижаться друг к другу. И Саид, пьяный от счастья, молил Аллаха: «Сделай, чтобы машина так и катила всю жизнь без остановки...»

Дюндар Болтун-бей заранее позвонил хозяину казино и попросил оставить для них стол. Поскольку был он человеком известным, их усадили у всех на виду, перед самой эстрадой,

— такого почета не оказывали даже видным политическим деятелям.

И вот наконец обед начался. Все сидят за столом, который ломится от яств, и в какой раз поднимают бокалы за счастье жениха и невесты... Саид впервые попал в казино.

Предположение Болтун-бея оправдалось: жених пил столько, сколько ему наливали, и потому быстро охмелел.

Повернувшись к Ахмеду, Саид говорил без умолку. То ли от притворства, то ли под действием выпитого, Севим вдруг прижалась к Саиду, а он продолжал говорить, не обращая внимания на невесту. Тогда мамаша стала поучать Севим:

— Доченька, ты слишком балуешь его. Мужчинам нельзя доверять. Даже самый неказистый и тот может себя бог знает кем вообразить, особенно когда видит, что женщина сама к нему льнет...

— Ах, мама, — перебила ее Севим. — Он даже собственного носа не видит.

— Таких, которые собственного носа не видят, — продолжала многоопытная Мехджуре-ханым, — и следует больше всего опасаться... Им обмануть бедную девушку ничего не стоит! Честно говоря, мне твой жених не внушает доверия... Впрочем, поживем—увидим. Будем надеяться, что все кончится свадьбой.

Наконец Саид повернулся к невесте и нежно взял ее за руку:

— Я хочу вам признаться, Севим-ханым... Я хочу сказать об очень важном...

— Говори, не стесняйся! — подбодрила его Севим. Для храбрости Саид отпил еще глоточек вина и вдруг выпалил:

— Я стану футболистом... Чтобы быть достойным вашей любви! Я дал слово, что научусь играть в футбол!

Севим расхохоталась.

— Ты хоть раз в жизни ударил по мячу?

— Да... Однажды... в лицее... Ребята организовали две команды неумеек и взяли меня. Я хотел сбежать, но они меня поймали.

— И ты играл?

— Еще как! Я забил пять голов! Севим была поражена.

— Ну и умора!.. А почему ты бросил играть?

— Почему? Потому, что игра не кончилась, а меня так отдубасили...

— Кто? Другая команда?

— Нет.

— Мальчишки-болельщики?

— Нет.

— Судья?

— Да нет! Ребята из моей команды.

— За что же тебя свои били? — смеясь, спросила Севим.

— Как за что? За пять голов!

— О г зависти?

— Нет, Севим-ханым, все пять голов я забил в собственные ворота. Солнце палило вовсю, и мяча я не видел, а от беготни по полю совсем ошалел. Если бы мне не мешали, я бы и в другие ворота забивал. Но ведь за мной все время бегали. Куда я с мячом, туда и они. К каким воротам удавалось подбежать, в такие и бил... И как назло, все пять раз передо мной оказывались свои ворота.

— Значит, в свои забивал? — Севим покатывалась от хохота.

— Я не нарочно! Когда все бегают и орут, нет времени спросить у вратаря, чьи это ворота... От вина, а может быть, от того, что выпался у врача, Саид был необычно оживлен и даже незаметно для себя стал называть Севим «любимой» и на «ты».

— Любимая, я непременно стану футболистом, чтобы быть достойным твоей любви! Многие мужчины называли Севим «любимая моя», и она считала это естественным, но от слов жениха ей стало не по себе.

— У меня к тебе просьба, — вдруг сказал Саид.

— Иу? — насторожилась Севим.

— В газетах печатают объявления, дескать, такой-то дает там-то уроки современного или классического танца...

— Ты собираешься учиться танцам?

— Нет, я хочу учиться на футболиста... Мне нужен преподаватель футбола. Если такие есть, ты их наверняка знаешь, любимая моя...

Севим перестала смеяться, ей вдруг захотелось посмотреть этому человеку в глаза — действительно он так глуп или же морочит ей голову, издевается над ней, над всем миром? Неужели мать права, и этот человек способен одурачить ее... Ее, Севим Грифон, которая прошла огонь, воду и медные трубы!.. Неужели он хочет обвести ее вокруг пальца? Нет, не бывать этому!.. Если только он не дьявол! И Севим Грифон стало страшно...

— Саид, сними очки! — скомандовала она Саиду.

— Севим-ханым, я вас тогда не увижу... Я не могу...

— Сними, сними, говорю! — Голос ее дрожал.

— Хорошо... Прошу прощения, но когда я без очков, я чувствую себя так, будто нагишом стою посреди площади... Сколько я себя помню, я всегда был в очках, мне кажется, я родился в них.

Саид снял очки. Севим увидела два крохотных зрачка. Казалось, на нее смотрят глаза

слепца. Такой простофиля если и может кого обмануть, то только себя...

— Надень очки! Да побыстрей!.. — сказала она и отвернулась.

Никто толком не понял, что произошло между невестой и женихом, только Дюндар Болтун-бей почувствовал перемену в атмосфере вечера. Быстро наполнив бокалы, он громко воскликнул:

— За счастье!

Саид уже еле ворочал языком — сегодня он выпил, пожалуй, больше, чем на собственной помолвке...

— Я вообще такой человек, — произнес он, с трудом выговаривая слова. — Я вообще ничего не хочу... Но уж если захочу, обязательно добьюсь... И футболистом буду!.. Захотел стать математиком и стал!..

— Опять ты со своей арифметикой... Что ты с ней носишься как курица с яйцом? — перебила его Севим.

— Математика... Арифметика... — бормотал он. — Арифметика — наука всех наук... Я не позволю, чтоб при мне!..

— Замолчи, ради Аллаха, у меня голова распухла...

— Не буду, не буду... О любимая моя! Найдите, прошу, мне учителя по футболу, — опять стал умолять Саид, — я буду заниматься... Вот увидите...

— Да не бывает футбольных учителей. Но Саид твердил свое:

— Нет, вы знаете, Севим-ханым, знаете... Мне Аркан-бей говорил, что нашего Ахмеда именуют не иначе как «профессором футбола». Попросите, чтобы он меня учил. Он согласится. Я хорошо заплачу...

Севим повернулась к Ахмеду:

— Ради Аллаха, избавь меня от него, этот тип совсем задурил мне голову...

Она пересела к Ахмеду, а Дюндар Болтун-бей и Эрол, усадив Саида между собой, стали наперебой посвящать его в планы ПыС'а.

— Впереди у нас главная встреча с румынами, — говорил Болтун-бей. — В Бухаресте через два месяца Севим-ханым собирается поехать с нами. Она едет, чтобы поддержать моральный дух лучшей турецкой команды. Может, и вы составите нам компанию?

Слова Болтун-бея вдруг взволновали Саида — вот что значит выпить лишнего. Не зря в народе говорят, что спиртное лучше в бутылке держать!

— Это еще что за новости? — возмутился жених. — Севим моя невеста, а едет с ПыС'ом в Бухарест?

Сообразительный Аркан-бей поспешил налить бокалы и провозгласить тост:

— За счастье невесты и жениха! Но Саид уже не хотел пить...

На эстраду казино поднялся певец в красной рубашке и запел песню, которую Саид никогда не слышал.

Ты в моем сердце одна,
Нет мне покоя и сна,
Нет мне к любимой пути,
Значит, не любит она.
Стань моим солнцем в ночи.
Рану в груди залечи.
Дай до тебя добрести,
Участь мою облегчи!..

Песня словно пронзила сердце Саида, — это о его любви сложили песню. На эстраде давно уже звучали другие слова, а Саид все еще продолжал твердить:

— «Ты в моем сердце одна, нет мне покоя и сна...» — И перед его взором была любимая Севим!..

Жениха, кажется, развезло.

— «Стань моим солнцем в ночи, — шептали губы Саида. — Рану в груди залечи...» Вот увидите... — неожиданно громко сказал Саид. — Доктор мне сказал... Я буду футболистом!.. Звездой!.. Великим футболистом... Королем!..

И он опять запел:

— «Нет мне к любимой пути, значит, не любит она...»

Необычное поведение жениха поразило Севим. Она даже подумала: «Неужто у Аллаха не хватило времени сотворить его чуть привлекательней?..»

Из казино вся компания выбралась далеко за полночь. Дюндар Болтун-бей предложил отправиться на Босфор.

— Не будем набиваться в одну машину! Как селедки... Пусть наши, так сказать, молодые берут такси и едут за нами...

Так и сделали. Саид, сидя рядом с Севим, все еще бормотал слова песенки: «Ты в моем сердце одна, нет мне покоя и сна...» — и слезы текли по его щекам.

— Почему ты не купишь машину? — вдруг спросила Севим.

— Машину?.. Не знаю... А кто будет ее водить? Мне нельзя.

— Я!

— А правда, почему бы не купить? Чего же ты раньше не просила, любимая моя?

Севим серьезно посмотрела на него.

— Ты обещаешь купить, Саид?

— Конечно, раз ты хочешь...

Севим стала гладить его по голове, как маленького... Саид опять всплакнул. Из-за чего? «Нет мне к любимой пути, значит, не любит она...» Севим поцеловала его.

— Когда?

Саид не понял.

— Что когда?

— Когда купишь?

— Сегодня!.. «Дай до тебя добрести, участь мою облегчи!..»

Возвращаясь с Босфора домой, Севим сказала матери, что Саид покупает ей машину, и решительно произнесла:

— За такой подарок мы должны оставить его ночевать.

Родители начали дружно возражать, поминая без конца о нравственности, морали, приличии, но Севим твердила свое:

— Ну что в этом плохого? Как будто мои ребята никогда у нас не оставались?

— Ребята — дело одно, жених — совсем другое... Даже Ахмед был на ее стороне. И конечно, вышло

так, как хотела Севим... Ахмед с Эролом волоком втащили Саида по лестнице и уложили на диван... Супруги Ферфейерверки просили, чтобы Ахмед на всякий случай остался. Но Ахмед был на этот раз неумолим.

Саид проснулся рано. Все еще спали. Он сел на диване, не в состоянии сообразить, где находится. Без очков он ничего не видел, долго шарил вокруг себя, наконец нащупал очки на полу и, обретя зрение, встал, оделся и тихонько, чтобы никого не разбудить, открыл дверь и вышел на улицу.

Когда через некоторое время Саид предстал перед тетушкой, он все еще еле держался на ногах. Пораженная Беррин-ханым, увидев пьяного племянника, громко вскрикнула и чуть было не лишилась чувств.

ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

Отныне Севим, Ахмед и Саид стали частенько появляться вместе — их даже окрестили «святой троицей», благо был «отец», был «дух» и кому-то досталась роль «сына», — обо всем этом пресса не замедлила сообщить в разделе светской хроники. Следует добавить,

что большую часть времени Севим посвящала Ахмеду, но не забывала и Саида, если надо было идти куда-то, где надлежало платить деньги.

В доме Ферфейерверков в последнее время возникли разногласия между дочерью и матерью, даже нечто вроде ссоры, ибо Севим упрекала Мехджуре-ханым зато, что та будто бы намеренно оттягивает день свадьбы. Саид буквально лезет из кожи вон, чтобы ускорить свадьбу, полагая, видимо, что после этого Севим будет принадлежать только ему одному. (Ахмед в расчет не идет, все-таки ближайший родственник.) Она же, Севим, спешит совсем по другой причине: как только они переберутся в свой новый дом, она наконец-то станет свободной женщиной и, самое главное, избавится, слава Аллаху, от родительского ока — шагу не дают ступить, от такой опеки кто угодно потеряет душевное равновесие. Севим топала ногами и кричала матери:

— Хочу, чтобы свадьба была немедленно! Что ты морочишь голову моему типу (дома она всегда называла Саида «тип»). Просила его купить дом, он купил; тебе не понравилась улица, он купил дом на другой улице; ты заявила, что дом мал, он купил побольше; когда ты сказала, что дом велик, он купил поменьше... Он купил мебель, обставил все комнаты, и теперь, когда все готово, ты талдычишь свое: то гарнитур в столовой слишком светел, то клеенка в кухне, наоборот, слишком темна... Кончится это когда-нибудь или нет?

Мать не оставалась в долгу:

— Ты что, совсем рехнулась? Уж не влюблена ли ты в этого растяпу? Успеешь замуж, не лопнешь!

— Уже лопнула! Вы кого угодно угробите! Я больше так жить не желаю! Хочу замуж!.. Ко мне в дом никого не пускают, меня из дома не выпускают! Подумать только: не могу сходить на стадион своих мальчиков посмотреть. Для этого, видите ли, надо сначала замуж выйти... Вот и отдайте меня замуж!..

— Ты, дочь моя, никак, спятила! — кричала мама. — Хочешь опозорить уважаемую семью Ферфейерверков? Могу ли я, Мехджуре-ханым, вот так, за здорово живешь, отпустить свою единственную доченьку неизвестно куда?.. Не волнуйся, он в конце концов купит такой дом, какой захочу я, и обставит его такой мебелью, какая нравится мне!.. А ты, радость моя, столько времени терпела, что можешь и еще потерпеть...

Как раз в тот момент, когда Севим завизжала: «Не желаете-а-аю!» — раздался звонок, — пришел Ахмед. Перепалка продолжалась.

— Коли так, пусть мой тип не приходит ко мне! Не желаю его видеть! Раз никто не может ко мне приходиться, пусть и его ноги здесь не будет! Как увижу его рожу, у меня сердцебиение сразу начинается...

Горничная открыла дверь в гостиную. Увидев на пороге Ахмеда, Севим бросилась к нему,

ища спасения.

— Ахмед, миленький, ну, скажи ты ей... Ахмед прервал ее:

— Ты так визжишь, что на улице слышно. Севим залилась слезами и стала оправдываться:

— Я прошу поскорее устроить свадьбу, а мама каждый день придумывает что-нибудь новое.

Мой тип однажды уже оклеил весь дом, так маме, видишь ли, не понравились цветы на обоях. Можно подумать, что она всю жизнь только и жила в доме с обоями. Что сделал мой тип? Содрал и оклеил новыми. Ну, скажи, Ахмед, разве я не права?.. Мой тип обещал к свадьбе купить машину. Так чего же мы ждем?

— Так бы и сказала, что тебе не терпится получить машину!

Мехджуре-ханым упорно стояла на своем, руководствуясь собственными убеждениями — пусть Рыжисыны поймут, что Ферфейерверков не проведешь и задешево не купишь...

В самый разгар семейной баталии явился жених с коробкой засахаренных каштанов.

«Святая троица» оказалась в сборе, однако не успевшая еще остыть после перепалки Севим встретила жениха холоднее, чем обычно.

Подали кофе. Саид, учтиво осведомившись о здоровье, сообщил, что меблировка нового дома окончена, и пригласил Мехджуре-ханым осмотреть новое гнездышко. Та с безразличным видом кивнула головой.

— Хорошо, как-нибудь постараюсь заглянуть. Севим побледнела от гнева. Испуганная мамаша,

боясь новой ссоры, поспешила покинуть гостиную.

Ахмед поудобнее устроился в кресле и стал рассказывать про клубные новости:

— Наш новый тренер Томпсон прямо ненормальный. Только и слышим: «Помните о дыхании!.. Помните о дыхании...» Гонял нас полдня по полю, будто собак дрессированных, мы то прыгали, то скакали, то стометровку бегали. И после этого еще двустороннюю игру затеял... Ну, не мерзавец ли! Кто же такое выдержит? Ей-богу, у меня ноги отваливаются.

— Даруй Аллах силу твоим ножкам, дорогой!

— Спасибо, дорогая.

Сочтя свое долгое молчание невежливым, Саид поспешил вступить в разговор и вполне невинно задал вопрос, о последствии которого даже не подозревал, иначе, наверное, смолчал бы.

— Ахмед-бей, а какая у вас основная профессия? Знаменитый защитник ПыС'а ужасно возмутился,

Саиду показалось, что у Ахмеда даже дернулась левая нога.

— Что? Профессия? И еще основная? Ты что, не знаешь, что я в основном составе играю? Я футболист. Звезда! Понял?!

Наивный математик, не знавший, что такое труд, никогда не думал, что можно заработать на жизнь, бегая с мячом по полю.

— Извините... Не имел понятия... Но только... Вы разве только все время играете?.. И больше ничего?..»

Подобное непонимание вывело Ахмеда из себя.

— По-твоему, этого мало? Аллах, Аллах! Послушай, братец, ты что, с луны свалился? Я тебе однажды подробно объяснял, кто я такой и что обо мне в газетах пишут. Ну и ну!.. Вот уж достался нам друг-приятель! Довел меня до белого каления...

— Что же, футбол, по-твоему, не профессия? Спроси на улице первого встречного, кто такой Ахмед Стена! — возмутилась Севим.

— Я... Я совсем не то хотел спросить... — залепетал перепуганный Саид.

— Тысячу человек о нем спроси, — продолжала Севим, — и все, как один, расскажут тебе о его жизни в мельчайших подробностях. А потом спроси про какого-нибудь министра, и все тебе будет понятно!

— Ну, что на это скажешь, братец? — осведомился довольный столь энергичной поддержкой Ахмед.

Из беды выручила жениха Мехджуре-ханым, которая пригласила спорящих к обеду. Саид извинился, что не может отобедать в приятном обществе, и отправился на прием к Рефику.

После всестороннего, затянувшегося на целую неделю медицинского обследования доктор Рефик и его друг профессор пришли к заключению, что у пациента неблагополучно с железами внутренней секреции. Да, нелады и с поджелудочной. Отсюда все беды Саида: и неправильное развитие, и физическая слабость, и плохое зрение, нездоровый цвет кожи, отсутствие растительности на лице. Установив диагноз, профессор любезно согласился лечить Саида...

Болезни наследника рода Рыжисынов проистекали от неправильного кормления, в первую очередь от однообразия пищи. Саид сроду не ел мяса и яиц. Сразу после рождения младенца отняли от материнской груди, а у кормилицы не могло быть молока просто потому, что она никогда не рожала, — в дом Шафран-заде под видом кормилицы проникла какая-то кумушка, которой очень хотелось убедиться в правдивости многочисленных слухов, ходивших по Стамбулу, о вельможном семействе. Кончилось тем, что Саиду так и не удалось узнать вкуса материнского молока. Одним словом, если бы не тетушка Беррин-ханымэфенди, Саид приказал бы долго жить. Вместо того, чтобы разводить кошек, как это принято у богатых незамужних дам, тетушка посвятила свою жизнь племяннику, выкормила его обыкновенным коровьим молоком, выходила его, спасая от бесконечных

болезней.

Все началось однажды летом, когда младенец Саид заболел дизентерией. Его с трудом спасли, но остановиться он уже не мог и переболел всеми детскими болезнями, которые перечислены в медицинских справочниках. Отечественная наука до сих пор не раскрыла этот медицинский феномен! Как он умудрился выжить и даже вырасти до ста восьмидесяти четырех сантиметров?..

Родовой особняк Рыжисынов был настоящим караван-сараем, проходным двором, Содомом и Гоморрой. Невозможно было понять, кто в нем живет, кто пришел просто в гости, кто с кем состоит в родстве и каком именно. Саид рос избалованным, капризным ребенком, и кормление младенца стало излюбленным развлечением взрослых представителей рода Шафран-заде — Рыжисынов. Весь дом начинал ходить ходуном: дипломаты в отставке прыгали на одной ноге, старики кукарекали, женщины исполняли танец живота, все хлопали в ладоши и хором приговаривали: «Ешь, птенчик наш, кушай, Саид-паша!» Можно было подумать, что все эти игры и пляски устраивались не для того, чтобы заставить Саида есть, а для собственного удовольствия и увеселения.

С раннего детства Саид жил в вечном страхе, боялся всех, кроме тетушки Беррин-ханым. Полугодовалого ребенка насмерть испугала нянька; подойдя к его постели и увидев гримаску на лице крошечного Саида, она вдруг закричала, словно зарезанная: «А-а-а! Слава Аллаху, наш паша засмеялся! Идите сюда, наш Саид-паша улыбается!» Сбежались все обитатели дома, окружили кроватку и так истошно загалдели, что младенец в тот же день серьезно заболел. После этого он начинал кричать благим матом, как только к нему приближался кто-нибудь, кроме тетушки.

Подробности детских лет Саида, рассказанные тетушкой Беррин-ханым, помогли профессору и Рефику определить характер заболевания и назначить соответствующий курс лечения. Профессор считал, что после первого курса лечения Саиду следует поехать в Америку в институт, где лечат новейшими методами. Уговорить Саида поехать в Америку без Севим было невозможно — это доктор Рефик понимал и, начав свой курс гипноза, стал внушать больному жениху, что тот станет известным футболистом, что ему надо лечиться и для этого следует отправиться в Америку без невесты, иначе проку от лечения не будет... Каждый раз, входя в кабинет Рефика, Саид чувствовал, как у него сразу тяжелеют веки, слипаются глаза, он с трудом добирался до дивана, не забывая при этом с вызовом сказать: «Я не верю, что можно заснуть от простого внушения», — и тут же засыпал мертвецким сном. На Саида магически действовали любые цифры, — ведь больных усыпляют с помощью счета, — так он заснул однажды, когда Рефик спрашивал у жены номер телефона кого-то из знакомых.

Верный друг Рефик беседовал со спящим Саидом о прошлом, говорил ему о будущем. После каждого сеанса Саид уходил бодрый, веселый, словно сбросив с себя тяжкий груз. Как-то раз, перед визитом к Рефику, Саид уселся за обеденный стол и ждал, когда мадам Анжела подаст ему обед. Тетушки не было дома. Прошло пять минут, десять, потом и все полчаса, а мадам Анжела все не появлялась. Боясь опоздать к Рефику, Саид отправился на кухню: мадам Анжела, нацепив на нос очки, с увлечением читала газету.

— Что случилось, мадам Анжела? Я жду уже бог весть сколько времени!

— Сейчас иду, мой паша... Обед подогрывается... Вот только дочитаю... Пго Ахмед-бея пишут, котогый к нам пгиходил... Очень интересно, мой паша... Никак не могут гешить, бгать его в Румынию или не бгать... Ведь его лишили пгава участия на две иггы...

Дочитав статью про Ахмеда, мадам Анжела подала обед. Когда пришла тетушка, Саид просматривал первую страницу газеты.

«Смена в правительстве», — прочел он огромный заголовок.

— Что ты говоришь, сын мой? — отозвалась Беррин-ханым.

— Говорю, смена в правительстве. Министр просвещения теперь будет министром юстиции, а министр юстиции — министром просвещения.

— А кто сейчас министр юстиции и министр просвещения? — спросила тетушка.

Саиду вспомнились слова Севим о том, что любой на улице запросто расскажет жизнь Ахмеда, но не назовет фамилии ни одного министра... Да, Севим, пожалуй, права. Ни мадам Анжела, ни его тетушка не знают имен министров в правительстве, зато прекрасно осведомлены, кто такой Ахмед Стена и чем знаменита его левая.

Мадам Анжела живо пересказала Беррии-ханым, что утренняя пресса писала об Ахмеди. Женщины заспорили о справедливости дисциплинарных санкций в отношении защитника ПыС'а.

— Аллах, Аллах, тетушка, неужели и вы интересуетесь Ахмедом? В вашем-то возрасте, — удивился племянник.

— Что значит, в моем возрасте? Я всем интересуюсь, сын мой! Ты занялся своей математикой и света из-за нее не видишь. Как же можно быть турком и не знать Ахмеда Стену? А Осман Перец знаешь кто?

— Вы хоть раз были на стадионе? — спросил племянник.

— Была или не была, какая разница! Я не могу не знать того, что знают все!..

— Почему?

— Да потому, что каждый день в любой газете натыкаешься на портрет этого Ахмеда или на статью о нем... Хочешь не хочешь — будешь знать...

После обеда Саид вышел из дома, взял такси и поехал к Рефику. Начался дождь. На

остановках мокли люди в ожидании автобусов. Саиду стало неловко, что он едет один в машине.

— Может, посадите кого? — сказал он шоферу. — Я не стану возражать...

Шофер затормозил, и тотчас же набилась полная машина. Рядом с Саидом уселась женщина с мальчиком и пожилой мужчина, около шофера — девушка и еще одна женщина. Пассажиры принялись проклинать муниципалитет, который не может обеспечить город транспортом, заставляет людей изнывать в ожидании автобусов, да еще в такую погоду, как сегодня...

Мужчина обратился к шоферу:

— Скажи, приятель, а кто у нас нынче председатель муниципалитета?

— Что он мне, сосед или приятель, чтобы я знал его!

— Разве муниципалитет виноват? — вмешалась женщина, сидевшая впереди. — О чем правительство думает? Почему не строит дороги? Какой из министров этим занимается?

— Министр внутренних дел или министр коммунального хозяйства, — вставила слово девушка.

— А кто у нас министр коммунального хозяйства? — свирепо спросила женщина.

В машине воцарилось молчание.

— Кто теперь знает этих министров, — снова сказал мужчина, сидевший рядом с Саидом.

— Министры... Одно название только...

— Вы правы, эфенди, поди их запомни, когда они меняются через день.

Шофер включил радио. Диктор рассказывал о предстоящих играх турецких команд, и сразу же разговор переключился на футбол,

Сидевшая впереди женщина сказала, что у нее два сына постоянно ссорятся, так как болеют за разные команды.

— А вы за какую команду, эфенди? — спросил мужчина молчавшего Саида.

— За ПыС! — гордо ответил Саид.

— Правильно, брат, — одобрительно сказал шофер и начал нахваливать Ахмеда Стену, гордость не только ПыС'а, но и национальной сборной. — Какой-то идиот вздумал отстранить его от игры, и теперь Ахмеда не берут в Румынию.

— Игрок он хороший, — соглашалась женщина, болевшая за ГВН, — но уж больно грубый.

— Я бы сказал, ханымэфенди, не грубый, а жесткий, — возразил мужчина, — это не одно и то же.

— Звезда нашего футбола! — поддержал шофер. — Профессор!..

— В Румынии он им покажет! — уверенно сказал мальчик.

— Как? И ты знаешь Ахмеда? — поразился Саид.

— Ха! Кто ж его не знает, он еще с Севим...

Все, кроме Саида, добродушно заулыбались, дивясь футбольной эрудиции ребенка, а мужчина переспросил:

— С кем, с кем?

— Ну, они в «Дальтоне» с Ахмедом, на помолвке...

— Замолчи! — оборвала его мать. — Не выдумывай, чего не знаешь...

— Я в газете читал, — жалобным голосом прогнусавил мальчик.

— Нечего читать разные глупости.

Саид покраснел и съежился, словно боясь, что его узнают. Потом судорожно стал рыться в карманах, достал деньги и сказал:

— Остановите машину, мне здесь выходить.

Он вышел, подождал и взял другое такси. Сидя в машине, он невольно продолжал думать о Севим и Ахмеде.

«Да, а ведь это правда! Никто не знает имена министров, но все знают Ахмеда Стену! Знают всю его жизнь...»

Когда Саид вошел в кабинет Рефика, он почувствовал, как веки его тяжелеют, глаза слипаются.

— Нет, я не верю, что можно заснуть от внушения, — привычно сказал Саид и погрузился в сон.

УРОКИ ТУРЕЦКОГО ФУТБОЛА

— Не могу я брать деньги задарма...

— Не глупи, Ахмедчик! Такой случай нельзя упускать. Будешь давать ему платные уроки.

— Ну ладно, у него чердак не в порядке, а ты-то? Ты понимаешь, что нельзя научиться плавать, не войдя в воду? Как он станет футболистом, если его нога мяча не видела?

— Пусть увидит! Дай ему мячик, пусть гоняет у себя в саду.

— Да не сможет он... Раз ударит и тут же развалится на части.

— А тебе-то что? Твое дело — деньги получать. Ему сказали, что тебя профессором футбола называют, вот он и хочет брать у тебя уроки, профессор-бей! Только и делает, что ходит да просит, чтоб я с тобой поговорила. Ты мне вот что скажи, сколько лет ты еще по полю сможешь бегать? Пора о будущем подумать. Не худо бы тебе богатую невесту подыскать, а то опоздаешь.

— Да, года бегут, того и гляди, песок посыплется...

— А мой тип — человек богатый. Если тебе и перепадет немного, не обеднеет... У них есть чем расплатиться: то лавку какую-то продают, то дом...

— Брошу мяч гонять, тренером пойду...

— Все равно от мяча не уйдешь. А почему тебе не открыть спортивный магазин? Вот деньги и пригодятся. Без них дела не начнешь.

И правда, почему не открыть магазин? Имя его — лучше всякой рекламы, торговля наверняка пойдет бойко... Еще недавно он был стройным, легким, носился по полю, никто угнаться не мог за ним. А теперь отяжелел, жирком пооброс. Стареть начал, грубее играть стал, в этом-то и была причина его жесткой игры во время матчей. Понял, что не может догнать мяч, стал бить по ногам игроков. Бил умело, технику эту знал, судьи не сразу замечали его проделки...

Севим поняла, что Ахмед прислушивается к ее советам, и стала еще настойчивее.

— Подумаешь там, уроки! Будешь раз в неделю на час-другой приходить да гонять моего типа по саду...

Уговорив Ахмеда, она кинулась звонить жениху. К телефону подошла Беррин-ханым и сказала, что Саид на лекции в университете.

— Когда придет, передайте, что я звонила.

— Хорошо, дочь моя, — сухо ответила Беррин-ханым и положила трубку; эта невоспитанная девица ей по-прежнему не нравилась, и она не собиралась болтать с ней.

Севим повесила трубку и в недоумении проговорила:

— Мой тип совсем рехнулся. Пошел в университет на лекцию!

Для нее, не слышавшей в жизни ни одной лекции, такой поступок казался диким.

— Севим, а ведь меня ребята засмеют, — сказал Ахмед.

— Боишься, узнают про твои занятия с Саидом? Я скажу ему, что все надо сохранить в тайне. Мой тип в этом смысле — могила.

Пока Севим с Ахмедом обсуждали, как втереть очки Саиду, тот сидел на лекции доктора Рефика и слушал подробное научное изложение собственной странной болезни. Однако первая часть этой лекции была посвящена только признакам болезни, поэтому Саид, ничего не подозревая, слушал своего друга с нескрываемым интересом.

— Различные школы психиатрии объясняют психические заболевания комплексами, которые возникают в результате разного рода потрясений в раннем возрасте, впоследствии закрепленных сознанием. Параллельно с этим они могут наблюдаться и под влиянием механизма условных рефлексов... Некоторые психастеники, то есть люди с ослабленной волей, не хотят лечиться, будучи убежденными, что нездоровье лучше здоровья... Болезнь

служит для них как бы убежищем от жизненных тягот, от жизни они прячутся в болезни, и страх перед жизнью сильнее их воли...

Наверное, Саид так бы и не понял, что речь идет о нем, если бы Рефик не стал говорить о методах лечения, уже известных ему.

— К такого рода больным необходимо применять самые разные способы лечения: и занятие спортом, и психотерапию, и введение в организм лекарств...

После лекции студенты окружили Рефика, выражая ему свои восторги. Поздравил друга и Саид, не показав вида, что понял, о ком шла речь в этой лекции.

Они вышли вместе, непринужденно болтая. Но когда Саид, расставшись с Рефиком, направился домой, мысли его невольно вернулись к болезни: после месячного лечения самочувствие его значительно улучшилось, впрочем, как и зрение, — ему уже не нужно было подносить книгу или газету к самому носу, его перестал раздражать яркий свет, и он без промаха бил по подушке, если ему случалось потренироваться с нею по утрам.

Единственно, чего он не мог понять, так это поездки в Америку, — почему оба врача в один голос настаивают на его путешествии за океан? Зачем оно ему? Он по-прежнему готов ежедневно принимать все лекарства, терпеть все уколы, лишь бы не расставаться с Севим... Тетушка, ничего не сказав о Севим,; сама подала ему обед, поставила на стол бутылку вина. Теперь Саид был не прочь выпить бокал-другой. Когда Беррин-ханым с тревогой пожаловалась Рефику, что племянник начал прикладываться к бутылке, тот обрадовался и даже заметил, что было бы совсем неплохо, если бы Саид начал еще играть в картишки, танцевать и ухаживать за женщинами. Все прекрасно: лечение пошло на пользу, ведь Саид возвращается к жизни.

Зазвонил телефон.

— Саид, любимый мой, — услышал он голос Севим. — У меня новость. Я все-таки уломала его. Да, да, он согласился, хотя и с трудом...

От «любимый мой» приятно закружилась голова, правда, Саид не понял, кого уламывали, кто и на что согласился, однако переспросить он постеснялся.

— Сначала он говорил, — продолжала Севим, — что у него нет времени, но я очень его просила. Вот он в конце концов и согласился... Алло, алло, ты меня слушаешь? Алло-о! Ты что, не рад?

— Рад, очень рад...

— Почему ж я не слышу слов благодарности? Я так старалась для тебя... Можешь начать хоть завтра. Вот Ахмед стоит рядом, поговори с ним сам...

Только теперь Саид понял, о чем идет речь.

— Сейчас, сию минуту... Я приеду, — заторопился Саид.

По дороге он заскочил за цветами, впопыхах забыл взять сдачу, и продавец догнал его уже на улице. На пороге дома Саид радостно обнял горничную, чем немало смутил ее и смутился сам, а потом долго извинялся, говоря, что принял ее за Севим.

— Севим-ханым и Ахмед-бей там. — Горничная показала на дверь гостиной.

Однако Саид не нашел их ни в гостиной, ни в другой комнате, куда нерешительно заглянул. Нетерпеливо расхаживая по гостиной, он вдруг увидел, что повсюду, на столиках, на стенах, на камине, стояли и висели фотографии, которых он раньше никогда не замечал. Да, значит, и впрямь лечение благотворно подействовало на его зрение... На всех фотографиях красовались парочки, неизменно в спортивных костюмах, причем каждый раз мужчина держал женщину за талию. Приглядевшись внимательнее, Саид на первой фотографии узнал Севим и прочитал надпись: «Моей любимой в память о лыжной неделе на Улудаге. Ты — одно из самых незабываемых впечатлений в моей жизни, мой самый главный рекорд».

«Аи да Севим! Она к тому же и лыжница!» — подумал Саид. Оказалось, что на каждой фотографии Севим была запечатлена в компании спортсменов самых разных видов спорта. Севим в гимнастической форме и надпись: «В память о том дне, когда я начал с тобой заниматься гимнастикой». Севим в купальнике на носу яхты и надпись: «В память о прекрасно проведенном дне».

«Аллах, Аллах, какая же Севим разносторонняя спортсменка... И лыжи, и гимнастика, и гонки на яхте... Не будь я Саид, если не стану футболистом!..»

Тут он обнаружил целую стену, увешанную фотографиями футболистов, и погрузился в чтение автографов так, словно был усердным посетителем в музее, изучающим все надписи под картинами.

Дверь скрипнула, и в гостиную вышла женщина; Саид радостно кинулся к ней и, конечно, обнял, ведь Севим только что назвала его «любимый мой». Но вошедшая стала вырываться из его объятий, крича: «Спасите!» Оказалось, что он обнял опять не Севим, а дальнюю родственницу Ферфейерверков, даму весьма любвеобильную, успевшую уже четырежды овдоветь.

— Извините, я подумал, что это мама-ханым, — залепетал бедный жених, совсем запутавшись в женщинах этого дома.

На крик прибежала Севим.

— Что ты подумал? — визгливо спросила она.

— Я... это... то есть вы... ваша мама...

Севим побледнела от гнева. До каких пор он будет ошибаться?! Раньше обнимал мать, теперь перешел на родственниц...

Саид и пострадавшая продолжали приносить друг другу извинения, порядком затянувшиеся, ибо родственница уже жалела, что столь опрометчиво позвала на помощь. А Севим кипела от возмущения, уже сомневаясь, действительно ли ее тип дурак и разиня или же он великий хитрец, который только притворяется простачком, а сам так и норовит обнять какую-нибудь женщину...

Расстроенный Саид, не зная, как оправдаться в глазах невесты, спросил:

— Как вы себя сегодня чувствуете? А где же наш Ахмед?

Невеста не выдержала и затряслась от приступа нервного смеха. Успокоившись, она опустила в кресло-качалку и небрежно проговорила:

— Ты опоздал: Ахмед только что ушел.

Саид примостился на подушке у ее ног. Кресло раскачивалось, и перед носом жениха мелькали полные ноги Севим, чуть прикрытые коротенькой юбочкой. Саид смутился, опустил голову, но его замешательство только забавляло и веселило Севим.

— Он согласился заниматься с тобой, — сказала она Саиду. — Я уговорила его. Тебе придется платить, хотя ты понимаешь, что делается это не ради денег. Но уроки ведь частные... Только смотри, Саид, никому ни слова... Если кто узнает...

— От меня никто ничего не узнает, Севим-ханым. Ни тетушка, ни мадам Анжела... Обещаю!

Ахмед стал приходить по понедельникам и четвергам после обеда. В саду было еще холодно, и мадам Анжела открыла для спортсменов пустовавший зал на третьем этаже. Поначалу ни тетушка, ни мадам Анжела не придавали никакого значения этим визитам, но потом им захотелось узнать, зачем это мужчины запираются в зале. И хотя мадам Анжела приносила в зал чай или кофе, она никак не могла понять, чем же они там заняты. Тетушка, которая всю жизнь считала, что подглядывать и подслушивать непристойно и грешно, вдруг забыла об этом — ведь дело касалось ее родного племянника.

И вот что она однажды услышала.

— В футболе, значит, во время игры есть такие правила, которые тебе обязательно надо помнить, — говорил Ахмед. — Первое, значит, запомни: как увидишь, противник прет по полю с мячом, чисто таран... Что будешь делать? Прикидываешь, значит, — мяч тебе никак не отнять... Что будешь делать?..

— Не знаю... Просить Аллаха, чтоб противник споткнулся и упал.

— Ну и дурак! Слушай внимательно и заруби на носу: как он окажется рядом с тобой, ты ему, значит, по копчику бьешь, а сам тут же — на землю и давай кататься и орать, будто тебя режут по живому... Понял? Ну коли дождь идет, то вывалиешься в грязи — тут уж

ничего не поделаешь, такой он уж есть, футбол... Без грязи не бывает. Ты валяешься, значит, а секундомер тикает, время идет. Разобраться, кто кого стукнул, никто, значит, не может, ни судья, ни зрители... Это известно только вам двоим... Наш болельщик жалостливый, он всегда жалеет того, кто на земле лежит...

— Почему?

— А потому, братец, что наш болельщик и сам в жизни горя хлебнул... Он начинает, значит, свистеть, требовать, чтобы удалить с поля твоего противника... Ты же, бедняга, лежишь и все, значит, корчишься... Ну, что, скажешь? Подожди, забыл сказать. А когда твой противник падает, зрители, значит, думают, что он притворяется, и начинают свистеть еще громче... Тем временем к тебе бегут с носилками. Ты, значит, с трудом поднимаешься, ухватившись двумя руками за поясницу, а потом опять валишься на землю, снова встаешь и, прихрамывая, включаешься в игру. Зачем, спросишь ты? А затем, братец, чтобы все видели, что для своей команды ты готов руки-ноги отдать, тебе ничего, значит, не жалко. Вот тогда-то болельщики пускают слезу от жалости и восторга!.. И конечно, всю тебе хлопают... Понял?

— Кажется, понял.

— У нас этот номер проходит всегда. А вот когда играешь против немцев, этот прием забудь! Немцы, братец, народ совсем другой, на наш не похожий. Наши жалеют того, что лежит на земле, а те, наоборот, слабаков не жалуют, освищут, коли ляжешь. Наши жалеют подбитого, а те — наоборот: раз ты слабак, значит, врезали тебе за дело. Турок, значит, жалеет тех, кто проигрывает, а немец в таком разе и сына родного не пожалеет. Немец всегда на стороне сильного. Понял? Победитель всегда прав — вот он как судит-рядит. У нас говорят, что сильный и так всегда в выигрыше. А почему? А потому, братец, что турок сам в жизни много страдал, вот он и жалеет, значит, слабого...

Саиду, прожившему несколько лет во Франции, было интересно узнать о французских болельщиках, и он спросил:

— А французы?

— Француз — тоже не чета нашему, его на этом деле не проведешь: он прекрасно видит, кто кому вмазал и кто прикидывается... Вот если ты судью проведешь, они тебе похлопают, а если судья тебя раскусил, значит, лучше сам с поля уходи, потому что, упаси Аллах, могут и в лицо наплевать...

— А англичане?

— В Англии об этом и не думай! Потому что англичан не обманешь, они и сами горазды всякие номера откалывать... Они, того-этого, все наперед знают... Помни, английский судья церемониться не будет, удалит с поля, ты и пикнуть не успеешь... Такова, значит,

футбольная азбука, Саид-бей... Я эти премудрости постигал на собственной шкуре, как-никак, целых двадцать лет, а тебе выложил за двадцать минут и весь свой опыт, значит, преподнес на блюдечке. Получать по копчику — это, братец, не шутка. Все, что я тебе сегодня преподавал, ты запомни. Впрочем, учиться-то ты мастак, это тебе не по полю бегать. На очередном уроке Саид прочел записанное им первое правило:

«Если игрок команды противника бежит с мячом, который отнять у него не представляется возможным, такому игроку наносится удар по копчику, после чего ударившему надлежит упасть, дабы ни судья, ни зрители не догадались, кто кого ударил. Исключение из правила — немцы».

— Молодец, дружище, настрочил по-ученому. Только помни, мы наши правила держим в секрете! Перепишешь это еще сто раз, вот и выучишь наизусть... Я не хочу задаром деньги получать. Теперь запоминай второе правило: в твои ворота противник забивает гол за голом, противник тебя измотал, ты, значит, дышать не можешь, силы на исходе — все!.. Что будешь делать?

— Попробую отдохнуть...

— Ты, братец, не в кофейне, чтобы отдыхать, а в футбол играешь. Отдохнешь в перерыве в раздевалке. Значит, что делаешь?

— Не знаю.

— Тогда запоминай: ты подбегаешь к какому-нибудь футболисту из чужой команды и падаешь около него...

— И в первом правиле об этом говорится.

— Там ты сперва бьешь по копчику, а тут просто падаешь и лежишь, пока никто не сообразит и не обратит на тебя внимание. Понял? Так, значит, лежишь себе на травке и отдыхаешь. Я однажды прилег и очнулся только, когда мячом по башке дали. Тут надо самому соображать, сколько лежать. Может, значит, случится, что ты за два тайма в полтора часа будешь играть всего минут сорок. Чуешь, силы на исходе, ложись, значит, без стеснения и отдыхай. Гляди, никому про это правило не рассказывай, иначе футбольное поле будет на пляж похоже. Понял?

— Понял.

— Перепиши к следующему уроку сто раз и выучи наизусть.

После каждого урока Ахмед находил у себя в кармане конверт с деньгами: Саид платил ему столько, сколько ни одному тренеру и не снилось. После занятий Ахмед шел прямо к Севим.

— Еще один урок я выдал твоему типу... Ну, смех прямо, такую ему чепуху несус... Он не только записывает, наизусть учит всю эту белиберду...

Однако скоро Ахмед затосковал, стало ему казаться, что Саид над ним издевается. А после двадцатого урока ему уже выть хотелось от скуки.

— Не могу больше, хоть убей. Я твоему типу десять правил продиктовал, больше ничего придумать не в силах. И денег его не хочу!

— Ахмед, миленький, потерпи еще. Тебе же деньги платят! Ради смеха...

— Не знаю, кто над кем смеется! Кажется, твой тип надо мною... И не проси, я выдохся!

— Вели ему теперь учить историю нашего футбола.

Ахмеду идея понравилась, занятия продолжались.

— Теперь нам предстоит, братец, начать изучение истории нашего славного отечественного футбола...

Саид засел в библиотеку. Он листал подшивки газет, читал журналы и удивлялся, как много и часто писали про Ахмеда...

Однажды, когда мужчины кончили заниматься, тетушка Беррин-ханым вошла в зал и увидела, что пол расчерчен мелом. Была срочно вызвана мадам Анжела, и та опытным глазом сразу же определила, что это план футбольного поля.

Тетушка не замедлила обо всем сообщить Рефику. Доктор остался доволен последними новостями и сказал, что Саид находится на пути к полнейшему выздоровлению.

И сам Саид никогда раньше не был так счастлив! Его дни теперь были заняты до предела: по понедельникам и четвергам к нему приходил профессор Ахмед, в другие дни он наносил визиты по очереди доктору Рефику и его другу, профессору.

Словом, дел было по горло.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ТРЕНЕРА ТОМПСОНА

Настал наконец день, когда Ахмед Стена решительно заявил, что ему надоел этот сумасшедший дом и что заниматься он с Саидом не будет.

— Миллион даст, пошлю его к черту!

— Но, миленький...

— Никаких «миленьких»! — Ахмед был неумолим. — Единственное, что могу сделать, это сосватать твоего типа нашему тренеру, англичанину Томпсону. Тем более этот гяур на нас зуб имеет за то, что мы не ходим на тренировки... Вот пусть он и тренирует Саида...

Англичанин у нас продержится недолго, скоро истекает срок контракта...

— Умоляю, миленький, ведь Томпсон в гроб загонит моего типа, в настоящий футбол

заставит играть. Будет его гонять, поневоле прыгать и бегать придется, а у него, сам знаешь, еле душа в теле держится... Помрет еще до свадьбы, а мне его будет жалко, Аллах свидетель...

— Нечего со свадьбой тянуть. Скажи матери, чтобы перестала придирааться... Оклеит, обставит дом, так сразу же и давайте... А Томпсон разберется, что нужно твоему типу... Ахмед сдержал слово: он рассказал англичанину о Саиде. Однако тот заартачился и, хотя был падок на деньги, не согласился заниматься с богатым любителем. Томпсон признавал только профессионализм. Тогда Ахмед сыграл на человеколюбии англичанина, расписал критическое положение Саида, которого, как сказали врачи, может вернуть к жизни только спорт, и в первую очередь профессиональный футбол.

И Томпсон сдался.

А Саиду профессор футбольных наук объяснил все просто: теоретическая часть подготовки закончена, пора переходить к практике. Поэтому он договорился с тренером ПыС'а Томпсоном, и тот берется его тренировать. У Ахмеда есть только одна просьба к Саиду: ни в коем случае не посвящать англичанина в тайны турецкого футбола.

Томпсон и Саид сразу понравились друг другу. Во-первых, они были похожи внешне, словно отец и сын, — может быть, только англичанин по сравнению с Саидом производил впечатление человека несколько более энергичного. Во-вторых, оба были безобидными, но одержимыми чудаками.

У англичанина была единственная страсть: создавать великих футболистов! За свою жизнь он открыл на футбольном небосклоне не одну звезду. И звезды Томпсона украшали футбольные команды разных стран. Чем сырее материал попадался ему в руки, чем неопытнее был футболист, тем охотнее он с ним занимался и тем больше радости приносило ему превращение никудышного игрока в первоклассного футболиста, способного украсить любую сборную.

Томпсон попал в Турцию, когда известие о его заслугах перед мировым футболом достигло пределов этой страны, а ПыС'у захотелось иметь тренера с мировым именем. Возможно, потому, что о Томпсоне узнали слишком поздно, или потому, что материал был совсем не сырой, только команда и тренер не сработались, англичанин был недоволен футболистами, а футболисты — англичанином. Команда играла все хуже и хуже, а винили в этом — как всегда бывает — тренера. Томпсона страшила перспектива остаться без работы, но знакомство с Саидом, в котором он нашел близкого по духу человека, укрепило его веру в будущее, и потому он взялся за тренировки с юношеским азартом. А когда Саид заговорил с ним сперва по-французски, а потом по-английски, что было особенно приятно Томпсону, тренер проникся к молодому человеку безграничной симпатией.

В англичанине с прежней силой вспыхнула страсть созидания. Твердо убежденный, что хорошего футболиста можно сотворить из любого материала, а чем податливее сырье, тем легче вылепить задуманную фигуру, он прямо-таки набросился на полюбившегося ему ученика. Но в системе тренировки англичанин был педантичен и строг и поначалу усомнился, выдержит ли Саид такие нагрузки. Однако Саид уверял, что готов на все, лишь бы побыстрее стать футболистом. Он познакомил Томпсона с доктором Рефиком и профессором, и те, уже втроем, составили научно обоснованную программу тренировок для своего подопечного. А Саид был счастлив! Наконец-то сбывается его мечта.

Под руководством тренера он скакал через веревочку, занимался гимнастикой, поднимал гири, бегал.

В первое время Саид так уставал после тренировок, что не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой. Иной раз у него возникала трусливая мысль отказаться от своей затеи, но тут же он вспоминал о Севим, и малодушие бежало прочь, уступая место свирепой решимости: во что бы то ни стало выдержать любое испытание!

Не надо забывать, что доктор Рефик по-прежнему внушал Саиду во время гипнотических сеансов, что он непременно станет великим футболистом. Впрочем, сам доктор не очень-то верил в это. Ему было важно вылечить Саида, так пусть лечению помогают и любовь, и страсть к футболу — не в этом ли искусство психотерапии?

Был обыкновенный день тренировок. Томпсон и его ученик, успевшие уже подружиться, занимались в саду, примыкавшем к особняку Рыжисынов. Запущенный сад зарос кустарником и бурьяном, особенно вдоль ограды, куда давно уже не ступала нога человека. Поначалу Саид бегал на маленькой лужайке около самого дома, с каждым днем увеличивая дистанцию, пока лужайка не стала для него мала. Вот тогда мистер Томпсон и сказал, что надо бегать вдоль садовой ограды.

Саид резво стартовал, с ходу взяв быстрый темп, пробежал метров пятнадцать и вдруг исчез, будто сквозь землю провалился!

Мистер Томпсон ждал терпеливо, прохаживаясь по лужайке, потом стал проявлять нетерпение, — за такое время можно обойти весь сад даже шагом. Тренер позвал Саида, наконец не выдержал и затрусил по тому же маршруту. Однако густые заросли кустарника преградили ему путь. Еще раз окликнув Саида, мистер Томпсон вернулся к дому, где его встретила мадам Анжела.

— Ви не видел Саид-бей? — спросил ее англичанин.

— А газве он не с вами? Я только что видела, что он прыгал в саду.

В окне показалась Беррин-ханым.

— Что случилось?

— Томпсон-эфенди говорит, что наш Саид вгоде потегялся.

Путая турецкие слова с английскими, тренер объяснил, что Саид побежал вдоль садовой ограды и пропал. Тетушка не на шутку разволновалась.

Начались поиски. Сперва обыскали все комнаты в особняке, поднялись на чердак, спустились в подвал. Потом вышли в сад и стали кричать: «Са-и-ид!»

Никто не отвечал.

— Может, он чегез оггаду пегепгыгнул?

— Что вы, мадам Анжела, разве можно нашу ограду перепрыгнуть? — И Беррин-ханым заломила руки и разразилась рыданиями, словно перед нею уже лежал труп ее племянника. Мистер Томпсон, бормоча ругательства, кружил по саду и продолжал звать Саида. Черт его дернул заставлять Саида бежать там, где давно уже никто пешком не ходил! «Куда запропастился этот парень? Ну не провалился же он и впрямь сквозь землю, да еще у меня на глазах?» Англичанин не мог поверить в смерть Саида — слишком трезво он привык мыслить, — его бесило собственное невезение: контракт с ПыС'ом кончался, богатый клиент куда-то сбежал, и вообще он не любил останавливаться посередине пути, не доделав начатого дела.

Мадам Анжела продолжала искать Саида по дому. Тетушка тем временем принялась царапать себе лицо и причитать:

— Это девка-мерзавка лишила нашего мальчика разума! Он устал страдать, бросился очертя голову, куда глаза глядят. Ох, девка проклятая, покарай ее Аллах! Ох, этот Ахмед! Ох, этот гяур! Аллах, Аллах, да разве воспитанное дитя из порядочного семейства будет бегать и прыгать целый день?.. Вах-вах!

Беррин-ханым направилась к телефону, чтобы оповестить всех Рыжисынов о случившемся несчастье. Первый, кому она позвонила, был, конечно, старик Абдюшюкюр-бей, который понял, что пропал Саид, но не понял, какой.

— Кто пропал?! — кричал он в трубку.

— Саид... Наш Саид пропал...

У старика не было никакой памяти на события последних лет, зато он прекрасно помнил все, что происходило в дни его молодости.

— Саид-паша пропал? Садразам (*Садразам — титул великого везира Османской империи.*) Саид-паша пропал, что теперь с нами будет?

— Какой еще Садразам? Наш! Наш Саид исчез!.. Трубку взяла внучка Абдюшюкюр-бея, двадцатилетняя Айфер.

— Ничего не могу объяснить твоему дедушке... Говорю ему о нашем Саиде, а он в ответ твердит о Садразаме Саид-паше.

— Это потому, что дедушка пишет мемуары и как раз дошел до этого Садразама...

— Абдюшюкюр-бей пишет мемуары? — удивилась Беррин-ханым.

— Да, для журнала. Не знаю, что получится, только в последние дни он все начал путать.

Писал, писал, а потом вдруг говорит: «Я основал республику». «Да вы, дедушка, — говорю я ему, — в это время в Лондоне были». Тогда он в ответ: «Я сначала основал республику, а потом со страху в Лондон сбежал». Я позвонила владельцу журнала, говорю, мол, так и так, а он смеется: «Вот и прекрасно, чем больше путают в истории, тем интереснее читать».

— Дочка, я почему звоню: наш Саид...

— Мой брат Саид?

— Да, Саид пропал... Вдруг исчез, и все!

— Разве взрослые пропадают?

— Но ведь пропал, значит, бывает. Я с твоим дедушкой посоветоваться хотела, да вижу, зря!

Беррин-ханым позвонила всем родственникам. Для них, изнывающих от безделья и скуки, пропажа Саида оказалась поистине радостным событием. Они проявили самый горячий интерес и не замедлили собраться в особняке Шафран-заде. Под перекрестным допросом родственников Беррин-ханым, мадам Анжела и мистер Томпсон никак не могли объяснить, почему Саид бегал по саду.

— За ним гнались? — спрашивал один.

— Взрослым людям вообще незачем бегать, — твердил другой.

— Да наш Саид тренировался под руководством Томпсона-эфенди, чтобы научиться играть в футбол, — сказала Беррин-ханым.

— А-а, понятно, тренировка тела...

— Ваш покорный слуга занимался в дни юности гимнастикой по шведской системе.

— В дни вашей юности гимнастики еще не существовало.

— Ну, хорошо, а что случилось с Саидом, когда он под наблюдением Томпсона-эфенди тренировался в саду?

Беррин-ханым, любившая говорить обстоятельно и без спешки, уселась и начала рассказывать с самого начала, добавляя все новые подробности, которых не могло быть, ибо это была игра ее фантазии.

— Значит, ханымэфенди, нашего Саида украли! — сделал вывод Кысмети-эфенди.

— Но кто может заниматься такими делами?

— Уж не знаю кто, но их было много.

— Ведь Саид — не девушка, чтобы его красть.

— Но наш Саид краше всякой девушки.

— Теперь крадут, чтобы выкуп получить.

— Нет, это потусторонние силы, — заявила тетушка Шюкран-ханым, увлекавшаяся спиритизмом. — Наш Саид всегда разговаривал сам с собой — теперь я поняла: он разговаривал с ними! И они его позвали к себе...

Кто-то из наиболее здравомыслящих предложил сообщить об исчезновении Саида в полицию. Разгорелся ожесточенный спор: в семействе Рыжисынов не любили иметь дело с полицией, за которой тотчас же явятся корреспонденты и будут трепать на страницах своих газет славное имя древнего рода.

В полицию все-таки позвонили, но раньше в особняк явилась Севим и прямо на пороге начала рвать волосы и бить себя в грудь, оглашая весь квартал воплями. Горе неветы было столь естественно, что семейство Рыжисынов, никогда не питавшее к ней приязни, кинулось утешать ее.

— Почему ты ушел, не взяв меня с собой! — кричала Севим.

И Рыжисыны рыдали вместе с невестой, потрясенные проявлением неземной любви. «Вот что значит любовь! Как Лейла и Меджнун! Ромео и Джульетта! Севим и Саид!..» — шептали старички, с любопытством разглядывая полураздетую Севим (в спешке бедняжка забыла надеть платье).

Мадам Анжеле пришлось прикрыть безутешную невесту простыней, к великому огорчению мужской части рода Рыжисынов. В рыданиях Севим уже звучали нотки вдовьего надгробного плача, — она успела шепнуть Зюбейде-ханым, что Саид перед уходом на тот свет поторопился оставить ее в положении. Эта новость вызвала "прилив еще большей жалости к ней.

— Ах, бедняжка, такая молодая, а уже вдова с ребенком!..

Под вечер в особняк Рыжисынов явились представители полиции: один в штатском, трое в форме. После допроса свидетелей все отправились на место происшествия. Мистер Томпсон на ломаном турецком языке стал описывать во всех подробностях события, предшествовавшие исчезновению Саида.

— Я здесь стоит, Саид-бей туда бежит... И вдруг я видит, его пропал!..

Тренер встал в позицию и побежал в том направлении, куда устремился утром Саид. Его спина мелькнула в кустах, и тут, на глазах у всех, он неожиданно исчез.

— Ох! — испуганно воскликнула толпа, шагнула вперед и застыла на месте.

— Мистер Томпсон! — крикнул кто-то, однако ответа не последовало.

Полицейский вытащил пистолет из кобуры и решительно направился по следам исчезнувшего англичанина. Он подошел к зарослям, огляделся и двинулся через них. Шаг, другой, и полицейского внезапно не стало!

Толпа опять дружно охнула и ринулась к кустам. Узкий проход вел прямо к заброшенному старому колодцу, похожему на ловушку для диких зверей, куда и упали все трое — Саид, мистер Томпсон и полицейский с пистолетом в руке.

Даже тетушка Беррин-ханым забыла о колодце, а Саид вообще никогда не слышал о нем. Колодец давно высох, дно его заросло мхом, а кустарник и травы надежно скрывали от людских глаз.

Упав с шестиметровой высоты, Саид ударился головой о камень и потерял сознание, поэтому не слышал, как его звали. Когда в колодец упал Томпсон, Саид очнулся, будто после сна, и даже привычно завопил: «Го-о-ол!» — но тренер огрел его бутсой по голове, и бедняга снова лишился сознания. Когда же к ним в компанию заявился третий, Саиду досталось еще рукояткой пистолета по виску.

Для спасения провалившихся была срочно вызвана пожарная команда, которая прибыла глубоко за полночь. При свете мощных прожекторов в колодец была опущена лестница, сперва по ней поднялись мистер Томпсон и полицейский, а потом пожарные вынесли на руках Саида в бессознательном состоянии.

Тетушка немедленно позвонила доктору Рефику, прося его приехать и осмотреть племянника, не желавшего приходить в себя.

Когда Саид очнулся и удивленно поглядел на окружающих его людей, он не понял, ни что случилось с ним, ни где он находится. Лишь увидев Рефика, по привычке сказал:

— Зря стараешься, меня не усыпить гипнозом!..

Доктор обследовал пострадавшего, нашел его совершенно здоровым и даже сказал тетушке Беррин-ханым? что шок, перенесенный Саидом, может чудодейственно сказаться на его центральной нервной системе.

И правда, придя в себя, Саид вдруг заметил, что стал гораздо лучше видеть, а следовательно, и лучше понимать все происходящее вокруг. Перемены в Саиде следовали одна за другой. Если раньше он и слышать не хотел о поездке в Америку, то теперь с радостью на нее согласился. Когда Севим и ее мама попросили его назначить свадьбу на любой день, он отделался дипломатическим обещанием подумать. Особенно его торопила невеста, объясняя такую поспешность своим положением. «Ребенок ни в чем не виноват», — твердила она. Саид и не догадывался, что она давным-давно сделала себе очередную пластическую операцию; однако у него уже не было желания быть отцом чьего-то ребенка. В его голове, как заноза, сидела одна-единственная мысль: стать футболистом. Когда-то мечта эта казалась несбыточной, она была тоской по недостижимому, а теперь, когда Рефик, профессор и Томпсон поверили в него, внушили ему веру в себя, со свадьбой можно и повременить.

Томпсон уже брал его на тренировки ПыС'а, включал иногда даже во второй состав команды. Конечно, его тощая фигура производила несколько странное впечатление на футболистов, но, зная, как Дюндар Болтун-бей благоволил к новичку, от которого он еще надеялся получить солидную сумму для клуба, спортсмены стали обращаться с ним как с равным...

У Ферфейерверков Саид теперь почти не бывал, времени на любовь не оставалось: тренировки, врачи и процедуры занимали весь день. Тетушка радовалась, глядя, как племянник уписывает за обе щеки, прибавляет в весе, наливаясь в теле.

Севим звонила ему почти каждый день, но в ответ слышала неизменно одно и то же:

- Саид-бей на тренировке...
- Саид-бей пошел к тренеру...
- Саид сегодня играет...
- Они с Томпсоном-эфенди пошли в клуб...
- Сегодня у него важная тренировка.

ИСПАНКА АЙСЕЛЬ. ОТЪЕЗД В АМЕРИКУ

Саид был в нерешительности: Ферфейерверки и Ахмед Стена торопили его с женитьбой, доктор Рефик и профессор настаивали на немедленном отъезде в Америку. Севим по-прежнему убеждала своего жениха, что она все еще в положении, хотя со времени их знакомства прошло больше года. Конечно, пора было набраться смелости и поговорить серьезно. Как человек, воспитанный в традициях почтенного рода, он не мог сказать: «Мне известно, что ребенок не мой», или: «Даже в школе знают: от поцелуев дети не рождаются». Ничего этого Саиду не пришлось говорить. Севим поняла его с полуслова и повела себя как обманутая девица: она рыдала, падала в обморок, вставала и рвала на себе волосы. Вот тогда-то растерявшийся Саид, припав к ее коленям, проговорился:

— Любимая, я смогу жениться на вас только тогда, когда займу в вашем сердце прочное место, когда завоюю вас...

Бывшаяся в истерике Севим вдруг успокоилась и задумчиво поглядела на него. Саид, еще не придя в себя после вырвавшегося у него признания, удивлялся: неужели он так изменился, ведь неделю назад он не решился бы на такой рискованный шаг.

Севим погладила его по голове и спокойно спросила:

— Ты уезжаешь в Америку?

От кого она могла узнать, что он собирается уезжать? Ведь об этом знали только Рефик и профессор. Он покраснел, словно напроказивший школьник.

— Кто тебе сказал?

— Значит, это правда.

Она вытерла подолом юбки слезы, и... в глазах Саида все поплыло, голова закружилась...

— На этом настаивают врачи, — заикаясь, произнес он.

— Почему я должна узнавать об этом от других? Ты меня так огорчил, Саид, хотя бы словом обмолвился... Значит, ты едешь один, без меня? — Как трогательно звучал ее голос!

Саид молчал.

— В Америку не поедешь! — решительно сказала Севим. — Один не поедешь!.. Скоро ПыС играет в Бухаресте с румынами. — Теперь в ее голосе слышалась мольба. — К тому времени мы уже будем женаты и поедем туда вместе. Оттуда в Швейцарию, потом в Италию. Это будет наше свадебное путешествие. Ты согласен? — И она поцеловала его в щеку, лишив последнего мужества.

Саид съежился, опустил голову. Севим приняла его молчание за согласие, радостно вскочила и, включив музыку, закружилась по комнате.

Саид смотрел на нее, и, кажется, впервые ему захотелось понять, что же за человек перед ним. Как удастся ей в течение нескольких минут поговорить с ним и ласково, и строго, и поплакать, и посмеяться? Неужели всему этому учат в школе? И хотя Саид уже убедился в ее лицемерии, он понимал, что не сможет найти в себе силы устоять перед ее взглядом или поцелуем, и знал, что бросится в омут, если только она ему прикажет...

Саид пришел к своему другу Рефику и подробно рассказал ему о разговоре с невестой, о противоречивых чувствах, которые испытывает к ней.

— Ты сам должен решить, следует тебе ехать или нет. — Доктор никогда не говорил с Саидом в категорической форме. — Только постарайся понять одно: если бы Севим вытерла слезы подолом юбки при Ахмеде или любом другом мужчине, поверь мне, они бы знали, как надлежит с нею поступить... А ты? Ты собираешься ради нее бросаться в омут...

Саид нахмурился, заморгал, словно его душили слезы.

— Вот почему я и советую тебе ехать, — продолжал Рефик. — У меня там друзья, прекрасные врачи... А впрочем, тебе виднее...

И тогда Саид твердо произнес:

— Поеду!!! — И сам удивился своей решительности. Рефик стал расспрашивать Саида, занимается ли он по-прежнему с Томпсоном. Да, англичанин продолжает гонять его до седьмого пота, иногда выпускает на поле. Футболисты посмеиваются над ним, потому что он играет в очках. А футбол с каждым днем нравится ему все больше и больше.

Через несколько дней Саид примчался к Рефику в большом возбуждении и прямо с порога завопил:

— Я вижу! Вижу-у-у-у!..

Рефик с улыбкой смотрел на взволнованного друга.

Саид рассказал, что во время тренировочной игры у ворот образовалась свалка, и он потерял очки. В первое мгновение от страха он крепко зажмурил глаза, а когда открыл их, то убедился, что прекрасно все видит!..

— Это чудо! Чудо! — повторял он. — Со мной произошло чудо!

— Главное чудо свершилось раньше, — спокойно ответил Рефик, — когда ты провалился в колодец...

— Я не буду больше носить очки?!

— Думаю, будешь... Темные очки против солнца!.. Теперь Саид занимался с тренером как одержимый и совсем перестал ходить к Ферфейерверкам. Севим продолжала осаждать его телефонными звонками, но ей неизменно отвечали, что Саид-бей на тренировке... Однажды утром она явилась в особняк Рыжисынов собственной персоной, но мадам Анжела, открывшая дверь, сказала, что молодой хозяин уже на стадионе.

Приближался день встречи с ГВН, а главные «Столбы», ведущие игроки ПыС'а, или вообще не являлись на тренировки, или, выйдя на поле, играли вполсилы, словом, ползали, как сонные мухи. Кому только бедняга Томпсон не жаловался, никто его слушать не хотел — все в один голос твердили: «Пока в команде Ахмед Стена, нам никто не страшен!»

— Какой команда выиграет на поле без хорошей тренировка! — продолжал настаивать опытный тренер.

— Все будет в порядке, — отвечали ему и приводили в пример былые победы ПыС'а.

— У каждого народа свой характер, — внушали ему. — Тебе, чужестранцу, даже англичанину, нас, турок, не понять. У нас так говорят: не дошел до реки, не закатывай портки, понял?

А надоедливый Томпсон твердил свое:

— Да как они будет играть? Не понимаю.

— А чего понимать, — успокаивали его, — будет игра, будут и голы, А милосерден!

— За что я тогда от вас деньги получай?

— О господи! — не выдержал Болтун-бей. — С тобой и впрямь с ума спятишь!.. Иль ты совсем не понимаешь по-турецки?

— Понимай, но плохо.

А платили знаменитому Томпсону вовсе не за то, чтобы он тренировал команду, а чтобы оказывал психологическое воздействие на команды противников — вот, дескать, мы из-за

границы себе тренера взяли, где вам с нами справиться.

После таких разговоров англичанин махнул на все рукой и занялся одним Саидом, на которого возлагал все надежды. Он радовался тому, что Саид может теперь играть без очков, что у него наливаются мускулы, но больше всего тренеру нравилась дисциплинированность его ученика, строгое соблюдение спортивного режима. К Саиду он относился как скульптор к творению своих рук.

Долгожданный день наступил. Эрол Аркан-бей, почти не расстававшийся с Саидом, предложил ему поехать на стадион вместе. Эролу очень хотелось познакомить Саида с молодой женщиной по имени Айсель, которую за иссиня-черные волосы, смуглый цвет кожи и черные, как маслины, глаза прозвали «испанкой». Она была верной и неизменной поклонницей клуба ГВН.

За него, впрочем, теперь стал болеть и Эрол Аркан-бей, испортив дружеские отношения с Дюндаром Болтун-беем. Это не мешало ему, однако, по-прежнему оставаться самым объективным и справедливым комментатором.

Севим и Айсель, словно две конкурирующие фирмы, были давними соперницами. Севим, правда, перещеголяла Айсель в своих похождениях, зато у той имелось важное преимущество — она была замужем и, следовательно, свободна и независима. Муж Айсель, человек в летах, женился на ней несколько лет назад и был безмерно счастлив, когда в обществе молодая жена кокетливо называла его «мой муженек».

Известно, что каждый исследователь в своей научной работе стремится открыть что-то новое для человечества. Однако некоторые полагают, будто подобное стремление, скажем, в области литературы, объясняется прежде всего желанием исследователя прославить себя. У Айсель был характер исследователя: она открывала новые таланты в футболе, открывала футбольные звезды, — не будем гадать, для чего это она делала! Во всяком случае она была полной противоположностью Севим, которая умела лишь следовать за звездами.

Айсель удалось несколько раз весьма точно угадать в начинающих игроках блестящих футболистов. Все знали: если Айсель посадила рядом с собой в машину очередного юнца, не пройдет и двух лет, как на футбольном небосклоне зажжется новая звезда. Ни один футбольный босс не мог лучше и безошибочнее оценить молодого игрока. Поэтому за всяким новым подопечным Айсель тотчас же устраивалась охота. Как продюсер разыскивает кинозвезд по всем странам, так и Айсель искала футбольные звезды среди подростков, гоняющих тряпичные мячи на пустырях и задворках. Открытие Озэра Бревна и Османа Перца принадлежало ей — Айсель. Никто лучше Айсель не мог определить, какой футболист сколько стоит, — это было особенно важно при переходе игроков из одного

клуба в другой. Достаточно было ей сказать про игрока, что он ломаного гроша не стоит, и о нем преспокойно забывали.

Айсель давно приглядывалась к Саиду, еще с того времени, когда на него нацелилась Севим, однако долго держалась в стороне. Ей было известно желание Севим выйти за него замуж, и когда она попросила Аркана познакомить ее с этим молодым человеком, ею руководило лишь одно чувство — насолить своей сопернице. Айсель еще не была убеждена, что из Саида выйдет первоклассный игрок, но она осторожно намекнула, что он подает большие надежды. Главным для нее было выполнить ответственное задание руководителей клуба ГВН, желавших во что бы то ни стало перетащить англичанина к себе.

Эрол начал рассказывать Саиду об Айсель еще в машине, по дороге на стадион.

— Ах, старина, что это за женщина! Что за женщина! А какой дар предвидения! Ей стоит только раз взглянуть на новорожденного, чтобы сказать, сколько голов он забьет за свою футбольную карьеру. Все знаменитые футболисты, старина, прошли через ее руки. Даже самый опытный тренер — ничто по сравнению с ней. Если Аллах будет милостив и она окажется сегодня на стадионе, я вас обязательно познакомлю.

На этот раз она сидела не на трибуне вместе с болельщиками ГВН, а в ложе для почетных гостей. Увидев Аркана, она издали помахала ему рукой. Эрол подвел к ней Саида.

— Разрешите познакомить вас: Саид Рыжисин... Айсель-ханым...

Айсель указала Саиду на свободное место рядом с собой.

— Я вас видела несколько раз на тренировках, — сказала она, — у вас приличный удар, вы неплохо предлагаете себя.

Саид покраснел.

Игра еще не началась, а стадион уже гудел, как разоренный улей. Из-за нелетной погоды не явился судья, приглашенный из-за рубежа. С трудом уломали одного турка, тоже судью международной категории. Саид впервые присутствовал на таком важном матче. Город казался вымершим, все были на стадионе.

В первую же минуту Ахмед подставил ножку Осману, и тот пропахал добрый десяток метров поля.

— Не обращай на все это внимания, старина, — тихо сказал самый объективный комментатор Эрол Аркан-бей, — дело решенное...

— Как так? — не понял Саид.

— А так, старина. По нашим сведениям, полученным из достоверных источников, «Столбы» сегодня припухнут из-за Ахмеда... Должны припухнуть... Так хочет этот проходимец Болтун-бей. — И, видя, что Саид ничего не понимает, продолжал: — Деньги, старина, все деньги! Я уверен, что нашему Ахмеду дали взятку... — И, нагнувшись к

самому уху Саида, прошептал: — Кроме того, старина, только это между нами, конечно, нападающим ГВН дали сильный допинг. Говорят, доза лошадиная, от такой девяностолетний старец начнет кидать мячик, и никакой Замойра или даже сам Яшин не спасут ворота... Понял?

Айсель наклонилась к Саиду.

— Кажется, игра обещает быть занятной. —И добавила многозначительно: — Вы, конечно, болеете за «Столбов»?

— Пусть выиграет тот, кто играет лучше, — дипломатично ответил Саид, зная, что его очаровательная соседка болеет за «Нуждарей».

Первый тайм закончился вничью. Выло ясно, что главное сражение впереди и футбольное поле станет полем битвы.

Во время перерыва Аркан отправился в ложу прессы.

— Я слышала, вы собираетесь в Америку? — начала Айсель.

Саид, пораженный ее осведомленностью, ответил:

— Да, собираюсь, но не знаю, когда...

— Разве вас кто-нибудь держит в Стамбуле? Саид промолчал.

— Я бы на вашем месте поехала, — сказала молодая женщина. —Я видела вас на поле и могу сказать: у вас все задатки футболиста... Поезжайте.

Айсель непринужденно болтала, остроумно шутила, и Саиду было хорошо и покойно около нее.

К началу второго тайма возбуждение болельщиков достигло предела. Судья, предчувствуя надвигающуюся катастрофу, приказал держать запасной выход открытым на тот случай, если зрители ринутся на поле.

Не успела игра возобновиться, как пошел дождь, и футболисты оказались с ног до головы в грязи. На мяч больше никто не обращал внимания, все были заняты Друг другом. По мячу били лишь тогда, когда он сам подкатывался под ноги. И когда на пятнадцатой минуте мяч улетел за пределы поля, соперники, не заметив этого, продолжали борьбу. И вдруг!..

Словно небо обрушилось на землю. Над стадионом пронесся крик десяти тысяч глоток: «Го-о-ол!» Судья засвистел что есть силы.

А случилось вот что: нападающий ГВН послал в ворота ПыС'а вместо мяча, который лежал от него в пятидесяти шагах, ком глины. Зрители немедленно заорали «Го-о-ол!» — а судья свистнул.

«Столбы» бросились к судье доказывать, что никакого гола нет и сетка ворот пуста. После длительных препирательств и взаимных угроз гол не был засчитан. Через пять минут рубка возобновилась в еще более высоком темпе. Дождь, правда, перестал, но футбольное поле

превратилось в болото, а футболисты были грязнее трубочистов. И несмотря на все это, обе команды самоотверженно защищали свои ворота.

Айсель весело комментировала события, происходившие на поле. По ее словам получалось, что Ахмед занят главным образом тем, что рубит без разбора всех «Нуждарей», которые ему попадаются под ногу, ну а кто не попадает, в тех он плюет или просто грозит им кулаком. И хотя на поле он больше вроде бы ничего не делает, все равно его считают и будут считать лучшим игроком «Столбов». Саид слушал ее репортаж и смеялся.

— Эй-вах! — воскликнула вдруг Айсель. — Бьют кого-то.

— Кого?

— Не могу разобрать. Наверное, кто-то из наших попал в руки «Столбов».

На поле выбежали полицейские. Молодого игрока унесли на носилках. Оказалось, что «Столбешники» уложили своего же защитника, то ли из-за неразберихи в суতোлке, то ли в порыве слепого остервенения. Поле покидали все новые жертвы, павшие в жестокой борьбе; в конце концов в обеих командах осталось всего семнадцать игроков.

Саид отметил про себя, что Айсель, хоть и звалась Испанкой, уступала Севим в темпераменте. Когда воротам «Нуждарей» грозил гол, она не вскакивала с места, не кричала, не менялась в лице, только крепче сжимала его локоть, — это ему нравилось, потому что он терпеть не мог, когда выставляют чувства напоказ.

— Наверное, игра так и кончится всухую, — произнес он и неожиданно для себя самого робко сжал руку Айсель.

— Нет, — отозвалась та, повторив его жест, — наши выиграют!

— Но защиту «Столбов» не прошибешь.

— Защита тут ни при чем, душа моя, — возразила Айсель. — Посмотрите, что делают ваши «Столбы» — оставляют свои ворота неприкрытыми. Беда только, что мяч сам в сетку не идет... Нет, я чувствую, что сегодня толку от наших не будет.

— Тогда как же они выиграют?

— С помощью «Столбов»...

И не успела она кончить фразу, как стадион снова взорвался от громоподобного крика: «Го-о-ол!»

— Ну, что я вам говорила? Ахмед взял да и забил гол в собственные ворота!

Хотя до конца матча оставалось еще пять минут, судья дал финальный свисток, решив не рисковать собственной жизнью, и что есть духу кинулся к запасному выходу. Но болельщиков так просто не проведешь. Они лавиной ринулись ему наперерез, и судье пришлось изменить курс. Дважды обежав стадион, преследуемый тысячной толпой, он юркнул в открытую дверь и оказался на улице. «Уф! Пронесло!» — простонал он, но

радость его была преждевременной: разъяренные болельщики уже настигали его. Впрочем, как известно, удирать всегда легче, чем догонять. Жаль, что в этот день некому было зарегистрировать новый мировой рекорд в беге на длинную дистанцию... Вместе с болельщиками в погоню включились уличные прохожие. Давно город не знал такого массового забега. Судья на ходу прикидывал: «Эх, добежать бы до обелиска Свободы, тогда спасен!» Он выскочил на площадь Таксим, трижды обежал вокруг памятника и оказался в хвосте своих преследователей. «Ловите мерзавца!» — громче всех закричал судья и тем спас свою душу. Толпа еще продолжала бег, но без лидера сбавила скорость и вскоре рассеялась.

После матча Айсель пригласила Саида к себе на чашку чая. Приглашение было столь многообещающим, что Саид не осмелился отказаться.

Айсель отпустила служанку, быстро переделась в пеньюар и занялась домашними делами. Она сама накрыла столик, принесла вино и раки... Кто же пьет чай? Саиду было удивительно спокойно возле этой женщины, ему казалось, будто он знает ее с незапамятных времен, — разве только с Рефиком он чувствовал себя столь же непринужденно. Первый раз женщина не насмеялась над ним, а вела себя, как с равным. Ведь даже тетушка и мадам Анжела относились к нему как к ребенку.

Саид провел чудесную ночь, первую счастливую ночь в своей жизни...

Проснувшись далеко за полдень, он позвал:

— Айсель! Прошу тебя, дорогая, принеси мне стакан воды!

Сказал и сам испугался, ведь даже к мадам Анжеле он не посмел бы обратиться столь бесцеремонно. «Что же она сделала со мной за одну ночь!..»

Айсель с улыбкой присела на край постели и протянула Саиду стакан с водой.

— Скажи, — робко спросил он ее, — что за человек я, по-твоему?

Айсель прижала голову Саида к своей груди и погладила ласково, как маленького.

— По-моему?... Ты из тех самых глупеньких, которые, поцеловав женщину, уже считают себя обязанными на ней жениться. Разве это не так?

Саид оцепенел: очаровательная женщина оказалась дьявольски проницательной...

Уже после завтрака Саид вдруг подумал, что в нем произошла какая-то удивительная перемена. Неужели от его застенчивости не осталось и следа?..

С каким гордым и независимым видом он шел по улице! И как с ним бывало уже не раз, ему захотелось сразу же обо всем рассказать Рефику. Он вскочил в такси, примчался к своему другу и прямо с порога закричал:

— Свершилось! Свершилось чудо!..

Рефик ничего не спрашивал, он все понял и обрадовался не меньше Саида.

В утренних газетах только и писали что о вчерашнем матче. В адрес ПыС'а было высказано много горьких и справедливых слов. «Нет, ПыС не имел права проигрывать даже с минимальным счетом!» — говорилось в одном отчете, здесь же были намеки на то, что нападающим ГВН дали допинг, а защиту ПыС'а подкупили. «Столбы» плясали твист у своих ворот, словно приглашая «Нуждарей» забивать голы в ворота ПыС'а, на что противники резонно отвечали: «Уж если вам так хочется, забивайте себе сами!» И вообще, зачем тратить деньги на допинг, когда даже он не помогает?..

Чем дальше, тем больше накалялись страсти вокруг этого матча. В спор вмешались министры. Так, одна влиятельная личность прямо заявила: «Футболист, в жилах которого течет турецкая кровь, за деньги не продается!» Но вмешательство верхов только подлило масла в огонь. Больше всех запутал спор один левый журналист, который, по общему убеждению, находился на содержании северных соседей. В своей статье «В здоровом теле здоровый дух» он поздравлял Ахмеда с тем, что тот наконец забил мяч в собственные ворота. Ясно, что подобные заявления должны были дискредитировать турецкий футбол в глазах мирового общественного мнения.

Впрочем, важно было не только выяснить причины поражения чемпиона страны, но и найти виноватого. На этот раз ссылки на ветер, который дует не туда, или солнце, которое светит в глаза, никого убедить не могли. Поэтому, к великой радости футболистов ПыС'а, всю вину возложили на англичанина Томпсона.

У бедняги Томпсона осталось только два выхода: либо уложить чемодан и покинуть Турцию (чего он никак не хотел делать), либо стать тренером ГВН.

Тем временем в обществе, от которого, конечно, ничего никогда не скроешь, начали шушукаться об интимных отношениях между Айсель и Саидом. Узнала об этом и Севим. А она, как известно, была женщиной решительной и не любила отдавать то, что по праву принадлежит ей. Правда, сначала она не придавала всем этим разговорам и газетным сплетням никакого значения — о ней и не такое писали, — но когда она собственными глазами увидела Саида в машине Айсель, то готова была лопнуть от злости: у нее из-под носа среди бела дня уведут жениха! Этот тип все слепым притворялся да глупеньким, а тут сразу прозрел!.. Как же она так опростоволосилась?..

Севим заперлась в своей комнате и целый день голосила на весь квартал: Ферфейерверки вынуждены были срочно вызвать Ахмеда.

— Ну-ка, открой! — строго сказал он.

И Севим, зная, что если ему не открыть, то он спокойно высадит дверь одной левой, пришлось капитулировать. После этого они вчетвером принялись обсуждать создавшееся

положение.

— Конечно, Мехджуре, это ты во всем виновата, — сказал Хасип-бей. — Недаром говорят, надо ковать железо, пока горячо. Разве я не прав, Ахмед? А ты все капризничала: то тебе унитаз не нравится, то хрустальный сервиз не по душе... Вот мы и сидим на бобах...

Севим сквозь слезы запричитала:

— Даже его тетка говорит, что из-за тренировок, таблеток, микстур и разных витаминов он совсем ума лишился. Это ты виноват, Ахмед, ты его познакомил с англичанином...

Ахмед не привык считать себя виноватым, поэтому сказал:

— Уже не ревнуешь ли ты его к цыганке Айсель?

— С какой стати я буду ревновать его к этой образине? Случись такое после свадьбы, я вообще бы слова не сказала. Ну и ловкач. Вот тебе и плохое зрение! Как это он вдруг зрячим стал? Вот я чего не понимаю...

— В торговле есть святое правило, — опять заговорил Хасип-бей, — проданный товар обратно не принимается и не обменивается. Раз вы обручены, этот тип обязан на тебе жениться!

— Я не товар! — взвизгнула Севим.

— Товар, товар! — успокоил ее Ахмед и похлопал по тому месту, по которому обычно хлопают.

— Предоставьте это мне, я все улажу, — энергично сказал Хасип-бей.

— Ты только твердишь: «Я улажу, я сделаю!» Что ты сделаешь?

— Подам на него в суд! Пусть платит!..

— Не лезьте вы не в свое дело! — решительно потребовала Севим. — Я сама все улажу!

Еще некоторое время Севим спокойно наблюдала за пашнями своего жениха и Айсель. Уверенная в себе, она и мысли не допускала, что Саид может к ней охладеть. В один прекрасный день Севим отправилась к нему домой, чтобы наконец выяснить отношения. Беррин-ханым, которая ни о чем, конечно, не подозревала, ласково встретила ее, провела в гостиную.

— Как поживаете, дочь моя? — спросила она.

— Благодарю вас, ханымэфенди. А вы? Надеюсь, здоровы?

— Слава Аллаху, дочь моя, у нас все в порядке... Как ваша почтенная родительница?

— Спасибо, ханымэфенди, она шлет вам привет и уважение...

— Благодарю, дочь моя, и ей передайте мое уважение. А ваш почтенный отец?

Севим подумала, что она сейчас сойдет с ума от этих вопросов, но проявила выдержку.

— Он в добром здравии, спасибо, ханымэфенди, он шлет вам особый привет и особое уважение.

— Благодарю, дочь моя. А как Ахмед-бей? — продолжала она, справедливо полагая, что он тоже член этой семьи.

Севим чуть не задохнулась от ярости, но ответить не успела, потому что вошла мадам Анжела, неся на подносе кофе. Как подобает экономке вельможного рода Рыжисынов, она церемонно спросила:

— Как поживаешь, дитя мое?

— Мерси, хорошо, — процедила Севим сквозь зубы.

— А как твоя почтенная годительница?

— Мерси, хорошо.

Зазвонил телефон. Мадам Анжела поспешила к аппарату, на ходу приговаривая:

— Опять, навсего, та женщина спгашивает Саид-бея...

Беррин-ханым недовольно нахмурилась, а Севим наострила уши, чтобы не пропустить ни одного слова. Прикрыв ладонью трубку, мадам Анжела повернулась к ним и сказала, скорчив кислую гримасу:

— Ну, конечно, так и есть, это из бага... Беррин-ханым смущенно потупилась и покраснела.

— Дочь моя, в котогый газ ты уже звонишь сегодня, — кричала мадам Анжела в трубку, — можно подумать, что ты не понимаешь по-тугецки!.. Как же мне с тобой газговагивать? — и опять прикрыла рукой трубку: — Эти женщины словно взбесились. Подай им нашего Саида, и все! Они его, бедного, на куски газогвут...

По правде говоря, спрашивали вовсе не Саида, просто мадам Анжела не могла отказать себе в удовольствии позлить Севим за то, что она причинила столько страданий ее любимцу.

Беррин-ханым посчитала, что наступила подходящая минута для обстоятельного разговора.

— Дочь моя, я хочу поговорить с вами откровенно и прошу не обижаться на слова старой женщины. Вы не должны были оттягивать свадьбу... Теперь Саид очень изменился...

Мадам Анжела радостно закивала головой:

— Да, да, очень изменился наш Саид-паша...

— Раньше он был как ангел, — продолжала Беррин-ханым, — краснел даже при звуках женского голоса... Теперь его словно подменили.

— Это англичанин пегеделал нашего Саида, — не унималась мадам Анжела. — Он был тихим ягненком, а стал бешеным быком...

— Давайте вместе спасать Саида, он любит вас, дочь моя, он не посмеет вас послушаться...

Надо что-то делать!.. Раньше он обо всем мне рассказывал, а теперь от него и слова не добьешься... Ах, дочь моя, только вы одна можете спасти его! Выходите за него поскорее замуж и оградите его от этого футбола!

Севим слушала Беррин-ханым, а думала о другом: только теперь, когда между Саидом и ею встала Айсель, она вдруг поняла, что не может от него отказаться — он нужен ей самой.

И уж совершенно забыв о женской гордости, сказала:

— Я пришла, надеясь увидеть его дома... Где он? Женщины растерянно переглянулись: вопрос застал их врасплох.

— А разве вы с ним не видитесь?

— Он заходил к нам позавчера, — поспешила ответить Севим.

После этих слов наступило долгое молчание.

— Разве вы не знаете, дочь моя... — начала Беррин-ханым.

— Чего я не знаю?

— Ведь он улетел в Америку...

— А-а! — простионала Севим. — Он мне говорил, что собирается уезжать, но... так внезапно... Меня, правда, не было в Стамбуле... Он улетел один?

— Один...

— Когда?

Саид улетел неделю назад, но, коль он был у Севим позавчера, чтобы не ставить ее в неловкое положение, деликатная Беррин-ханым ответила: — Вчера утром, дочь моя...

— Он, конечно, заходил к нам, но меня, очевидно, не было дома...

Севим не помнила, как она очутилась на улице...

Проводить Саида в аэропорт приехали доктор Рефик, Аркан-бей, мистер Томпсон и Айсель.

Саид и Айсель прощались, как любящие супруги. Приложив платок к глазам, она тихо проговорила:

— Напиши сразу же, как приедешь, я буду очень волноваться...

Тетушка тоже вздумала ехать на аэродром, но Саиду удалось ее отговорить.

Четверо провожавших, словно сговорившись, никому слова не сказали о его отъезде, и новость эта не попала в колонку светской хроники.

Сперва Севим ждала от жениха письма, потом попыталась узнать его американский адрес.

Но Саид писал только Айсель, его нескладные письма дышали любовью...

Тем временем подошел день отъезда команды ПыС в Бухарест. Севим наотрез отказалась ехать: ей все казалось, что, как только она покинет Стамбул, от Саида придет письмо.

Ни просьбы Дюндара Болтун-бея, ни настояния Ахмеда, ни даже уговоры Хасип-бея не поколебали решения Севим. «Неужели тебе безразлично, как сыграет ПыС? — спрашивали ее. — Или тебе не дорога честь турецкой команды?» «Если ты не поедешь, — твердили друзья, — Ахмед наверняка сыграет плохо... Имей в виду, Севим, команда без тебя

проиграет!»

Нет, нет, что бы ни говорили, она все равно не поедет!..

В один прекрасный день на первой странице своей газеты Эрол Аркан-бей поместил фотографию Саида в футбольной форме. Что это? Севим не верила своим глазам: «Новая звезда ГВН — Саид Рыжисын. Америка приветствует восходящую звезду турецкого футбола» — прочла она подпись под снимком. Через несколько дней появилась еще одна фотография. Саид вместе с товарищами по команде. В небольшой заметке отмечались успехи молодого турецкого футболиста, забившего несколько мячей в ворота противника, команда Саида одержала внушительную победу.

Постепенно о Саиде заговорили и другие газеты. Севим совсем растерялась. Неужели все, что о нем пишут, правда? Во-первых, всем известно, что американский футбол только-только развивается, а во-вторых, — и это главное, — когда Саид успел стать игроком ГВН?

Пока мысли ее были заняты Саидом, команда ПыС успешно проиграла в Румынии. В репортажах о матче газеты весьма недвусмысленно намекали, что именно она, Севим Ферфейерверк, виновата в поражении непобедимой команды. По этой причине после возвращения домой никто из «Столбов» к ней даже не зашел, за исключением Ахмеда, который, видно, считал себя виновным за то неловкое положение, в котором оказалась Севим.

А затем произошло совершенно непредвиденное событие: владелец дома, предназначавшегося для молодоженов, обратился в суд, предъявив иск о неуплате арендной платы за четыре месяца. Получив уведомление от домовладельца, Беррин-ханым сначала растерялась и кинулась за помощью к адвокатам, которые когда-то вели дела Рыжисынов, на чем изрядно разбогатели. Но те не спешили помочь своей клиентке, зная, что от наследства Шафран-заде уже ничего не осталось.

Беррин-ханым едва сдерживала слезы, вспоминая, с какой любовью Саид занимался устройством семейного гнездышка, сколько раз все переделывал, чтобы угодить будущей теще.

— Попробуйте уговорить домовладельца подождать до возвращения Саида, — просила она адвокатов.

— Это напрасная трата времени... Надо платить, иначе все пойдет с молотка!

Тогда старая женщина решила посоветоваться с Севим, — ведь для нее же Саид свил это гнездо. Предупредив по телефону о своем приходе, она вскоре явилась к Ферфейерверкам с дорогим подарком.

Севим обрадовалась, ей так хотелось узнать о женихе. Приветливо встретив Беррин-ханым,

она вежливо отвечала на все ее бесконечные вопросы и терпеливо выслушала путаный рассказ о денежных затруднениях семьи Рыжисынов. Для Ферфейерверков новость была неожиданной, вот уж никогда нельзя было подумать, что богатство вдруг иссякнет, а наследник останется ни с чем. Мехджуре-ханым испытывала даже некоторое угрызение совести: если бы не бесчисленные ее капризы, Севим давно бы уже хозяйничала в доме мужа. А теперь — ни мужа, ни дома, одно название, что невеста...

— Вы знаете, ханымэфенди, — говорила Беррин-ханым, — Саид заплатил за квартиру за год вперед. Я, правда, там ни разу не была, но, по словам Саида, вы остались всем довольны... Мой Саид, да пошлет ему Аллах здоровья, из-за рассеянности забыл, конечно, что прошел не только год, но еще и четыре месяца. Домовладелец грозит, что продаст мебель с аукциона. Ведь квартира предназначена для молодых, вот я и пришла посоветоваться с вами. Когда вернется Саид, неизвестно... Правда, в письме он написал, чтобы я продала вещи и расплатилась с хозяином. Но ведь жалко!..

Глава семейства Ферфейерверков, узнав обо всем от дочери, холодно сказал:

— Я подумаю! Севим заплакала.

— Что ты реवेशь? Я же сказал, что подумаю. Уж и подумать нельзя...

Пока Хасип-бей размышлял над тем, вносить или не вносить арендную плату, Севим узнала заокеанский адрес жениха и написала ему длинное слезное письмо. Ответил Саид не скоро. Когда Севим уже совсем потеряла надежду, от него пришла коротенькая открыточка, и в ней он извещал, что собирается в ближайшее время домой, а о том, что делать с квартирой, ни слова не говорилось.

Хасип-бей тем временем навел необходимые справки о финансовом положении семьи Рыжисынов и выяснил, что деньги у них на исходе, а тетушке Беррин-ханым пришлось даже расстаться с частью своих драгоценностей — так плохо обстояли дела. Хасип-бей был уверен, что теперь-то его умница-дочь обязательно отвергнет жениха. Однако Севим и слышать об этом не хотела, настаивая, чтобы отец заплатил за квартиру.

— У твоего типа ничего нет! Пойми, он разорился... Или ты не понимаешь? — горячился Хасип-бей.

— Понимаю и тем более не могу отвернуться от него в такой момент...

Мехджуре-ханым поддерживала мужа во всех его доводах:

— Денег у него нет, ума нет, красоты нет, славы нет. Так что же у него есть? За что его любить?.. Чего ты за него цепляешься?

Но никакие доводы не действовали, Севим Грифон не могла и не хотела признать свое поражение.

ИЗ АМЕРИКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДРУГОЙ САИД

Сначала из Америки шел поток писем. Саид писал Айсель ежедневно, но постепенно бурный поток превратился в речку, потом в ручеек, и в конце концов источник иссяк. Когда Саид возвращался из Америки, его встречали трое: доктор Рефик, Эрл Аркан и мистер Томпсон. (Таково было его желание: он просил никому не сообщать о своем приезде.)

Даже доктор Рефик поразился той перемене, которая произошла с его другом: от прежнего Саида не сохранилось и следа, будто тот так и остался в Америке навсегда. Рефик увидел перед собой совсем другого Саида. Прежнему Саиду было безразлично, как он одет: пиджак вечно болтался на нем, как на вешалке, а брюки всегда сползали с его тощих бедер. Из самолета вышел теперь элегантный мужчина, живые глаза его блестели, на устах сияла ослепительная улыбка.

Этот Саид даже не спросил ни о Севим, ни об Айсель...

Тетушка Беррин-ханым, встретив племянника на пороге дома, тотчас упала в обморок, и мадам Анжела долго отпаивала ее мятными каплями. Бедной тетушке в отсутствие Саида пришлось пережить немало трудных дней, и поэтому, едва очнувшись, она поспешила излить душу. Да, она сделала все, как он просил: продала мебель и заплатила долг хозяину дома, но все равно она была вынуждена продать часть своих драгоценностей, чтобы поддерживать порядок в старом особняке Шафран-заде.

Когда Саид поднялся к себе после беседы с тетушкой, в дверь позвонили: узнав о его возвращении, явились агенты строительной фирмы с предложением на месте особняка построить современные жилые дома.

— Ах, Саид, я совсем забыла тебе рассказать об этих людях. Не успел ты уехать, как они стали насаждать на меня со своими ужасными проектами. Я скажу, что ты устал с дороги и примешь их после.

Однако Саид спустился вниз и долго с ними беседовал. Когда за посетителями закрылась дверь, тетушка сказала:

— Сынок, прошу тебя, один ничего не решай! Надо, чтобы собрались все наши.

Саид снисходительно улыбнулся.

— Кто наши?

— Как кто, сынок? Абдюшюкюр-бей, Кысмети-бей, Зихни-бей, Зюбейде-ханым...

Помнишь, они приходили, когда ты намеревался жениться?

— Стадо ископаемых... — Тетушка закрыла лицо руками, она не хотела, чтобы племянник видел ее слезы. Ах, Америка, Америка! Что она сделала с ее дорогим мальчиком!

— Да успокойтесь вы, тетушка! Те, кого вы называете «нашими», уже успели выжить из ума.... Будь у них хоть малейшее право на наш особняк, они давно бы растащили его по частям. Они и так слишком долго жили за наш счет!

Беррин-ханым была потрясена. Неужели Саид и ее считает нахлебницей? Ее, которая заменила ему мать!..

— Вспомните, тетушка, время, когда все они от нас отвернулись, как только поняли, что в этом доме больше нечем поживиться. Тогда их словно ветром сдуло! Разбежались по своим норам, оставив нам особняк, который, того и гляди, развалится.

Эрол Аркан-бей постарался, чтобы известие о возвращении Саида из Америки попало во все стамбульские газеты. Сообщение о его приезде шло под крупными заголовками.

Узнав из газет о возвращении жениха, Севим призадумалась: что же ей теперь делать?

Пойти к нему или ждать, когда он сам объявится?

Она долго разглядывала фотографии: как непохож вернувшийся Саид на того, которого она звала «мой тип». Она смотрела и с обидой думала, скольким ей, Севим Грифон, пришлось пожертвовать из-за него: в Румынию не поехала, любовников новых не заводила, разве что любила Ахмеда, да и то по привычке. А Саид? Неблагодарный! Вернулся и не появляется! Мама права... И Севим заплакала от великой жалости к самой себе.

Сквозь плач она слышала чьи-то голоса в гостиной, а потом, проходя в ванную, из коридора увидела, как за столом сидит и пьет кофе интересный молодой человек. И не успела она погрузиться в теплую воду, как в дверь ванной постучала горничная и зашептала:

— Севим-ханым! Там пришел ваш жених, Саид-бей!..

Запахнувшись в махровый халат, Севим стремительно вбежала в гостиную.

— Саи-ид! — закричала она и повисла у него на шее. — Ты ли это?!

Она усадила дорогого гостя в кресло, а сама пристроилась бколо него на ковре и, положив руки ему на колени, все говорила:

— Ах, я не верю собственным глазам! Как ты изменился!..

Перед ней сидел сильный, уверенный в себе мужчина.

— Помнишь, Саид, — продолжала она, — ты сказал, что женишься на мне, когда займешь прочное место в моем сердце?..

Как же мог он об этом забыть? Конечно, он помнил, но воспоминания о прошлом теперь ровно ничего не значили для Саида.

Севим вскочила и закружилась по комнате. Саид спокойно наблюдал за ее лихорадочными движениями, невольно сравнивая Севим с другими женщинами и думая, что все они ведут

себя в общем-то одинаково, когда не уверены в победе. Севим не могла подозревать, что жених ее не только снял очки, но и прозрел и никакая пелена больше не застилает от него этот обыкновенный мир.

Пришел Ахмед. Севим привычно поцеловалась с ним, и Саид понял, что не может даже ревновать невесту. И жениться на ней тоже, конечно, не может...

Мужчины пожали друг другу руки. Ахмед разглядывал Саида с нескрываемым любопытством, словно перед ним был совершенно незнакомый ему человек. Даже в его рукопожатии была покоряющая уверенность и в то же время подкупающая детская искренность. А как шикарно он был одет!..

— Что будем пить? — спросила Севим.

— Если можно, виски, — ответил Саид с очаровательной улыбкой.

Севим, что-то тихо напевая, принесла виски. Потом уселась рядом с Ахмедом, опять же по привычке, не понимая, что в присутствии жениха этого делать все-таки не следует. А Саид опять невольно улыбнулся: ничего в этом доме не изменилось.

— Чему ты все улыбаешься? — спросила Севим.

— Так...

— О чем ты сейчас подумал? Ну, скажи!

— Да ни о чем...

А Саид вспомнил, как давным-давно он сидел в углу этой гостиной и, ничего не понимая, слушал воркованье Севим с Ахмедом, а потом невеста бросила ему в лицо обручальное кольцо лишь потому, что он имел неосторожность вмешаться в их интимную беседу.

Его привело сегодня к Севим не только чувство долга или обыкновенная воспитанность, нет, он пришел к ней, чтобы сказать, что она отныне свободна — брак их невозможен... Да, невозможен, — он старался укрепить себя в этой мысли.

Первым вспомнил о делах, конечно, Ахмед. Он завел разговор о свадьбе и без дальних слов спросил, когда Саид собирается ее назначать и где они будут жить, поскольку от квартиры пришлось отказаться.

Вместо прямого ответа Саид прибегнул к иносказанию:

— Представьте, произошла авиационная катастрофа. Упал и разбился самолет. В газетах высказываются разные предположения, все теряется в догадках о причинах катастрофы.

Никто ничего не может точно сказать, ибо все приборы были в порядке, а моторы работали безотказно. Тогда почему же разбился самолет? Тут возможен один гипотетически верный ответ: умер металл...

Его слушали внимательно, но по всему было видно, что никто ничего не понял. Тогда Саид привел другой

пример:

— Неожиданно рушится готовое здание, построенное по всем правилам строительной техники. Никто не может понять причины: ни архитекторы, ни строители, ни инженеры. А рухнуло оно от слабого подземного толчка, возможность которого никто не принял в расчет...

И опять никто ничегошеньки не понял, хотя от эрудиции и образованности Саида слушателям стало не по себе. И почему это раньше все твердили, будто этот тощий очкарик, кроме своей арифметики, ничего не знает? Правда, не осталось ни очкарика, ни того тощего растяпы.

Севим начала нервничать. Саид это понял по тому, как она мяла платок в руке, ~ш попытался еще раз объяснить:

— Вот, к примеру, старинная фамилия, родословная которой насчитывает не одно столетие. Из такой семьи выходили великие люди — генералы, государственные деятели, ученые. Но род оскудевает, и наступает время полной деградации, фамилия умирает...

И опять он говорил впустую — они так ничего и не поняли.

Ахмед не выдержал и ушел.

А Севим... Не успела за Ахмедом закрыться дверь, как она закатила Саиду сцену ревности из-за Айсель, Привычным жестом она схватилась было за палец, чтобы — в который раз! — швырнуть Саиду обручальное кольцо, но вдруг замерла — кольца на пальце не было: пока жених отсутствовал, живя в Америке, она ни разу не надела его.

— Не трудись! — сказал Саид и поднялся с кресла. — Счастливо оставаться!

ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ ПЫСА

Неудачная игра ПыС'а в стране и за рубежом вызвала столь мощный взрыв общенародного негодования, что в правлении клуба начались разногласия и произошел раскол. Росла оппозиция против руководства, в правлении создавались враждующие группы и группировки.

— Вот посмотришь, старина, — сказал Аркан-бей Саиду, — до начала ежегодного собрания членов ПыС'а наш Болтун-бей разобьет оппозицию еще на несколько групп, и, кроме «Несокрушимых Столбов» — его главных противников, — появится масса мелких групп, которые он сам же и создаст.

— Как так? — удивился Саид. — Зачем же ему создавать оппозицию против самого себя?

— Для того, старина, чтобы уничтожить противника, нужно внести раскол в его ряды. Одно дело — струя из брандспойта, а другое — душ из лейки. Смекнул, старина?

Все пошло так, как предсказывал Аркан. Новые группировки росли, как грибы после дождичка: помимо «Несокрушимых Столбов» возникли новые ассоциации и альянсы, братства и товарищества: «Пыль только Столбом», «ПыС ради ПыС'а», «Все за ПыС», «Нет ПыС'а кроме ПыС'а», «Никакой вражий лоб не свалит наш Столб» и даже просто «Станем Столбами!».

— Ты пойми, старина, — не унимался Аркан, — в каждой такой группке у Болтун-бей есть свои люди. Почему я так думаю? Потому что каждый раз, когда разваливается старое правление, Болтун неизменно оказывается в новом!

Споры между оппозиционными группами достигли такого накала, что дело дошло до суда. «Несокрушимые Столбы» настрочили жалобу, обвинив генеральный совет в том, что он разбазаривает клубные деньги, и суд постановил опечатать кассу клуба.

Собрав генеральный совет, Дюндар Болтун-бей задал единственный вопрос: «Должны мы дать достойный ответ оппозиции?» И тут же ответил: «Должны!.. Помните, «Несокрушимые» объявили нас самозванцами! По какому праву они нас так называют? Разве нас избрали в генеральный совет не тайным голосованием? Мы должны предъявить им встречный иск, коллеги! Мы должны устроить им суд чести!..»

Члены совета единогласно его поддержали: «Ну и молодчага наш Болтун-бей!..» Получив согласие генерального совета на встречный иск, Болтун-бей собрал оппозицию и успокоил ее: «Вы этого суда чести не бойтесь, я научу вас, как и что говорить...»

— Таков этот человек, — продолжал свой рассказ вездесущий Аркан. — Он может, например, войти в комнату, где собрались незнакомые ему люди, и сразу же вступить с ними в разговор, ухитриться за полчаса всех их перессорить, а потом помирить... Недаром его величают «Великий кормчий».

Во всех газетах появилось сообщение о дате, времени и месте проведения годового собрания членов клуба ПыС.

— Как думаешь, Эрол, будет Болтун-бей избран в новое правление? — спросил Саид.

— Конечно, будет! — не задумываясь, ответил самый объективный спортивный комментатор. — Удивительно ловкий человек этот Болтун. На моей, старина, памяти уже несколько таких собраний было, и всякий раз он какой-нибудь номер выкидывает. Вот однажды собрались все и ждут открытия заседания. Вдруг то в одном, то в другом конце послышались взрывы хохота. «Что за чертовщина?» — подумал я, гляжу, люди обступили кого-то и животы надрывают. А это наш Дюндар Болтун-бей непристойные анекдоты рассказывает. Да как! Заслушаться можно! Все вокруг него так и мрут со смеху. А он ходит

от одной группы к другой и народ потешает. Все словно забыли, зачем сюда пришли. А тут Дюндар Болтун-бей вышел на трибуну и говорит: «Друзья, не будем терять времени.

Прошу уважаемое собрание перейти к первому вопросу повестки дня». А у собравшихся игривое настроение, никому и заседать неохота, Дюндару только того и нужно, он быстро ставит свои предложения на голосование, и все дружно поднимают руки.

А вот тебе другой случай: идет заседание, и выступающие клеймят Дюндара, желая провалить его кандидатуру. Все думают, что Дюндар будет защищаться, а он спокойно говорит: «Справедливость сама дорогу найдет!» Его ругают целый день. Под вечер, когда все устали, наш Болтун выпускает на трибуну Мадика Салиха, который играл за ПыС еще со дня его основания. Более занудного и многословного оратора не слышал в жизни! Скоро в зале ни одного бодрствующего не осталось — все заснули от красноречия Мадика Салиха. Ну, а тот вспоминает о временах оккупации Стамбула в начале двадцатых годов, когда беспредельная любовь турок к родине помогла им обыграть англичан. Чтобы не уснуть, я щипал себя, пробовал записывать — все напрасно. Не дремали только оратор да Болтун-бей. Не помню, сколько времени Салих говорил, — такому только дай волю, он до смерти заговорит, — хорошо, кто-то догадался его с трибуны стащить. Пока все приходили в себя, слово взял Болтун-бей. Но люди уже слушать не могут, кричат: «Мерзавец ты, Болтун-бей! Пусть по-твоему будет, только закрывай собрание, сил больше нету!»

Тогда председательствующий поставил вопрос на голосование, и все, как по команде, подняли руки, старина!..

В прошлом году перед общим собранием члены клуба поклялись не выбирать больше Болтуна-бея. Он об этом узнал, и не успел председатель открыть собрание, как наш Болтун уже стоял на трибуне: «Вот вы говорите ФИФА, ФИФА! — начал он свою речь. — А кто из вас знает, что это такое?» Ведь даже тебе, старина, новичку в футболе, известно, что такое ФИФА. Какие тут разговоры могут быть?

И все-таки собрание попало на удочку Болтуна-бея. Разгорелись жаркие дебаты, чуть до драки не дошло. Кончилась дискуссия тем, что какой-то болван вскочил на стул и спросил, знает ли кто-нибудь, что такое «два нуля»? Каково? Болтун-бей стоит в сторонке и спокойно наблюдает за происходящим. Крики, шум до полуночи продолжались. А на следующий день Болтун-бей опять стал членом нового правления...

Чего он только не устраивал, старина! Ты слышал историю с флагом? Нет? Тогда слушай! Решил Болтун-бей сбросить с поста почетного президента клуба одного человека, которого недавно избрали депутатом в меджлис. Как только началось собрание, Болтун-бей встал и заявил, что собрание неправомочно. «Как? Почему?» — закричали со всех сторон. «А потому, — пояснил он, — что в зале нет турецкого флага! Очень жаль, дорогие коллеги, что

среди нас оказались люди, которые не уважают наш священный турецкий флаг, овеванный славой!»

Что тут началось, старина! Несчастный президент со слезами на глазах умолял найти флаг. Все старались показать себя горячими патриотами, кричали: «Да, да! Дюндар прав, как можно без флага!» — «Это происки левых! — заорал кто-то. — Среди нас затесались левые! — И все потонуло в мощном крике: «Смерть коммунистам!» Поглядел бы ты, старина, на президента, только что испеченного депутата: жалким голосом он лепетал: «Да поможет нам Аллах, найдите где-нибудь флаг!» — И чем же это кончилось? — поинтересовался Саид.

— Чем могло кончиться, старина? Председатель был так напуган, что умолял Болтун-бея спасти положение: «Делай что хочешь, Болтун-бей, пусть будет по-твоему!» Тогда Болтун-бей вышел на трибуну и сказал: «Друзья мои! Наш флаг — это наша честь, наша кровь! Тот, в чьих жилах течет благородная турецкая кровь, не может быть коммунистом! Левым здесь не место!» Потом он вытащил большой флаг, водрузил его над трибуной, предварительно поцеловав краешек... После собрания выяснилось, что Дюндар-то и спрятал флаг, но президента он спихнул и сам остался на прежнем месте...

Так, в разговорах, Эрол с Саидом дошли до конторы Болтун-бея, которая скорее напоминала бар. Подождав, когда собравшиеся журналисты уничтожат выставленную для них батарею бутылок со спиртными напитками, Дюндар Болтун-бей сказал:

— Поторопитесь, господа, заседание начинается через полчаса в доме восемнадцать.

— Это где?

— Поедем все вместе, я покажу.

Следуя за машиной Болтун-бея, участники собрания приехали к дому номер восемнадцать и, спустившись вниз на несколько ступенек, оказались в каком-то неудобном зале.

Оглядевшись по сторонам, Аркан недоуменно пожал плечами.

— Пока не могу понять, почему мы здесь, но ясно одно: наш дорогой Болтун-бей опять что-то задумал. Первый раз вижу, чтобы столь важное собрание устраивалось в таком захудалом помещении, — какой-то подвал для хранения овощей.

— Почему же не проводят собрание в помещении клуба? — поинтересовался Саид. — Там гораздо просторнее.

— Видно, Болтун-бей испугался, что явится слишком много народу.

Странное дело, давно прошел назначенный час, но кроме журналистов и приехавших вместе с Дюндаром нескольких членов генерального совета никого не было. Болтун-бей волновался, — не хватает людей даже для президиума, — звонил по телефону, прося отсутствующих членов правления срочно явиться на собрание. После длительных

телефонных переговоров приехал всего один человек. Болтун-бей предложил перенести собрание на следующий день ввиду отсутствия кворума.

— Что за чепуха! — запротестовал какой-то журналист. — Целый месяц газеты только и писали об этом собрании, а народу нет... Где «Несокрушимые Столбы»? Где «Пыль Столбом»? Где «ПыС ради ПыС'а»?

— Кажется, нас оставили в дураках! Остолбеть можно, — ехидно заметил Аркан-бей.

Со всех сторон раздались возмущенные голоса: «Позор! Жульничество!»

— Где этот подлец?..

Разъяренные журналисты кинулись искать обманщика. В помещении вдруг погас свет, началась свалка, послышались крики, ругань и проклятия.

Откуда-то из угла неслись истошные вопли: — На помощь!.. Убивают!.. Спасите!..

Подоспела полиция, включили свет. Крики о помощи раздавались из шкафа, который стоял в углу. Когда открыли шкаф, оттуда вылез целехонький Болтун-бей. Почему он там оказался, кто его там убивал? — так никто и не понял. Словом, очередная афера генерального председателя провалилась. А Болтун-бею необходимо было выиграть время, вот он и решил оттянуть собрание. Он снял на одной из стамбульских улиц большой, удобный зал в доме под номером восемнадцать, о чем и было сообщено в газетах. Но кто не знает, какая неразбериха царит в Стамбуле с нумерацией домов! Оказалось, что на одной улице стоят два дома под номером восемнадцать. Болтун-бей преднамеренно отправился со своими людьми и журналистами по неправильному адресу, рассудив, что пока суд да дело он успеет как-нибудь провести собрание и надуть большинство, выступающее против него. Может быть, его затея и удалась бы, если бы одному журналисту не пришло в голову, что Дюндар привел их не туда, куда надо. Вот тогда-то Болтун-бей спрятался в шкафу, предварительно выключив электрорубильник.

После этих событий традиционное ежегодное собрание членов клуба ПыС началось в накаленной атмосфере.

— Видишь вон того человека? — Аркан толкнул сидевшего рядом с ним Саида. — Это Селим-бей, его прочат на место Дюндара, генеральным председателем. Если он только пройдет, старина, не бывать нашему Болтун-бею в правлении. Ходят слухи, что Селим-бей намерен выступить с разоблачениями деятельности Болтун-бея, но боюсь, наш приятель в долгу не останется и мы будем свидетелями драматических событий...

Только избрали президиум, как Болтун-бей уже выскочил на трибуну.

— У меня есть предложение!

— А ну, слезай с трибуны! — крикнул Селим-бей. — Держи свое предложение при себе!

В зале начался шум.

— Я предлагаю, — стараясь перекричать всех, воскликнул Болтун-бей, — избрать председателем сегодняшнего собрания всеми уважаемого Селим-бея! Друзья мой! Кто является самым достойным членом нашего клуба? Разумеется, Селим-бей!..

Шум в зале прекратился, все с интересом глядели на оратора.

— Кто оказал клубу больше всего услуг? — продолжал тот как ни в чем не бывало. — Конечно же, Селим-бей!

— Какие же они враги? — удивился Саид. — Слышишь, как он этого Селима хвалит!

— Это, старина, уловка, — отозвался Аркан, — не пойму, куда он клонит.

— Селим-бей для нас как старший брат, — все больше распалялся Дюндар Болтун-бей. — Он сделал для ПыС'а все, что может сделать человек, и даже сверх того. Именно поэтому я предлагаю избрать Селим-бея председателем нашего собрания.

Раздались аплодисменты.

— Ах, сукин сын, надо же такое придумать! — воскликнул Аркан. — Проглотил Селим-бея с потрохами, тот теперь и не пикнет. Если предложение Дюндара пройдет, Селиму уже не выступить против него! Понял, старина?

— Разве председатель не имеет права взять слово?

— Нет, он только предоставляет слово другим...

— Не хочу! Не хочу! — отбивался Селим-бей. — Мне надо выступить!

Но дело было сделано: несколько человек подняли Селим-бея на руки, пронесли через весь зал и усадили на председательское место. Не успел он объявить заседание открытым, как Болтун-бей снова оказался на трибуне.

— В порядке ведения собрания предлагаю почтить минутой молчания наших великих героев...

Зал поднялся. Прошла минута, две, три, пять... Болтун-бей стоит, и все стоят, ожидая, когда он подаст знак сесть.

В зале зашептались. Аркан сказал Саиду на ухо:

— Помяни мое слово, опять что-то задумал, прохвост!

Усадив наконец стоящих, Болтун-бей торопливо, чтобы его не перебили, заговорил:

— Друзья мои! Прошлой ночью на Бейоглу полиция задержала пьяного молодого человека. Да, он затеял драку!.. Когда же полицейский хотел доставить его в участок, молодой человек заявил, что его не имеют права трогать, так как он член национальной сборной по футболу. Так вот, друзья, я хочу вас спросить: не пора ли нам всерьез поговорить о моральном облике футболиста?..

И тут в зале такое началось! Каждый желал высказаться. Напрасно председатель пытался утихомирить собрание. Болтун-бей гордо стоял на трибуне.

— Послушайте! — закричал кто-то из задних рядов. — Помните спор про ФИФА и «два нуля»! Нас хотят заманить в ловушку. Кончай разговоры! Именем Аллаха! Будьте бдительны!

Человек так громко выкрикнул последнюю фразу, что все смолкли.

Аркан спросил Саида:

— Понял, старина?

— Пока нет.

— Прошу слова в порядке ведения, — опять раздался голос Болтун-бея.

Бедный Селим-бей вынужден был опять дать ему слово.

— Уважаемые коллеги, — сказал Дюндар Болтун-бей, — наше правительство искренне привязано к ПыС'у и всегда выказывало нам свою благосклонность. Предлагаю от имени нашего собрания послать приветственную телеграмму в адрес правительства.

И опять его предложение было принято. Кто-то выкрикнул из зала:

— Слезай с трибуны! А то мы никогда не кончим! Вошел курьер и положил на стол председателя кипу бумаг.

— Уважаемые коллеги! — сказал Селим-бей, взглянув на почту. — В адрес нашего собрания поступило много телеграмм. Секретарь президиума сейчас огласит их.

Секретарь начал читать телеграмму за телеграммой, но не успевал он разделаться с одной кипой, как курьер подносил новую.

— Сдается мне, что телеграммы послал сам Болтун-бей, — предположил один журналист.

— Вполне возможно, — согласился Аркан.

Приветственные телеграммы поступали до самого вечера. Когда с ними наконец было покончено, Болтун-бей попросил слова:

— В порядке ведения... Дорогие друзья, с сожалением должен констатировать печальный факт: впервые за всю историю существования нашего ПыС'а среди членов правления произошел раскол и образовалось много различных группировок. Это значит, что единству нашего спортивного движения грозит большая опасность. Когда мы приступим к голосованию, может произойти полнейшая неразбериха, если мы сейчас не уточним списки. Поэтому я предлагаю в списках кандидатов в члены правления возле каждой фамилии указать название группировки, которую данный кандидат представляет...

Списки кандидатов проверяли до полуночи...

Саид был настолько потрясен всем увиденным и услышанным, что, не сказав ни слова Аркану, покинул собрание, как только началась проверка списков.

На следующий день из утренних газет он узнал, что Дюндар Болтун-бей избран в новый состав правления клуба ПыС.

НОВАЯ ЗВЕЗДА ВЗОШЛА

Саид давно забыл, что безумная любовь к Севим привела его на футбольное поле. Ему теперь казалось, что желание стать футболистом родилось в нем от отчаяния — он хотел выздороветь, побороть свою застенчивость, физическую немощь. И, когда чудо это свершилось, он забыл и о невесте и о любви. Остался только футбол, который сделал из него человека.

После того как Аркан затащил Саида на годичное собрание ПыС'а, тому впервые представилась вся закулисная сторона профессионального спорта. Прозрение это было неожиданным для Саида, вера его в футбольные авторитеты поколебалась. Но сама игра — чувство радости от игры, от спортивного азарта, ощущение собственной физической силы и ловкости, жажда победы в достойной борьбе, — словом, игра, называемая футболом, была для Саида священна.

Дружба с Томпсоном оторвала Саида от ПыС'а, и, когда англичанин перешел тренером в ГВН, Саид ушел вслед за любимым тренером. Томпсон, который умел из ничего делать шедевры и за свою жизнь открыл не одну футбольную звезду, был неразлучен с Саидом, проводя с ним многие часы на футбольном поле.

Для Саида началась новая жизнь. Шли зональные отборочные игры. Англичанин все чаще выпускал Саида в основном составе, и имя его все чаще попадало в спортивную хронику. Большая пресса обратила внимание на Саида. И, как уже не раз бывало, разгорелся спор: где играть Саиду. Тренер ставил его на правый фланг нападения ГВН. Но там до сих пор играл Хайдар, за мощный удар прозванный «Дыроколом», — клуб (не надо забывать!) выложил за него немалые денежки.

Хотя сезон еще только начался, ГВН делал ставку на победу — он метил в чемпионы страны. Томпсону надо было срочно выбирать: Хайдар или Саид? На помощь тренеру пришел Аркан. За три дня до отборочного матча он заарканил Хайдара и не расставался с ним ни днем, ни ночью: они пили, веселились, танцевали, таскаясь по ресторанам, барам и казино.

Чтобы определить, кому отдать предпочтение, тренер в первом тайме выпустил Хайдара, а во втором должен был играть Саид.

Знаменитый Хайдар Дырокол оказался не в форме. Он не успевал за мячом: бессонные ночи взяли свое — мяч не шел на ногу, а сетка в воротах противника так и не узнала силу

пушечного удара Хайдара Дырокола. В завязавшейся схватке у ворот Хайдар умудрился разорвать на себе трусы и, окруженный товарищами, покинул поле.

Когда Саид вышел на поле, заменив Хайдара, его подташнивало. Он понимал: надо идти ва-банк! Еще Шекспир сказал: «Быть или не быть?» Сыграет он сейчас хорошо, быть ему первым нападающим в команде, а значит, играть во всех матчах и бороться за звание чемпиона... Даже мастер Томпсон, всегда такой уравновешенный, и то не мог справиться с волнением, ведь успех Саида — это его тренерская победа!..

Игра началась, и чувство страха уходило, уступая место уверенности в победе над собой, — Саид научился справляться со своими чувствами. И чем напряженнее становилась борьба на футбольном поле, тем увереннее играл Саид. Усилия мистера Томпсона не пропали даром, Саид блеснул красивой темпераментной игрой, он неустрашимо рвался к воротам, бил из любого положения, и зрители все чаще и чаще награждали его аплодисментами. В этом матче Саиду удалось забить единственный победный гол. Восторгу зрителей не было конца. Товарищи по команде на руках унесли Саида с поля. Место правого крайнего в нападении ГВН осталось за Саидом!

Впрочем, тут надо напомнить, что победе Саида над Хайдаром во многом способствовал самый беспристрастный комментатор Эрл Аркан. Хорошо, что все эти хитрости не были известны Саиду, иначе вряд ли он испытал бы истинную радость от своей победы.

Когда Томпсон пришел в раздевалку, чтобы поздравить своего питомца, вид у него был далеко не счастливый: около раздевалки Саида встретила Айсель, поздравила и при всех расцеловала героя матча. Саида мучило угрызение совести: он не только перестал ей писать из Америки, но и после возвращения ни разу не навестил свою «спасительницу». И от сознания своей вины Саид вел себя совсем как напроказивший мальчишка-школьник. Ему было невдомек, что Айсель пришла, чтобы присутствовать при рождении новой звезды, открытой ею, Испанкой Айсель!..

Саид не помнил, как оказался рядом с нею в машине. Но все, кто видел это, поняли: раз Испанка Айсель увозит Саида в своей машине, значит, возшла его звезда...

Айсель была, как уже говорилось, полной противоположностью Севим: ей и в голову не пришло звонить Саиду или разыскивать его, когда он вернулся из Америки.

— Ну как ты? — спросила она, будто рассталась с ним только вчера. — Ты прекрасно сыграл сегодня...

— Ты была на стадионе?

— Могла ли я, милый, пропустить твой первый матч? Тем более такой важный для тебя... Разве не я первая предсказала твое будущее?

И опять Саид чувствовал себя счастливым и спокойным около этой очаровательной

женщины. Он не догадывался, что спор между Айсель и Севим Грифон еще не окончен, и не понимал, что за славу надо расплачиваться...

Утренние газеты в своих отчетах о матче очень лестно отзывались об игре Саида. А Аркан даже написал: «На футбольном небосклоне возшла новая звезда!..»

КОРОЛЬ УМЕР. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

Футбольная карьера Саида началась стремительно: в первый же сезон он стал знаменитостью. Ежедневно на страницах газет печатались статьи о Саиде, интервью с ним и фотографии, фотографии, фотографии. Больше всех старался изобретательный Аркан — уж он не упускал случая похвалить Саида. У каждого прославленного футболиста должно быть прозвище, — самый объективный и справедливый спортивный комментатор Эрол Аркан-бей назвал Саида «Саид Офсайд». Когда в первом матче между ПыС'ом и ГВН Саид забил первый гол, «Столбешники» окружили судью с криками: «Офсайд!..» Но никакого офсайда не было, Саид забил гол по всем правилам. Такова была тактика Саида, — недаром футбольные специалисты называли ее «игрой на грани офсайда». (Правый крайний ГВН плел свои кружева вокруг защитников противника, умело выбирая позицию для прорыва, предлагая себя, чтобы, получив пас на выход, рвануться вперед, навстречу вратарю, мечущемуся в своих воротах.)

За один сезон Саид трижды играл за национальную сборную, тогда как Ахмед, которого еще недавно называли стеновым хребтом сборной и королем футбола, защищал честь страны всего один раз.

Ахмед постарел; хотя корона его еще сияла отблеском былой славы, он с трудом нес на своих плечах королевскую мантию...

Это понимала даже Севим, которая, несмотря на прежнюю привязанность, не жаловала дряхлеющих коронованных особ. Ее мысли занимал только Саид. Севим Грифон не могла себе простить, что выпустила из когтей такую добычу. Она не могла простить этого и своим родителям, для которых Саид давно уже перестал быть женихом их единственной дочери. Они не признавали банкротов. Разорившийся аристократ — не пара для наследницы фирмы «Хасип Ферфейерверк. Дамское белье».

И чем выше восходила звезда Саида, тем отчетливее понимала Севим, кого она потеряла; ей казалось, что она сходит с ума от любви, и она даже открылась Ахмеду, что любит только Саида. Севим так трогательно говорила о своих чувствах и из глаз ее так умиленно

струились слезы, что бедняга Ахмед расчувствовался и тоже прослезился.

В порыве искренности он признался Севим, что бессилен теперь против этого белобрысого парня, которого раньше и за человека не считал. Поражение ПыС'а в последнем матче с ГВН было прежде всего поражением самого Ахмеда, — некогда непроходимый защитник ничего не мог противопоставить прекрасной игре нападающего Саида. «Когда волк стареет, — вспомнил Ахмед пословицу, — над ним даже собаки смеются».

Последние два года Ахмед играл через силу, хоть и старался скрыть это, страшась насмешек молодых партнеров по команде. Мало кто догадывался об истинной причине его плохой игры, по привычке все еще говорили: «Опять Ахмед не в форме...» Давно прошли те времена, когда он играл в полную мощь и его называли «королем футбола», «позвоночным столбом» и даже «профессором футбола». Товарищи, с которыми он начинал играть, давно оставили футбол, каждый пристроился к какому-нибудь делу: один стал тренером, другой занялся коммерцией, третий выгодно женился. О них теперь мало кто помнил. У Ахмеда водились большие деньги, ему много перепало при переходах из одного клуба в другой, и он привык думать, что деньги у него будут всегда. Но дни былой славы миновали, а деньги он давно промотал, как, впрочем, и свою молодость.

Пока Севим плакала, положив голову ему на колени, Ахмед думал о себе, о ней, и ему было жалко и себя и ее. Ведь у него никогда никого не было, кроме Севим, но разве к ней он относился когда-нибудь серьезно? Почему же он не женился на ней, ведь она была так предана ему все эти годы? Что ждет его впереди? На следующий год проводят с помпой, — и иди себе на все четыре стороны!.. Эх, надо было вовремя уходить, пока слава его гремела по всей Турции. Как жестоки, безжалостны болельщики! Когда-то кричали: «Давай, Ахмед! Давай!» А теперь при малейшей оплошности только и слышно: «На мыло!»

На глаза его навернулись слезы... Кого он больше жалеет: себя или Севим?.. Ему хотелось утешить ее, обнять, погладить, как маленькую, по головке, но он подавил это непривычное для себя сентиментальное желание и даже прикрикнул:

— Хватит! Нашла из-за кого реветь!

— Что со мной теперь будет? — всхлипывала Севим. — Ведь мы с ним помолвлены... Как я буду людям в глаза смотреть?

— Прекрати сейчас же! Можно подумать, капитал потеряла!

— Ах, дорогой, капитал не капитал, но мне-то каково? Какая мне цена после этого? — невесело пошутила она и сама испугалась своей шутки, так ей стало горько и обидно. —

Если бы ты поговорил с Саидом... Ведь вы друзья!..

Ахмед поморщился. Он вспомнил уроки турецкого футбола, и ему стало не по себе. Глупые вопросы Севим заставили его подумать о том, чего же стоит теперь он, Ахмед, прозванный

некогда «стеной», «профессором футбольных наук» и «королем футбола». Неужели кончилось его царствование, и ему на смену пришел другой король?..

Ахмед схватил Севим за руки, притянул к себе.

— Перестань глупить! Заладила одно: цена, цена! Дураков полно на свете, найдем другого...

Такой товар не залежится...

Они замолчали. Каждый думал о своем.

— Послушай! — быстро заговорила вдруг Севим. — У меня идея! Это будет здорово!..

— Еще что придумала?

— У белобрысого все равно денег нет...

— Уж не хочешь ли ты попросить своего папашу дать ему в долг?

— Вот и глупо, я говорю серьезно. Что, если переманить Саида в наш ПыС? А? Что скажешь? Дюндар с ума спятит от радости?! Да, да, так мы и сделаем, вот увидишь. При безденежье Саида это прекрасный способ заработать...

Ахмед мрачно молчал. Его душила злая обида: кому она собирается услужить? Дюндару, Саиду или ему, Ахмеду? «Как я мог пожалеть ее?» — подумал Ахмед и встал.

— Чего это ты вдруг?

— Дело есть, — пробурчал он и вышел.

Дюндар Болтун-бей и впрямь был в восторге от ее идеи: она должна, не теряя ни минуты, начать действовать; это будет ее самая большая услуга ПыС'у. Если прямо сейчас начать внушать Саиду мысль о необходимости перехода в следующем сезоне в ПыС, он пока перестанет забивать им голы. Болтун-бей уже чувствовал, что не успеет сезон кончиться, как за Саидом сразу начнется охота. Да, тут ПыС'у придется раскошелиться, потому что ГВН ни за что не захочет расставаться с Саидом...

— Как могло случиться, что мы упустили этого парня? — задумчиво произнес Болтун-бей.

— Впрочем, кто знал, что из такого растяпы выйдет толк!.. Да, я вот поседел, трудясь на футбольном поприще, но не припомню в своей практике такого головокружительного взлета. Всякое было, но чтобы так вдруг... И уж совсем не понимаю, как ты могла ему позволить играть за ГВН? (Он наивно полагал, что Севим еще имеет влияние на Саида.)

— Это всему виной англичанин, его происки, — ответила Севим.

— Если у тебя ничего не выйдет, мы его похитим! — решительно сказал Дюндар Болтун-бей. — Помнишь, как ты тогда помогла с Ахмедом? Да, кстати, мы собираемся предложить его какому-нибудь провинциальному клубу. Сама видишь, толку от него совсем мало: чем хуже играет, тем больше грубит на поле... Мы его загоним и торговаться не будем...

У Севим все оборвалось внутри. «Король умер!» — пронеслось у нее в голове. Она не

попыталась даже заступиться за старого друга, не проронила ни слова, боясь, что не выдержит и разрыдается.

МАТЧ ВЕКА

Встреча ПыС'а и ГВН должна была все решить. Кто выиграет, тот станет чемпионом страны!..

В этом матче решалась судьба еще одного первенства: кто будет лучшим бомбардиром сезона, кто получит титул «Король футбола». На этот титул было три претендента, в том числе и Саид Рыжисын, правый крайний нападения ГВН. И чтобы стать «Королем футбола», Саиду надо было забить хотя бы один гол в ворота ПыС'а. Победа ГВН определит судьбу чемпионата и его, Саида, судьбу, ознаменует победу Саида над самим собой, над своим прошлым.

Об этом историческом матче писали и говорили везде и всюду. Газеты называли его крупнейшим событием года, матчем века. Лихорадило не только Стамбул, вся страна ходила ходуном: болельщики обеих команд жили во всех уголках Турции. Время от времени в газетах появлялись сообщения о столкновениях между болельщиками. Возникали не только споры, но и драки и поножовщина. Общественное мнение было возбуждено до предела...

Учитывая огромный интерес к матчу, организаторы объявили по радио и телевидению, что приняты самые строгие, самые беспощадные меры против спекуляции билетами. И тотчас же после этого стоимость билетов на черном рынке подскочила до невиданных размеров. Хотя ни один билет еще не поступал в кассы, барышники продавали их уже не дешевле двухсот лир. Полиции пришлось наложить арест на типографию, в которой печатались билеты на футбольный матч.

Министр по делам спорта заявил на пресс-конференции, что испытывает чувство глубочайшего удовлетворения от того, что турецкий народ так самозабвенно отдает себя делу спорта. Напомнив о том, что только в здоровом теле может быть здоровый дух, он сообщил, что в ближайшие годы в Стамбуле будет построено еще два стадиона на сто тысяч мест каждый.

Заявление министра вызвало многочисленные отклики прессы. Так, один журналист в своем комментарии остроумно заметил, что столице нужны не два стадиона, а двадцать и чтобы каждый из них вмещал не менее ста тысяч человек, кроме этого он предложил

грандиозный проект стадионизации Стамбула, для чего следует окружить город трибунным поясом, который будет способен вместить не только жителей города, но и всю страну, удовлетворив потребность масс в зрелищах.

Один писатель, известный своими левыми взглядами, робко возразил, что глупо думать о таких больших стадионах, когда не хватает школ и больниц, в городах нет канализации, а в деревнях — электричества.

В ответ на это бойкий спортивный обозреватель, побывавший во многих европейских столицах, разразился статьей, в которой писал: «Я проехал по всей Европе, побывал на многих международных, межконтинентальных, мировых и олимпийских матчах и видел, как нужен народам футбол. Не надо смешивать канализацию со спортом!» — гневно заключил он свою статью.

Страсти вокруг матча разгорались. Болельщики заключали пари от пяти до пяти тысяч лир. В газетах появлялись то и дело все новые сообщения: «Если выиграет наш ПыС, сапожники Стамбула подарят по паре обуви не только членам своей любимой команды, но и членам их семей...»

«Владелец ресторана заявил: если победит ГВН, он будет кормить всю команду бесплатно целый месяц...»

«Ответственный сотрудник стамбульского муниципалитета авторитетно сообщил, что, если победу одержит ПыС, футболистам клуба будет разрешено бесплатно ходить в места общественного пользования города...»

Что касается Болтун-бея, то он обещал своим ребятам по шесть тысяч лир, если они выиграют, конечно...

Эрол Аркан напечатал в своей газете фотографию девушки в бикини с такой надписью: «Верная болельщица ГВН Нуртен заявила: «Если моя команда проиграет, я сожгу себя на площади Таксим!..»

А сколько было семейных ссор и даже разводов из-за предстоящего матча...

Знаменитые люди были нарасхват: каждый день им приходилось отвечать на вопрос: «Кто, по-вашему, будет чемпионом?» Не забыли при этом и Севим; когда ей задали этот вопрос, она сказала:

— Начну с того, что мяч круглый. Кто будет чемпионом, сейчас сказать трудно. Делать прогнозы — занятие неблагородное, особенно когда речь идет о таких командах. Если ПыС техничен, то ГВН в лучшей форме. Если трудно удержать Саида Офсайда, то так же трудно пройти Ахмеда Стену.

Журналист поставил вопрос ребром:

— Вы болеете, конечно, за Пыс?

— С вашего позволения, я воздержусь от ответа... Однако беседа на этом не кончилась: пройдоха

журналист выпросил у Севим несколько фотографий.

— Вы позволите?.. Я хотел бы опубликовать...

— Не знаю... Как хотите...

В газете появилась фотография, где Севим была снята на пляже в обнимку с Ахмедом. Когда вопрос о будущем чемпионе был задан Айсель, она, в отличие от Севим, не стала ходить вокруг да около, а сказала прямо:

— Чемпионом будет ГВН!..

Но читателя не интересовало мнение Айсель. Он любил рассматривать ее фотографии, благо у Испанки было на что поглядеть. Газеты покупают не только для того, чтобы читать там разные статьи да заявления. Газета должна быть наглядной, особенно если это касается женщин... Все, что есть в женщине привлекательного, все должно быть открыто для газет. Турок не жалуется худых женщин. Поэтому Севим Грифон не могла угнаться за Испанкой Айсель. Пышные формы Испанки радовали турецкий глаз, потому газеты с фотографиями Айсель выходили двойным тиражом...

Накануне великого дня обе команды должны были уехать из Стамбула на отдых.

Незадолго до отъезда Саид решил привести в порядок домашние дела, показав на собственном примере, что в здоровом теле — здоровый дух. Надо сказать, что он все чаще задумывался о вопросах, которыми раньше вообще не интересовался. Например: как жить дальше? Чем заниматься? Как зарабатывать на жизнь?.. Он решил принять проект строительных фирм, распроститься с фамильным особняком и на его месте построить четыре дома; в одном они могут поселиться с тетушкой и мадам Анжелой, другие сдать в аренду. Но все равно его намерение работать — непоколебимо!

Самым трудным оказалось убедить тетушку в необходимости такого решения. Как только старая женщина услышала, что особняк, в котором она выросла и прожила всю жизнь, пойдет на слом, она лишилась дара речи, а когда пришла в себя, сказала дрожащим голосом:

— Ты родился в этом доме, вырос!.. Как же ты смеешь поднимать руку на эту святыню? Нет, Саид, ты так не поступишь!..

— Но, тетушка, поймите, того требует жизнь. Много ли осталось в нашем городе старинных особняков? Все они давно сломаны, а на их месте построены современные дома.

— Ну и что хорошего? Гробы, а не дома! Нет, нет, ты меня не уговаривай, я не могу, я не хочу жить в современном доме!.. Раз ты со мной не хочешь считаться, я уйду в дом для престарелых! — Беррин-ханымэфенди проявила необыкновенное упрямство.

— И я тоже, — вздохнула мадам Анжела. — Я не гасстанусь с моей госпожой.

— Тетушка, да поймите, в один прекрасный день наш особняк сам развалится от старости!..

— Аллах не допустит, чтобы я до этого дожила...

Все кончилось тем, что Саид заплакал вместе с тетушкой и мадам Анжелой.

— Неужели вы думаете, — всхлипывая, говорил он, — что мне самому хочется покидать наш дом?

Как ни странно, но Саидовы слезы сразу же привели тетушку в чувство. Она вытерла глаза, прижала племянника к своей груди и стала уговаривать так, словно он был маленьким:

— Ну ладно, сын мой, успокойся. Хорошо, бог в нем, с домом. Он действительно старый, и жить в нем неудобно. Ну перестань...

Переезд на другую квартиру прошел тяжело: тетушка желала вывезти из особняка все вещи, не в силах отказаться даже от самой пустячной вещички.

— Ах, тетушка, ну куда мы все это денем? Квартира же меньше дома.

— Я умру, если расстанусь со своими вещами, — решительно заявила она...

Через два дня Саид вместе с товарищами по команде уехал из Стамбула.

Долгожданный день матча наступил. В городе замерла деловая жизнь, все ринулись на стадион. Стамбул опустел...

Перед матчем ПыС во главе с Болтун-беєм отправился в мечеть Эйюбсултан, чтобы совершить намаз.

Севим несколько недель безуспешно разыскивала Саида: адреса дома, в котором он теперь жил, она не знала; пойти в клуб ГВН не решалась. Все надежды она возлагала на этот день: перед началом игры она встретится с Саидом и скажет, что ПыС предлагает ему перейти в их клуб, разумеется, за большие деньги. Он, конечно, тотчас же согласится, а после матча они вместе поедут к ней домой. Сегодня он должен увидеть и понять, как она любит его. Она сделает все, чтобы понравиться Саиду, будет с ним нежна и ласкова, как никогда! Не будь она Севим Грифон!.. Сегодня она страстно желала поражения своему родному ПыС'у...

Люди сплошным потоком двигались по городским улицам в сторону стадиона. Те, у кого не было билетов, штурмовали стены стадиона, как в далекие века их предки штурмовали стены столицы Византии. Окажись перед ними Китайская стена, даже она не остановила бы их...

Все места на трибунах были заняты за четыре часа до начала матча. Зрители пришли сюда, запасись провизией, прихватив с собой нарды, кости, карты, не забыв бутылки с вином и раки.

Севим собиралась на матч, как на бал. Она надела самое красивое платье, навешала на себя украшения, не забыла надеть обручальное кольцо. Когда она шла к двери, мать давала ей последние наставления:

— Доченька, мужчинам ни в коем случае нельзя показывать свою благосклонность, иначе они сразу же садятся на голову! Будь умницей, доче...

— Хватит меня учить! — взорвалась Севим. — Я не собираюсь больше спрашивать у тебя, что мне делать и как вести себя! Я сама знаю не хуже тебя!

— Ах ты негодная! — закричала Мехджуре-ханым. — Полюбуйтесь на эту неблагодарную! Я ее родила, вскормила, вспоила, и она мне, матери, говорит такие дерзости!.. Да как ты смеешь?

— Смею! Смею! Смею! — Голос Севим перешел в визг. — Ты во всем виновата!.. «Ах, не тот цвет, ах, не тот стиль!»

— На помощь!.. Умираю!.. — завопила на весь дом Мехджуре-ханым, закатывая глаза и падая в кресло.

Севим даже бровью не повела, с невозмутимым спокойствием вышла, громко хлопнув дверью.

— Чтоб ты ослепла, подлая! — плюнула вслед ей родная мать.

Севим никак не могла решить, куда ей отправиться: к ребятам из ПыС'а или в отель, где разместилась команда ГВН. «Надо побывать, пожалуй, и там и там», — мудро рассудила она и направилась к «Столбам».

— Пусть все черти будут с вами, мальчики! — с напускной веселостью вскричала она вместо приветствия.

Но мальчики даже не шелохнулись при ее появлении. Кто-то нехотя поднял голову и пробормотал:

— О! Прибыла наша честь и совесть...

— Ну как вы, мальчики? — Голос Севим потускнел. Ахмед повернулся к ней, но не встал.

— Как видишь. Вчера мы посетили почтеннейшего покровителя нашего Эйюбсултана и сегодня, с помощью Аллаха, рассчитываем обыграть «Нуждарей».

Его слова вызвали смех.

— А ты, сладкая, посиди со мной рядышком, чтобы я играл удачливо...

Севим под села к Ахмеду, но скоро почувствовала себя одинокой: никто ею не интересовался, как прежде, никто с ней не разговаривал. Она встала и тихонько вышла.

Поймав на улице такси, Севим примчалась в другой отель, где остановились ребята из ГВН. Портье не пустил ее дальше холла.

— Как?! — возмутилась Севим. — Почему это нельзя пройти? Что значит запрещено?

Откуда такие порядки?

— Вам придется подождать, пока сообщим о вашем приходе Томпсону-эфенди.

— А кто он здесь такой?

— Тренер команды.

— С каких это пор тренер лезет во все дела команды? Пусть командует футболистами на футбольном поле, а не здесь.

Эти слова услышал Томпсон и, подойдя к ней, произнес:

— Здравствуйте! Вы прав, я командуй всюду... Вы желаете увидеть Саид?

— Да.

— Я разрешай вам его видеть, но прошу недолго: мы скоро уезжаем на стадион. Прошу на втором этаж, малая гостиная.

Войдя в гостиную, Севим застыла на месте: Саид и Айсель сидели за столом и пили чай.

Увидев ее, Саид встал и протянул руку.

— Здравствуй, Севим...

— И на том спасибо, что не забыл еще имени, — язвительно ответила она.

Саид промолчал. Севим окинула взглядом Айсель.

— Я, кажется, вам помешала?

— Нет, что ты... Садись с нами, прошу тебя...

— А где ж твои очки? — вдруг ни с того ни с сего спросила она.

Саид улыбнулся.

— Благодаря тебе в них больше нет необходимости. Ношу только на улице, когда яркое солнце...

Желая переменить тему разговора, он поспешил представить женщин друг другу:

— Простите, пожалуйста, я не познакомил вас...

— О Аллах, кто же не знает Испанку Айсель? Та насмешливо улыбнулась.

— Что с вами случилось, Севим? В такой день, когда вам полагается вдохновлять своих мальчиков, вы пожаловали сюда? Уж не ошиблись ли вы адресом? ПыС остановился в другом отеле...

Вне себя от ярости, Севим Грифон бросилась на Айсель, норовя вцепиться ей в волосы.

Словно ожидавшая нападения, Айсель ловко увернулась и, в свою очередь, схватила Севим за руки. На женский визг сбежались футболисты, но никто не кинулся разнимать соперниц.

Здоровые парни покатывались со смеху, подуськивая и подзадоривая их:

— Дай ей в глаз! Так ее, Айсель!..

— А ну, Севим, покажи!..

— Эй, Испанка, не сдавайся!.. Женщины покатались по полу...

Саид в ужасе застыл, не в силах сдвинуться с места.

В этот момент в дверях появился Томпсон и, не обращая внимания на потасовку, закричал: — Все, мальчики! Отобюс поданы! Едем! — и энергично стал выпроваживать их из гостиной. Саида он увел за руку.

Когда все ушли, драка прекратилась, обе женщины были без сознания...

Первой очнулась Айсель, она позвала горничную и сказала:

— Вот телефон мужа, позвоните... Передайте ему, что мне дурно.

«ЗАКАТИЛАСЬ ЗВЕЗДА...»

Над стадионом, заполненным до отказа, поднималось ровное, монотонное грохотанье. Болельщики обеих команд, сидевшие на противоположных трибунах, били палками по пустым бидонам, канистрам, банкам — это зовется на языке любителей спорта «тещин гнев», скребли по деревянным дощечкам, дули в трубы, свистели в свистульки, трещали трещотками, разворачивали над головами лозунги. Какой-то беззубый старик от нечего делать свистнул так, что стадион на мгновение примолк и снова утонул в привычном шуме. Не было человека, который не держал бы в руках что-нибудь; палку, бутылку, банку... Когда на поле вышли одиннадцать игроков в форме ГВН, одна трибуна взорвалась аплодисментами, а дру» гая залилась свистом. То же самое повторилось при выходе команды ПыС.

Игра сразу началась в быстром темпе. Сто тысяч зрителей, занявших места на трибунах, и еще пятьдесят тысяч безбилетников замерли в ожидании, но такое затишье явно предвещало бурю...

Первые десять минут игры прошли в середине поля с переменным успехом. На десятой минуте мяч попал к Саиду. Болельщики «Нуждарей» заревели:

— Оф-оф-офсайд!.. Оф-оф-офсайд!..

Не отпуская от себя мяча, Саид рванулся по краю, приблизился к штрафной площадке и оказался один на один с Ахмедом. Когда Ахмед понял, что мяча у Саида ему не отнять, он с такой силой хватил нападающего по спине, что тот присел, скрючившись от боли, будто в позвоночник ему загнали гвоздь...

Если бы не этот пинок, Саид, наверное, открыл бы счет.

— О-о-ох! — вырвалось у болельщиков ГВН, и Ахмед, озверев оттого, что симпатии зрителей оказались на стороне Саида, погрозил трибунам кулаком.

— Оф-оф-офсайд! Оф-оф-офсайд! — в ответ орали трибуны. — Ну-ка вдарь, «Нуждарь»!.. Ну-ка вдарь, «Нуждарь»!

С каждой минутой игра становилась все напряженной. Футболисты ГВН почти не покидали половины поля противников, мяч то и дело повисал над воротами ПыС'а. Однако счет все же открыл ПыС, во время одной из контратак «Столбы» забили гол в ворота ГВН.

Болельщики в ажиотаже срывали с себя пиджаки, кепки, галстуки, рубахи и махали ими в воздухе...

Первый тайм окончился со счетом 1:0 в пользу ПыС'а.

На седьмой минуте второго тайма «Нуждари» забили ответный гол, мяч влетел в сетку ворот от ноги Саида. Этот успех словно влил в игроков ГВН новые силы, Саид Офсайд неудержимо рвался к воротам, и чем острее были атаки «короля футбола», тем больше нервничал и грубил Ахмед. Вскоре он сам стал жертвой грубости. Резак Костолом так саданул ему по копчику, что, взыв от боли, Ахмед словно подкошенный рухнул на траву. Однако судья даже не остановил игру. Матч продолжался. Саид подбежал к Ахмеду, чтобы помочь ему встать, но тот, увидев склонившегося над ним Саида, вскочил, оттолкнул его и, преодолевая боль, погнался за мячом...

— На редкость грубо играет сегодня Ахмед, — отметил спортивный комментатор, который вел трансляцию по радио. — И все его выходки оборачиваются против него же... Ай-яй-яй, ну зачем же так делать... Сейчас судья остановит встречу... Нет... Вы слышите реакцию зрителей, дорогие радиослушатели? Саид в замечательном рывке проходит середину поля... Вот он уже у ворот противника... Сейчас мы увидим еще один гол!.. О господи! Откуда же взялся Ахмед? Нет, гола не будет: Ахмед сбил Саида на штрафной... Ай-яй-яй, Ахмед! Как же нехорошо. Ведь только что Саид как джентльмен хотел тебе помочь... К Саиду подбежал судья... Назначается пенальти...

Одиннадцатиметровый пробил капитан ГВН Осман Перец. Гол!.. 2:1 — ведет ГВН...

Никогда еще Ахмед не играл так плохо и неуверенно. Спина ныла, словно в ней торчал нож. Конечно, надо уйти с поля, но решиться на такой шаг Ахмед не мог. Томпсон прав: классная футбольная команда должна работать, как хорошо отрегулированный механизм. А вот если сломается что-нибудь, хоть один винтик, весь механизм может выйти из строя... Ахмед бестолково носился по полю, и так же бестолково играла вся команда...

— Да, наш Саид показывает сегодня чудеса, — продолжал радиокomentатор. — Он уверенно претендует на звание лучшего бомбардира. Он хозяин поля и главный дирижер всей игры... Вы, конечно, слышите, как реагируют зрители. Да, сегодня очень напряженный матч!.. Накал борьбы не ослабевает... Вот Саид завладел мячом... Он обходит сразу трех игроков... Все ближе к воротам... Молодец, Саид!.. Сейчас будет... Ну!! Го-о-ол! Три один в

пользу «Нуждарей».

ГВН становился чемпионом, а Саид — «королем футбола». Товарищи подняли его на руки. Болельщики ПыС'а пришли в такое неистовство, что на поле полетели палки, банки, бутылки. Явно, они метили в Саида. И вот Саид упал, схватившись за голову. Из-под ладони показалась кровь. Саида уложили на траву, игроки плотным кольцом окружили его. — Ничего, ничего, — твердил Саид, — я сам, я сейчас...

Он попытался встать, но кровь пошла сильнее, и его на руках отнесли в раздевалку.

Матч продолжался под восторженный рев всех трибун. Минут через пять на поле выбежал Саид с забинтованной головой. Казалось, уже ничто не может его остановить. И вскоре Саид снова забивает гол в ворота противника.

Свисток судьи возвестил об окончании матча. Ни полицейские, ни жандармы не смогли удержать зрителей на трибунах. Болельщики «Нуждарей» хлынули на поле. На трибуне, где сидели болельщики ПыС'а, царило трагическое молчание.

Людей на поле становилось все больше и больше, Саиду казалось, что все они бегут к нему. Он не был храбрецом, его, пожалуй, можно было бы назвать человеком несмелым, однако он стоял и смотрел на приближающихся к нему людей, не помышляя о бегстве: «Будь что будет». И не успел он оглянуться, как десятки рук подхватили его и он оказался вверху, в воздухе, над всем стадионом. Люди что-то кричали ему, громко смеялись. Когда его опустили на землю, он решил, что счастливо избежал энтузиазма толпы, и направился к выходу. Но не тут-то было: его снова окружили восторженные болельщики и начали срывать с него трусы, майку, раздирая на мелкие клочья, чтобы оставить себе драгоценный сувенир. Когда на нем уже почти ничего не осталось, жадные руки потянулись к окровавленным бинтам на его голове... Полиция с трудом спасла Саида из объятий фанатиков футбола.

Погасли прожекторы, и стадион сразу погрузился в темноту. Саид не пошел в раздевалку, а уселся на траве на краю поля, обхватив руками колени, положив на них тяжелую, разрывающуюся от боли голову, и задумался...

На трибунах болельщики жгли газеты: одни с горя, другие с радости.

Саид сидел и думал о том, что футбольные матчи, наверно, помогают людям свободно проявить себя, свою индивидуальность, излить накопившуюся злобу, сорвать досаду, облегчить душу!.. Иначе чем объяснить, что сотни тысяч людей приходят посмотреть яростную борьбу за мяч, которую ведут два десятка молодых людей?.. Почему все эти убогие и сирые, больные и чахоточные, безногие и одноглазые, все эти бедняки добровольно отдают недельное жалованье, свои последние гроши за билет на стадион? Может, для них стаг дион — дом родной или больница? Но разве, приходя сюда, они

избавляются от повседневных забот, от жизненных тягот, от болезней? Нет... Может, они ищут выход своим страданиям? И правда: здесь они могут кричать, на кого хотят, оскорблять, кого хотят — игроков, судей, сидящих рядом зрителей... И, дав волю своим чувствам, своим инстинктам, опростав душу от накопившейся там злости, от осевшей там желчи, от клокочущего там ожесточения, они успокаиваются на какое-то время... И так до следующего матча... Вот почему, наверное, власти поощряют такого рода зрелища... Саид не знал, сколько времени он просидел на земле. Стадион давно опустел, стояла непривычная тишина. И в этой зловещей тишине головная боль казалась особенно нестерпимой. Он с трудом поднялся и пошел в раздевалку. Он мог бы отправиться к приятелям, он знал, где их найти, но, одевшись, заспешил домой. Уже когда он закрывал за собой дверь, до него донесся громкий стон из раздевалки команды ПыС. Войдя туда, он увидел на скамейке корчившегося от боли Ахмеда и двух служащих стадиона, которые топтались около него.

— Что с тобой? — спросил Саид.

— Плохо мне очень... — с трудом выдавил Ахмед.

— Кто-нибудь здесь еще остался? — обратился Саид к служащим.

— Нет, все давно ушли.

— Надо что-то делать!..

— Мы вызвали «скорую помощь», только она не больно торопится...

Саид выбежал на площадь в поисках такси. Там егр поджидали Аи сель и Севим: одна сидела в собственной машине, другая — в такси. Обе женщины понимали, что у них сегодня последний шанс на победу...

Саид решил, что такси свободно, и подбежал к нему. Севим радостно выскочила ему навстречу.

— Любимый, — воскликнула она, — мы поедem ко мне домой или к твоим приятелям?

Саид холодно поглядел на нее, и по этому взгляду Севим поняла, что проиграла. А поняв, закричала точь-в-точь, как закричала бы Мехджуре-ханым:

— Что? Что смотришь на меня? Может, я тебе не нравлюсь?..

И опять, вот уже который раз, она сняла обручальное кольцо и с ненавистью швырнула его в Саида-Потом закрыла лицо руками и зарыдала. Что же с ней теперь будет? Ведь она так любит его...

Тогда из машины вышла Айсель и с улыбкой подошла к Саиду. Она хотела взять его под руку, но он ловко увернулся и со всего размаха ударил ногой по машине. Это был его последний удар!..

Саид нашел такси и вернулся к стадиону. На руках он вынес Ахмеда, уложил его на заднем

сиденье машины и привез в больницу.

Врач осмотрел знаменитого защитника и сказал, что его нужно срочно оперировать, иначе Ахмед не поднимется.

— А пока мы сделаем обезболивающий укол, и он поспит до утра.

Саид подошел к Ахмеду.

— Ну, как ты?

Когда Ахмеду сказали о предстоящей операции, он сокрушенно произнес:

— Теперь все! Прощай, мяч!.. Давно мне надо было оставить футбол, да никак не решался... Как теперь буду жить?.. На что?.. Спасибо тебе большое, Саид. — В глазах Ахмеда стояли слезы.

— Что ты, Ахмед, это я должен благодарить тебя...

Саид вышел из больницы. Начало светать. Он решил пройтись до дому пешком. Ноги привели его к особняку Рыжисынов, который уже начали ломать, — завтра от него ничего не останется. У Саида сжалось сердце. Он бесцельно побродил по саду, посидел на краю колодца, в который когда-то свалился. Подождал, пока совсем рассветет. Затем решительно двинулся домой.

Он шел и по старой привычке размахивал руками, разговаривая сам с собой. В этот ранний час кругом никого не было. И если бы ему навстречу вдруг попался случайный прохожий, то Саид, наверно, остановил бы его и сказал:

— Знаете, эфенди, я, кажется, ошибся. Я, пожалуй, свернул не в ту сторону. Мне думается, что надо все начинать заново. Только вот не знаю, с чего же начать?.. А?! Во что теперь играть?..

На следующий день все газеты единодушно провозгласили Саида «Королем футбола».

Прошел еще один день, и весь Стамбул, и всю страну облетела сенсационная новость: «Король футбола» отрекся от престола, он оставил футбол.

Самый объективный и популярный спортивный обозреватель Эрол Аркан-бей написал в своей газете:

«Закатилась звезда... Новая звезда нашего футбола, едва успев взойти, погасла!..»

Для мультязыкового проекта www.franklang.ru сканировал и проверил Илья Франк